Эд. Бернштейнъ

УСЛОВІЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦІАЛИЗМА и ЗАДАЧИ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

„... И потому законъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ представляетъ не только великую практическую побѣду; онъ также есть торжество принципа“.

Карлъ Марксъ.

Изъ рѣчи при открыт. «Интернаціонала».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

Типографія А. А. Гольдберга, Лиговская, 57.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ МАРКСИЗМА.

а) Научные элементы марксизма.

„Съ этого времени соціализмъ дѣлается наукою, которую остается теперь лишь разрабатывать дальше въ ея подробностяхъ и цѣломъ."

Энгельсъ, „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft".

Нѣмецкая соціалъ-демократія въ настоящее время признаетъ теоретическою основою своей дѣятельности ученіе объ общественномъ развитіи, выработанное Марксомъ и Энгельсомъ и названное ими „научнымъ соціализмомъ". Это значитъ, что, представляя, въ качествѣ боевой партіи, опредѣленные интересы и тенденціи и борясь за извѣстныя, ею самой намѣченныя цѣли, соціалъ-демократія при опредѣленіи этихъ цѣлей руководится въ послѣднемъ и окончательномъ счетѣ теоріей, допускающей строго объективное обоснованіе, которое черпаетъ свой матеріалъ исключительно въ опытѣ и логикѣ и вполнѣ съ ними согласуется. Ибо то, что не допускаетъ такого обоснованія, перестаетъ быть наукою, а покоится на субъективныхъ убѣжденіяхъ, на простомъ желаніи или на личномъ мнѣніи.

Во всѣхъ наукахъ можно различать чистое ученіе и прикладное. Первое состоитъ изъ положеній, выведенныхъ изъ всей совокупности соотвѣтствующихъ данныхъ опыта и признаю-

щихся поэтому всеобщими и необходимыми. Они образуютъ въ теоріи ея постоянный элементъ. Изъ приложенія этихъ положеній къ единичнымъ явленіямъ или единичнымъ случаямъ практики образуется прикладная наука; добытые изъ этого приложенія элементы познанія, будучи приведены въ форму научныхъ положеній, образуютъ ученія прикладной науки. Они составляютъ въ научномъ зданіи его перемѣнный элементъ.

Слова „постоянный“ и „перемѣнный“ слѣдуетъ однако понимать здѣсь лишь въ условномъ смыслѣ. Положенія чистой науки также подвержены измѣненіямъ, которыя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ ограниченій Съ развитіемъ знанія иныя положенія, которымъ раньше приписывалась абсолютная вѣрность, признаются условными и дополняются другими, ограничивающими эту вѣрность, хотя въ то же время и расширяющими область чистой науки. Напротивъ же того, въ прикладной наукѣ отдѣльныя положенія для извѣстныхъ случаевъ остаются постоянно дѣйствительными. Какое-нибудь положеніе въ земледѣльческой химіи или электротехникѣ, поскольку оно вообще испытано, остается всегда вѣрнымъ, разъ только осуществляются условія, при которыхъ оно имѣетъ силу. Но многочисленность этихъ условій и ихъ различныхъ комбинацій производитъ безконечное разнообразіе такихъ положеній и постоянное измѣненіе въ ихъ значеніи. Практика безпрестанно создаетъ новый познавательный матеріалъ и измѣняетъ общую картину, можно сказать, ежедневно: она безпрерывно отсылаетъ въ область устарѣлыхъ методовъ то, что нѣкогда было новымъ пріобрѣтеніемъ.

До сихъ поръ еще никто не пытался систематически отдѣлить чистую науку соціалистической доктрины марксизма отъ его прикладной части, хотя въ важныхъ подготовительныхъ къ тому работахъ недостатка не было. Въ качествѣ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ изложенія слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ упомянуть извѣстную формулировку самимъ Марксомъ его пониманія исторіи въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ и третій отдѣлъ „Развитія утопическаго и научнаго соціализма“ Ф. Энгельса. Въ этомъ предисловіи Марксъ излагаетъ общія основныя черты своей исторической и общественной философіи въ такихъ сжатыхъ, опредѣленныхъ и отрѣшенныхъ отъ всякаго отношенія къ единичнымъ явленіямъ и формамъ положеніяхъ, какъ это въ другомъ мѣстѣ мы нигдѣ не

встрѣчаемъ. Здѣсь не опущена ни одна мысль, существенная для философіи исторіи Маркса.

Сочиненіе Энгельса представляетъ отчасти болѣе популярное изложеніе, а отчасти развитіе положеній Маркса. Тамъ уже затрагиваются частныя явленія развитія, какъ, напр., современное общество, названное Марксомъ буржуазнымъ, и ближе разсматривается дальнѣйшій ходъ его развитія, такъ что во многихъ мѣстахъ становится уже возможнымъ говорить о прикладной наукѣ. Оттуда можно уже кое-что устранить безъ ущерба для основныхъ мыслей. Въ своихъ главныхъ положеніяхъ однако изложеніе все еще достаточно всеобще, чтобъ имѣть значеніе для чистой науки марксизма. Это тѣмъ болѣе, что марксизмъ хочетъ быть больше, чѣмъ отвлеченная историческая теорія. Онъ хочетъ одновременно быть и теоріей современнаго общества и его развитія. Можно, если ужъ строго различать, и эту часть доктрины марксизма называть прикладною; но она существенно необходима для марксизма, который безъ нея теряетъ все свое значеніе, какъ политическая наука. Оттого необходимо къ чистому ученію марксизма причислить еще и общія или главныя положенія этихъ выводовъ по поводу современнаго общества. Если современный общественный строй, юридически покоящійся на частной собственности и свободной конкурренціи, и представляетъ для исторіи человѣчества частный случай, то онъ для современнаго культурнаго міра все же случай всеобщій и постоянный. Все, слѣдовательно, что въ марксистскомъ анализѣ буржуазнаго общества и хода его развитія имѣетъ абсолютное значеніе, независимое отъ національныхъ и мѣстныхъ особенностей, должно быть отнесено къ области чистой доктрины; все же, что основывается на временныхъ и мѣстныхъ частныхъ явленіяхъ и догадкахъ, — всѣ спеціально частныя формы развитія — принадлежатъ къ прикладной наукѣ.

Съ нѣкотораго времени стало модою дискредитировать, какъ „схоластику“, всякое болѣе или менѣе строго аналитическое изслѣдованіе ученія Маркса. Такого рода стереотипныя названія весьма удобны и именно потому слѣдуетъ обращаться съ ними весьма осторожно Всегда необходимо пересматривать понятія и отдѣлять случайное отъ существеннаго, дабы эти понятія не опошлились и выводы изъ нихъ не превратились въ застывшія формулы вѣры. Схоластика занималась не однимъ

только мелочнымъ расчлененіемъ понятій, она не только играла роль прислужницы религіи,— она своимъ анализомъ содержавшихся въ богословскихъ догмахъ понятій значительно содѣйствовала пораженію догматизма и подкопала стѣну, которую ортодоксальная догматика противопоставила свободному философскому изслѣдованію. На полѣ, воздѣланномъ схоластикой, выросла философія Декарта и Спинозы. Бываетъ именно различнаго рода схоластика: критическая и апологетическая. Послѣдняя всегда была грозою всякой ортодоксіи.

Разграничивая вышеупомянутымъ образомъ элементы ученія Маркса, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ руководящій масштабъ для оцѣнки значенія отдѣльныхъ положеній его для всей системы. Устраняя какое-нибудь положеніе въ чистой наукѣ, мы отрываемъ кусокъ фундамента, лишаемъ значительную часть всего зданія ея опоры и подвергаемъ его опасности рухнуть. Иначе обстоитъ съ положеніями прикладной науки: эти могутъ упасть, нисколько не разрушая фундамента. Больше того, цѣлые ряды положеній прикладной науки могутъ рухнуть, не увлекая за собою прочихъ частей. Для этого нужно лишь показать, что ошибка была сдѣлана при постройкѣ среднихъ частей. Тамъ, гдѣ такой ошибки не оказывается, приходится придти къ неизбѣжному заключенію, что въ самомъ фундаментѣ были ошибки или недочеты.

Въ планъ этой работы однако не входитъ провести подобное разграниченіе вплоть до мельчайшихъ подробностей, такъ какъ дѣло здѣсь не идетъ объ исчерпывающемъ изложеніи и критикѣ ученія Маркса. Для моихъ цѣлей достаточно отмѣтить, въ качествѣ основныхъ составныхъ частей того, что, въ моемъ мнѣніи, образуетъ зданіе чистаго ученія марксизма, упомянутую уже программу историческаго матеріализма, заключающееся въ ней, въ видѣ зародыша, ученіе о классовой борьбѣ вообще и классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ въ частности, равно какъ и ученіе о прибавочной цѣнности вмѣстѣ съ ученіемъ о формѣ производства, свойственной буржуазному обществу, и о содержащихся въ ней тенденціяхъ развитія этого общества. Какъ положенія прикладной, такъ точно и положенія чистой науки разнятся, естественно, между собою въ значеніи для всей системы.

Такъ, напримѣръ, никто не станетъ отрицать, что самый важный членъ въ фундаментѣ марксизма,—такъ сказать, основ-

ной законъ, проникающій всю систему,—это его специфическая теорія исторіи, извѣстная подъ именемъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Съ нею принципіально связана вся система, и въ той мѣрѣ, въ какой она подвергается ограниченіямъ, измѣняется неизбѣжно также и положеніе остальныхъ членовъ по отношенію другъ къ другу. Всякое изслѣдованіе о правильности марксистской философіи должно поэтому исходить изъ вопроса о томъ, вѣрна ли эта теорія и въ какой степени.

б) Матеріалистическое пониманіе исторіи и историческая необходимость.

„Намъ приходилось, въ виду противниковъ нашихъ, подчеркивать оспаривавшійся ими главный принципъ (экономическую сторону), а также у насъ не всегда было время, мѣсто и случай, чтобъ оказать справедливость остальнымъ взаимодѣйствовавшимъ моментамъ".

Ф. Энгельсъ, письмо отъ 1890 г., напечатанное въ „Soz. Akademiker" за октябрь 1895 г.

Вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о степени исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ, прежде всего, утверждать необходимость всего случающагося. Движеніе матеріи совершается, согласно матеріалистическому ученію, съ необходимостью опредѣленныхъ законовъ: нѣтъ причины безъ неизмѣннаго дѣйствія, нѣтъ явленія безъ матеріальной причины. А такъ какъ движеніе матеріи опредѣляетъ форму идей и направленіе волевыхъ актовъ, то и послѣдніе вмѣстѣ со всѣмъ совершающимся въ человѣческомъ мірѣ необходимы. Матеріалистъ, такимъ образомъ, есть кальвинистъ безъ Бога. Если онъ и не вѣритъ въ предопредѣленіе, установленное божествомъ, то онъ все же вѣритъ и долженъ вѣрить, что, начиная съ любого момента, все, что затѣмъ совершается, заранѣе опредѣляется совокупностью данной матеріи и отношеніями силъ ея частей.

Перенесеніе матеріализма въ объясненіе исторіи означаетъ

поэтому, прежде всего, утвержденіе необходимости всѣхъ историческихъ явленій и движеній. Вопросъ для матеріалиста составляетъ лишь то, какимъ образомъ эта необходимость осуществляется въ человѣческой исторіи, какому элементу силы или какимъ факторамъ принадлежитъ рѣшающее значеніе, каково отношеніе различныхъ факторовъ между собою и какая роль въ исторіи выпадаетъ на долю природы, народнаго хозяйства, юридическихъ учрежденій, идей и т. д.

Марксъ въ вышеупомянутомъ предисловіи даетъ на всѣ эти вопросы отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что признаетъ за опредѣляющій факторъ данныя матеріальныя производственныя силы и производственныя отношенія людей. „Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производственныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, что служитъ лишь юридическимъ выраженіемъ этого, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ развивались. Эти отношенія перестаютъ быть формами развитія производственныхъ силъ и становятся оковами ихъ Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется съ большей или меньшей быстротой и вся огромная надстройка (юридическія и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя общественныя формы сознанія)... Ни одна общественная формація не сходитъ со сцены прежде, чѣмъ разовьются всѣ тѣ производственныя силы, для которыхъ она достаточно просторна, и новыя высшія производственныя отношенія не выступаютъ раньше, чѣмъ созрѣютъ въ нѣдрахъ самого стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. . . . Буржуазныя отношенія производства составляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго процесса производства. . . . но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производственныя силы сами создаютъ матеріальныя условія разрѣшенія этого антагонизма. Съ этой общественной формой заканчивается поэтому прологъ къ исторіи человѣческаго общества“. („Zur Kritik der politischen Oekonomie“, предисловіе).

Можно заранѣе, прежде всего, замѣтить, что заключительная фраза и слово „послѣднюю“ въ предшествующемъ ей предложенiи не могутъ быть доказаны и представляютъ лишь болѣе или менѣе обоснованныя предположенiя. Но они для теорiи не существенны, принадлежа, скорѣе, къ приложенiямъ ея, а потому ихъ можно здѣсь совсѣмъ обойти.

Обращаясь къ остальнымъ положенiямъ, мы прежде всего не можемъ не обратить вниманiя на ихъ—за исключенiемъ выраженiя „съ большей или меньшей быстротою“, въ которомъ, конечно, кроется многое – аподиктическую формулировку. Такъ, во второмъ изъ приведенныхъ положенiй „сознанiе“ и бытiе такъ рѣзко противополагаются одно другому, что естественно вывести заключенiе, что люди разсматриваются исключительно, какъ орудiя историческихъ силъ, которыхъ дѣйствiе они осуществляютъ, даже противъ своего сознанiя и воли. И это лишь отчасти смягчается мимоходомъ брошеннымъ тутъ же замѣчанiемъ, въ которомъ подчеркивается необходимость различать при соцiальныхъ переворотахъ между матерiальнымъ переворотомъ въ условiяхъ производства и „идеологическими формами“, „подъ которыми люди доходятъ до сознанiя этого столкновенiя и разрѣшаютъ его“. Въ общемъ, сознанiе и воля людей считаются какъ бы факторами, весьма подчиненными матерiальному движенiю.

На не менѣе детерминистически формулированную фразу мы наталкиваемся въ предисловiи къ первому тому „Капитала“. „Дѣло идетъ,“— говорится тамъ по поводу „естественныхъ законовъ“ капиталистическаго производства,—объ этихъ тенденцiяхъ, дѣйствующихъ и осуществляющихся съ желѣзною необходимостью“. И все же, тамъ, гдѣ говорится именно о законѣ, проскальзываетъ при концѣ, вмѣсто этого негибкаго понятiя, другое, болѣе эластичное,—тенденцiя, а на слѣдующей страницѣ находится затѣмъ часто цитируемое мѣсто, гдѣ говорится, что общество можетъ „сократить и смягчить“ родовыя потуги естественныхъ фазъ развитiя.

Въ гораздо болѣе обусловленномъ свѣтѣ выступаетъ зависимость людей отъ отношенiй производства въ объясненiи, которое Ф. Энгельсъ, еще при жизни Карла Маркса и въ соглашенiи съ нимъ, даетъ историческому матерiализму въ своемъ полемическомъ сочиненiи противъ Дюринга. Тамъ значится, что „конечныя причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и полити-

ческихъ переворотовъ“ надлежитъ искать не въ головахъ людей, а „въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна“. Но „конечныя причины“ не исключаютъ одновременно дѣйствующихъ другихъ причинъ,—причинъ второй, третьей и т. д. степеней, и ясно, что, чѣмъ значительнѣе рядъ такихъ причинъ, тѣмъ сильнѣе ограничивается какъ качественно, такъ и количественно опредѣляющая сила конечныхъ причинъ. Фактъ вліянія ихъ остается, но окончательная форма вещей зависитъ не отъ него одного. Слѣдствіе, которое является результатомъ дѣйствія различныхъ силъ, только тогда можетъ быть правильно исчислено, когда силы эти въ точности извѣстны и взвѣшены соотвѣтственно ихъ настоящему значенію. Игнорированіе хотя бы силы низшей степени можетъ, какъ каждый математикъ знаетъ, повести къ крупнѣйшимъ ошибкамъ.

Въ своихъ позднѣйшихъ работахъ Энгельсъ еще больше ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній. Въ особенности, въ двухъ письмахъ, напечатанныхъ въ „Sozilistischer Akademiker“ за октябрь 1895 г. и написанныхъ — одно въ 1890, а другое въ 1894 г. Тамъ перечисляются „правовыя формы“, политическія, юридическія и философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія,—и именно, догмы,—какъ вліянія, которыя воздѣйствуютъ на ходъ общественной борьбы и во многихъ случаяхъ „преимущественно опредѣляютъ ея формы“. „Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—имѣются безчисленныя, взаимно скрещивающіяся силы, безконечная группа параллелограммовъ силъ, дающихъ равнодѣйствующую—историческое событіе,—которая сама опять-таки можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей, какъ цѣлое, безъ сознанія и воли, ибо то, что каждый въ отдѣльности желаетъ, встрѣчаетъ помѣху со стороны всѣхъ другихъ, и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто“. (Письмо 90 г.) „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и пр. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономическій базисъ“. (Письмо 95 г.). Читатель согласится, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенное въ началѣ мѣсто изъ Маркса.

Мы не думаемъ, конечно, утверждать этимъ, что Марксъ и Энгельсъ въ то или другое время забыли принять въ соображеніе тотъ фактъ, что и не-экономическіе факторы оказываютъ вліяніе на ходъ исторіи. Противъ такого предположенія можно

привести безчисленное множество выраженій и фразъ изъ ихъ первыхъ сочиненій. Но здѣсь идетъ рѣчь о мѣрѣ и о степени — не о томъ, признавались ли идеологическіе факторы вообще, а о томъ, въ какой мѣрѣ приписывалось имъ вліяніе и значеніе въ исторіи. И именно въ этомъ отношеніи никакъ нельзя отрицать, что первоначально Марксъ и Энгельсъ признавали за не-экономическими факторами гораздо меньше вліянія на развитіе общества, гораздо меньше обратнаго воздѣйствія на отношенія производства, чѣмъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ. Это согласуется лишь съ естественнымъ ходомъ развитія каждой новой теоріи. Въ началѣ она выступаетъ въ весьма рѣзкой, аподиктической формулировкѣ. Чтобъ обосновать свое положеніе, она должна указать на промахи прежнихъ теорій, и въ этой борьбѣ сами собою появляются односторонность и преувеличеніе. Въ отрывкѣ, который мы предпослали этому отдѣлу въ качествѣ эпиграфа, Энгельсъ самъ признаетъ это и тутъ же рядомъ прибавляетъ: „къ сожалѣнію, слишкомъ часто бываетъ, что люди думаютъ, что они въ совершенствѣ поняли новую теорію и могутъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ манипулировать ею, какъ только они усвоили ея основныя положенія"... Кто въ настоящее время примѣняетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, тотъ обязанъ примѣнять его не въ его первоначальной, а въ его выработанной формѣ, т. е. онъ обязанъ рядомъ съ развитіемъ и вліяніемъ производственныхъ силъ и отношеній отводить подобающее мѣсто правовымъ и нравственнымъ понятіямъ, историческимъ и религіознымъ традиціямъ эпохи, вліяніямъ географическихъ и другихъ факторовъ, къ которымъ, конечно, принадлежитъ и природа самого человѣка и его духовныхъ способностей *). Это въ осо-

*) Изъ желанія опротестовать нѣкоторыя, хотя, большею частью, лишь воображаемыя крайности матеріалистическаго пониманія исторіи г. Бельфортъ Баксъ придумалъ новое пониманіе исторіи, которое онъ называетъ синтетическимъ. Этимъ онъ на мѣсто слова, которое можетъ повести къ крайностямъ, поставилъ другое, которое здѣсь совершенно лишено смысла. «Синтетическій» — есть чисто формальное понятіе метода, которое однако ничего не говоритъ о руководящей точкѣ зрѣнія изслѣдованія. Какъ выше показано было, историческій матеріализмъ также включаетъ синтезъ матеріальныхъ и идеологическихъ силъ. Но если Баксъ вмѣсто выраженія, допускающаго ложное истолкованіе, предпочитаетъ

бенности требуется принимать въ соображенiе тамъ, гдѣ рѣчь идетъ уже не объ одномъ только изслѣдованiи минувшихъ эпохъ исторiи, но также и о проектированiи грядушихъ фазъ развитiя, когда матерiалистическое пониманiе исторiи должно давать указанiя для будущаго.

Въ противоположность теорiямъ, принимавшимъ человѣческую природу за нѣчто разъ навсегда данное и неизмѣнное, соцiалистическая критика вполнѣ справедливо указала на большiя измѣненiя, которымъ подверглась человѣческая природа въ различныхъ странахъ въ теченiе вѣковъ,—на ту способность измѣняться, которую люди извѣстной эпохи обнаруживаютъ, когда переносятся въ другую обстановку и другiя условiя. Дѣйствительно, природа человѣка чрезвычайно эластична, поскольку рѣчь идетъ о способности приспособляться къ новымъ естественнымъ условiямъ и новой соцiальной средѣ. Но нужно одного не забывать. Тамъ, гдѣ дѣло касается большихъ массъ, каковы, напр., современные народы со своими привычками жизни, выработанными тысячелѣтнимъ развитiемъ, нельзя ожидать быстраго измѣненiя человѣческой натуры отъ крупныхъ переворотовъ въ собственности,—тѣмъ болѣе, что хозяйственныя и имущественныя отношенiя образуютъ лишь часть соцiальной среды, влiяющей и опредѣляющей человѣческiй характеръ. И здѣсь приходится принимать въ соображенiе многочисленность факторовъ и къ способу производства и обмѣна, на который историческiй матерiализмъ преимущественно напираетъ, прибавить, между прочимъ, и территорiальныя отношенiя группировки или агломерацiи, обусловленныя, правда, этимъ способомъ, но все же оказывающiя, разъ они уже даны, самостоятельное обратное воздѣйствiе, т. е. мѣстное распредѣленiе населенiя и способы его взаимныхъ сношенiй.

Въ письмѣ къ Конраду Шмидту отъ 27-го октября 1890 г. Энгельсъ прекрасно описываетъ, какимъ образомъ общественныя учрежденiя становятся изъ продуктовъ экономическаго развитiя соцiальными силами съ собственнымъ, самостоятельнымъ движенiемъ, влiяющими теперь, съ своей стороны, на это развитiе

другое, ничего не значащее, то его въ этомъ отношенiи превосходитъ г. Плехановъ, который въ своихъ «Beiträge zur Geschichte des Materiolismus» предлагаетъ называть марксово пониманiе исторiи «монистическимъ». Почему ужъ лучше не «симплицистическое»?

и способными то содѣйствовать ему, то тормозить, то заставить пойти по другому руслу. Въ видѣ примѣра онъ указываетъ, прежде всего, на государственную власть, дополняя, такимъ образомъ, опредѣленіе государства, которое онъ большею частью давалъ, какъ органа классоваго господства и порабощенія, весьма многозначительнымъ сведеніемъ его къ общественному раздѣленію труда *). Историческій матеріализмъ, такимъ образомъ, нисколько не отрицаетъ собственнаго движенія политическихъ и идеологическихъ факторовъ; онъ оспариваетъ лишь безусловную самостоятельность этого движенія и показываетъ, что развитіе экономической основы общественной жизни — производственныя отношенія и классовое развитіе — все-таки, въ концѣ концовъ, оказываетъ болѣе сильное вліяніе на движеніе этихъ факторовъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, многочисленность факторовъ остается, и дѣло далеко не всегда легкое настолько точно опредѣлить существующія между ними взаимоотношенія, чтобы можно было съ увѣренностью указать, гдѣ въ данномъ случаѣ надлежитъ искать наибольшую двигательную силу. Чисто экономическія причины создаютъ, въ первомъ счетѣ, лишь почву для воспріятія извѣстныхъ идей; а какъ эти послѣднія выростутъ и распространятся и какую форму онѣ примутъ, зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія цѣлаго ряда вліяній. Историческому матеріализму больше вредятъ, нежели приносятъ пользу, когда заранѣе отвергаютъ, какъ эклектизмъ, всякое подчеркиваніе другихъ вліяній, кромѣ чисто экономическихъ, и принятіе въ соображеніе другихъ экономическихъ факторовъ, помимо производственной техники и ея вѣроятнаго развитія. Эклектизмъ — выборка изъ различныхъ объясненій и отношеній къ явленіямъ — часто является лишь естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія выводить все изъ одного и обрабатывать все при помощи одного и того же метода. Какъ только это стремленіе заходитъ слишкомъ далеко, эклектическій

*) Конечно, и въ «Происхожденіи семьи» указывается подробно, какимъ образомъ общественное раздѣленіе труда сдѣлало необходимымъ появленіе государства. Но Энгельсъ впослѣдствіи совершенно упускаетъ изъ виду эту сторону возникновенія государства и разсматриваетъ его (какъ въ «Анти-Дюрингѣ») въ послѣднемъ счетѣ лишь какъ орудіе политическаго угнетенія.

духъ непремѣнно пролагаетъ себѣ дорогу со стихійной силою, Это — возстаніе здраваго смысла противъ присущаго каждой доктринѣ стремленія втискивать мысль въ китайскія колодки *).

Но чѣмъ въ большей степени вліяютъ на жизнь общества другія силы, помимо чисто экономическихъ, тѣмъ значительнѣе измѣняется власть того, что мы называемъ исторической необходимостью. Въ современномъ обществѣ надобно въ этомъ отношеніи различать два большихъ теченія. Съ одной стороны обнаруживается все растущее знакомство съ законами развитія и, именно, хозяйственнаго развитія. Рядомъ съ этимъ познаніемъ, отчасти какъ его причина, отчасти же, опять-таки, какъ его слѣдствіе, идетъ все увеличивающаяся способность руководить экономическимъ развитіемъ. Какъ физическая, точно такъ и экономическая сила природы постепенно превращается изъ повелительницы человѣка въ прислужницу его по мѣрѣ того, какъ познается ея сущность. Общество, такимъ образомъ, находится теперь въ большей теоретической независимости отъ экономическаго фактора, нежели когда-либо прежде, и только противоположность интересовъ между его элементами — сила интересовъ частныхъ лицъ и группъ — мѣшаетъ полному превращенію этой теоретической свободы въ практическую. Все же и при такихъ условіяхъ всеобщій интересъ беретъ все большій и большій перевѣсъ надъ частными, и въ той мѣрѣ, въ какой это имѣетъ мѣсто, и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это такъ, прекращается стихійная власть экономическихъ силъ. Ихъ развитіе учитывается заранѣе, а потому оно постольку и осуществляется скорѣе и легче. Личности и цѣлые народы, такимъ образомъ, освобождаютъ все бóльшую часть своей жизни изъ

*) Этимъ, конечно, не отрицается ни опошляющая тенденція эклектизма, ни великое теоретическое и практическое значеніе стремленія къ объединяющему пониманію вещей. Безъ этого стремленія невозможно никакое научное мышленіе. Но жизнь шире всякихъ теорій, и суровой доктринѣ всегда приходится въ концѣ концовъ тайкомъ занимать у эклектики, — этой легкомысленной особы, дерзко лакомящейся въ саду жизни, — а затѣмъ расплачиваться съ нею явно, заявляя, что она, доктрина, въ сущности, всегда думала то-то и то-то.

Хорошій примѣръ этому въ исторіи соціальныхъ наукъ представляетъ исторія теоріи и практики коопераціи.

подъ вліянія осуществляющейся помимо или противъ ихъ воли необходимости.

Такъ какъ, однако, люди удѣляютъ хозяйственнымъ факторамъ все больше и больше вниманія, то легко можетъ показаться, будто послѣдніе играютъ теперь бо́льшую роль, нежели прежде. Но это не такъ.

Ошибка происходитъ лишь отъ того, что въ настоящее время экономическій мотивъ выступаетъ открыто, между тѣмъ какъ раньше онъ скрывался подъ рабовладѣльческими и другими подобными отношеніями и различнаго рода идеологіями. Новѣйшее общество гораздо богаче прежнихъ обществъ идеологіей, не опредѣляемою экономіей и природою, вліяющей въ видѣ экономической силы *). Науки, искусства и болѣе значительный рядъ соціальныхъ отношеній въ настоящее время гораздо менѣе зависятъ отъ экономіи, нежели въ какое-либо другое время до этого. Или, чтобы не дать мѣста никакимъ недоразумѣніямъ, достигнутая нынѣ ступень хозяйственнаго развитія предоставляетъ идеологическимъ, а въ особенности

---

*) Если это кому-нибудь покажется парадоксальнымъ, то пусть онъ вспомнитъ, что многочисленнѣйшій классъ населенія вообще лишь въ новѣйшемъ обществѣ доступенъ свободной идеологіи въ вышеописанномъ смыслѣ. Крестьяне и работники были раньше отчасти юридически связаны изъ экономическихъ цѣлей, отчасти находились подъ вліяніемъ идеологій, въ которыхъ отражалось господство природы надъ человѣкомъ. Послѣднее, какъ извѣстно, составляетъ также и основную черту идеологій (суевѣрій) дикихъ племенъ. Когда поэтому г. Бельфортъ Баксъ говоритъ въ своей статьѣ „Synthetische und materialistische Geschichtsauffassung" (въ „Sozialistische Monatshefte" за декабрь 1897 г.), что онъ допускаетъ, что въ цивилизаціи экономическій моментъ почти всегда преобладалъ, но что въ доисторическій періодъ онъ имѣлъ не столь непосредственное вліяніе на умозрительное мышленіе, такъ какъ тогда опредѣляющими факторами были „основные законы человѣческаго мышленія и чувствованія", то этимъ, на основаніи чисто внѣшнихъ различій, онъ представляетъ дѣло въ обратномъ видѣ. У доисторическихъ народовъ окружающая природа была рѣшающей экономической силою и, какъ таковая, оказывала величайшее вліяніе на ихъ мысль и чувство. Баксова критика историческаго матеріализма, между прочимъ, и потому еще никогда не попадаетъ въ цѣль, что онъ ультра-правовѣренъ именно тамъ, гдѣ при первоначальной выработкѣ историческаго матеріализма авторы послѣдняго особенно увлекались.

этическимъ факторамъ большій просторъ для независимаго дѣйствія, чѣмъ когда-либо прежде. Вслѣдствіе этого причинная связь между технически-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ прочихъ соціальныхъ учрежденій становится все болѣе и болѣе посредственной, а черезъ это естественныя необходимости перваго мало-по-малу теряютъ свое значеніе при опредѣленіи формы послѣднихъ.

„Желѣзное долженствованіе исторіи“ получаетъ, такимъ образомъ, ограниченіе, которое для практики соціалъ-демократіи—забѣгая немного впередъ—имѣетъ значеніе не уменьшенія, а увеличенія и подъема на высшій уровень соціалъ-политическихъ задачъ.

Послѣ всего этого матеріалистическое пониманіе исторіи представляется намъ теперь въ иномъ видѣ, чѣмъ какой ему впервые придали его авторы. У нихъ самихъ оно прошло черезъ процессъ развитія, у нихъ самихъ его абсолютный смыслъ получилъ извѣстныя ограниченія. Это, какъ сказано, есть исторія всякой теоріи. Было бы крупнѣйшимъ шагомъ назадъ отступить отъ той зрѣлой формы, которую Энгельсъ придалъ ему въ письмахъ къ Конраду Шмидту, напечатанныхъ въ „Sozialistischer Akademiker“, обратно къ первымъ опредѣленіямъ и, основываясь на нихъ, вложить въ него „монистическій“ смыслъ. Скорѣе надобно эти первыя опредѣленія дополнить вышеупомянутыми письмами. Отъ этого основная мысль теоріи сама выиграетъ въ научности. При помощи этихъ дополненій она, дѣйствительно, впервые станетъ теоріей научнаго пониманія исторіи. Въ своей первоначальной формѣ она въ рукахъ такого человѣка, какъ Марксъ, могла стать рычагомъ для великихъ историческихъ открытій, но даже этого генія она привела къ различнымъ ложнымъ заключеніямъ *): тѣмъ болѣе тѣхъ, ко-

*) «Гораздо легче—говоритъ, Марксъ въ одномъ, часто приводимомъ мѣстѣ «Капитала»,—найти при помощи анализа земное ядро религіозныхъ туманныхъ образованій, нежели, наоборотъ, изъ данныхъ дѣйствительныхъ условій жизни вывести ихъ небесныя формы. Послѣднее и есть единственно матеріалистическій, а потому и научный методъ». Въ этомъ противоположеніи кроется большая доля преувеличенія. Безъ предварительнаго знакомства съ небесными формами, указанный способъ выведенія можетъ легко завлечь въ различныя произвольныя построенія, а когда онѣ извѣстны, этотъ способъ является средствомъ научнаго анализа, а не научною противоположностью аналитическому объясненію.

торые не имѣютъ ни его генія, ни его знаній! Въ качествѣ научной основы для соціалистической теоріи матеріалистическое пониманіе исторіи можетъ нынче имѣть значеніе лишь съ вышеуказанными добавленіями, и всякія примѣненія его, не принимающія или недостаточно принимающія въ разсчетъ указанное взаимодѣйствіе матеріальныхъ и идеологическихъ силъ, подлежатъ соотвѣтствующей поправкѣ, все равно, исходятъ ли они отъ самихъ авторовъ теоріи или отъ другихъ.

. . . .

Вышесказанное было уже написано, когда до меня дошла октябрьская книжка „Deutsche Worte“ за 1898 г. со статьею Вольфганга Гейне: „Философія исторіи Поля Барта и его возраженія противъ марксизма“. Гейне защищаетъ тамъ марксистское пониманіе исторіи отъ упрека извѣстнаго лейпцигскаго доцента въ томъ, что оно будто ограничиваетъ понятіе матеріальнаго технически-экономическимъ, такъ что ему скорѣе приличествуетъ названіе экономическаго пониманія исторіи. Онъ противопоставляетъ этому замѣчанію приведенныя выше письма Энгельса отъ 90-хъ годовъ и дополняетъ ихъ нѣкоторыми собственными, весьма достойными вниманія соображеніями по поводу отдѣльныхъ доводовъ марксизма и возникновенія, развитія и силы вліянія идеологій. По его мнѣнію, марксистское ученіе можетъ сдѣлать идеологіи большія уступки, чѣмъ это дѣлалось раньше, нисколько тѣмъ не теряя своего идейнаго единства, и оно должно ихъ сдѣлать, чтобъ остаться научной теоріей, принимающей въ должное соображеніе факты. Дѣло не въ томъ, вдумывались ли вездѣ, или достаточно ли подчеркивали вездѣ марксистскіе писатели неоспоримую связь между вліяніемъ доставшихся по наслѣдству идей и новыхъ экономическихъ фактовъ, а въ томъ, входитъ ли полное признаніе его въ систему матеріалистическаго пониманія исторіи.

Принципіально, постановка этого вопроса безусловно правильна. Дѣло идетъ здѣсь, какъ въ послѣднемъ счетѣ вездѣ въ наукѣ, о вопросѣ относительно предѣловъ. Такъ ставитъ его и Каутскій въ своей статьѣ: „Ч[illegible] можетъ дать матеріалистическое пониманіе исторіи?“ Но нужно всегда то помнить, что первоначально вопросъ не ставился въ этихъ предѣлахъ, и что технически-экономическому фактору въ теоріи приписывалась почти неограниченная опредѣляющая сила.

Гейне полагаетъ, что споръ въ концѣ концовъ вертится около вопроса о количественномъ соотношеніи опредѣляющихъ факторовъ, и прибавляетъ, что рѣшеніе его имѣетъ „больше практическое, нежели теоретическое значеніе“.

Я бы предложилъ вмѣсто „больше—нежели“ сказать „столько же—сколько“. Но что рѣчь идетъ о вопросѣ большой практической важности, въ этомъ и я убѣжденъ. Весьма важно въ практическомъ отношеніи исправить, сообразно съ познаннымъ количественнымъ отношеніемъ другихъ факторовъ, тѣ положенія, которыя сформулированы были на почвѣ чрезмѣрнаго подчеркиванія технически-экономическаго фактора въ исторіи. Недостаточно, чтобы практика исправляла теорію; необходимо, чтобы теорія, если она вообще хочетъ быть сколько нибудь цѣнною, сама соглашалась признать значеніе поправки.

Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, въ какой степени еще имѣетъ матеріалистическое пониманіе исторіи право на свое имя, если мы будемъ продолжать расширять его вышеупомянутымъ образомъ черезъ введеніе другихъ силъ. Фактически, послѣ приведенныхъ объясненій Энгельса, оно уже болѣе не чисто матеріалистическое, не говоря уже, чисто экономическое. Я не отрицаю, что имя и вещь не одно и то же. Но я вижу прогрессъ не въ затемненіи понятій, а въ ихъ болѣе точномъ опредѣленіи, а такъ какъ при обозначеніи именемъ какой-нибудь исторической теоріи дѣло идетъ раньше всего о томъ, чтобы показать, въ чемъ она разнится отъ другихъ, то я не только ничего не имѣю противъ имени, даннаго Бартомъ: „экономическое пониманіе исторіи“, но даже, вопреки всему, считаю его за самое точное обозначеніе исторической теоріи Маркса.

Въ томъ удареніи, съ которымъ она указываетъ на экономію, лежитъ ея значеніе: изъ признанія и подобающей оцѣнки экономическихъ фактовъ вытекаютъ всѣ ея великія заслуги въ исторической наукѣ, вытекаетъ то обогащеніе, которыми обязана ей эта отрасль человѣческаго знанія. Экономическое пониманіе исторіи не должно вовсе обозначать, что признаются однѣ лишь экономическія силы, одни лишь экономическіе мотивы, а что экономія составляетъ неизмѣнно рѣшающую силу,—самую основу великихъ движеній исторіи. Выраженіе: матеріалистическое пониманіе исторіи заранѣе возбуждаетъ всевозможныя недоразумѣнія, которыя вообще связываются съ понятіемъ:

матеріализмъ. Философскій или естественно-научный матеріализмъ детерминистиченъ, а марксистское пониманіе исторіи—нѣтъ: оно не приписываетъ хозяйственной основѣ народной жизни никакого безусловно-опредѣляющаго вліянія на ея формы.

в) Марксистское ученіе о классовой борьбѣ и развитіи капитала.

На основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи покоится ученіе о классовой борьбѣ.-- „Оказалось,—пишетъ Энгельсъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Дюринга,—что „вся *) имѣвшая до сихъ поръ мѣсто исторія была исторія классовыхъ войнъ, что эти взаимноборющіеся классы были всякій разъ продуктами отношеній производства и обмѣна,—словомъ экономическихъ отношеній своей эпохи“. Въ современномъ обществѣ печать, въ этомъ отношеніи, кладется на него классовой борьбою между капиталистическими обладателями средствъ производства и неимущими производителями, наемными работниками. Для обозначенія первыхъ у Маркса имѣется выраженіе „буржуазія“, для обозначенія послѣднихъ—выраженіе „пролетаріатъ“: оба они заимствованы изъ Франціи, гдѣ въ то время, когда онъ вырабатывалъ свою теорію, они уже употреблялись тамошними соціалистами предпочтительно передъ другими. Эта классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ есть ничто иное, какъ перенесенное на людей противорѣчіе въ современныхъ производственныхъ отношеніяхъ, а именно, между частнымъ характеромъ способа присвоенія и общественнымъ характеромъ способа производства. Средства производства составляютъ собственность отдѣльныхъ капиталистовъ, присваивающихъ себѣ продуктъ производства; само же производство сдѣлалось общественнымъ процессомъ, т. е. созданіемъ потребительныхъ цѣнностей многими на почвѣ планомѣрнаго раздѣленія и организаціи труда. И это противорѣчіе кроетъ въ себѣ, или содержитъ въ видѣ дополненія, другое: планомѣрному раздѣленію и организаціи труда внутри производственныхъ учрежденій (ма-

*) Въ четвертомъ изданіи „Развитія соціализма“ здѣсь слѣдуютъ въ видѣ оговорки слова: „за исключеніемъ первобытнаго состоянія“.

стерской, фабрики, комплекса фабрикъ и т. д.) противоположно хаотическое отчужденіе продуктовъ на рынкѣ.

Исходнымъ пунктомъ классовой борьбы между капиталистами и работниками служитъ противоположность интересовъ, которая вытекаетъ изъ характера пользованія первыми трудомъ послѣднихъ. Изслѣдованіе этого процесса пользованія ведетъ къ ученію о цѣнности и о производствѣ и присвоеніи прибавочной цѣнности.

Для капиталистическаго производства и покоящагося на немъ общественнаго строя характерно то обстоятельство, что люди во всѣхъ своихъ экономическихъ отношеніяхъ противостоятъ въ качествѣ покупателей и продавцовъ. Этотъ строй не признаетъ въ хозяйственной жизни никакихъ формально-юридическихъ отношеній зависимости, а только фактическія, вытекающія изъ чисто хозяйственныхъ условій (имущественныхъ различій, отношеній найма и пр.). Работникъ продаетъ капиталисту свою рабочую силу на опредѣленный срокъ и подъ извѣстными условіями, за опредѣленную цѣну, за плату. Капиталистъ продаетъ созданный при помощи работника или, скорѣе, совокупностью нанятыхъ имъ работниковъ продуктъ на товарномъ рынкѣ по цѣнѣ, которая, при обычныхъ обстоятельствахъ и въ качествѣ условія дальнѣйшаго существованія его предпріятія, даетъ излишекъ надъ суммою, въ которую ему обошелся этотъ продуктъ. Что же это за излишекъ?

По Марксу, это — прибавочная цѣнность произведеннаго работникомъ труда. Товары обмѣниваются на рынкѣ по цѣнности, которая опредѣляется овеществленнымъ въ нихъ трудомъ, измѣряемымъ временемъ. Доля прошедшаго,—мы можемъ сказать также, мертваго—труда, которую капиталистъ внесъ въ производство въ видѣ сырого и вспомогательнаго матеріаловъ, порчи и снашиванія машинъ, найма помѣщенія и другихъ издержекъ, появляется вновь въ цѣнности продукта безъ всякаго измѣненія. Иначе обстоитъ съ употребленнымъ живымъ трудомъ: онъ обошелся капиталисту въ рабочую плату, а даетъ онъ ему нѣчто больше, чѣмъ эта плата, а именно, цѣнность работы. Цѣнность работы есть цѣнность находящейся въ продуктѣ суммы труда, а рабочая плата есть покупная цѣна употреблявшейся въ производствѣ рабочей силы. Цѣна или, лучше, цѣнность рабочей силы опредѣляется издержками по содержанію работника соотвѣтственно съ данными, исторически

выработанными привычками жизни. Разница между цѣнностью, создаваемою трудомъ рабочаго, и рабочей платой и есть прибавочная цѣнность, и естественное стремленіе капиталиста направлено на то, чтобы увеличить ее и, во всякомъ случаѣ, не дать ей упасть.

Но конкурренція на товарномъ рынкѣ постоянно оказываетъ давленіе на товарныя цѣны, и увеличеніе сбыта возможно лишь черезъ постоянное удешевленіе производства. Капиталистъ можетъ достигнуть такого удешевленія троякимъ путемъ: пониженіемъ заработной платы, удлиненіемъ рабочаго времени и увеличеніемъ производительности труда. Такъ какъ для первыхъ двухъ всегда въ данный моментъ существуютъ опредѣленныя границы, то его энергія постоянно направлена на послѣдній способъ. Лучшая организація работы, интенсификація ея и усовершенствованіе машинъ составляютъ въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ преобладающія средства для удешевленія производства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдствіемъ является измѣненіе въ органическомъ составѣ капитала, какъ это называетъ Марксъ. Доля капитала, вложенная въ сырой матеріалъ, въ орудія труда и т. п. ростетъ, въ то время какъ доля его, израсходованная на заработную плату, падаетъ: та же самая масса продукта производится меньшимъ числомъ работниковъ, а большая масса—прежнимъ или также уменьшеннымъ числомъ ихъ. Отношеніе прибавочной цѣнности къ доли капитала, вложенной въ рабочей платѣ,. Марксъ называетъ нормою прибавочной цѣнности или нормою эксплуатаціи; отношеніе же прибавочной цѣнности ко всему вложенному въ производство капиталу онъ называетъ нормою прибыли. Изъ предыдущаго ясно, что норма прибавочной цѣнности можетъ повышаться въ то время, какъ норма прибыли одновременно падаетъ.

Сообразно съ природою отрасли производства, мы находимъ различнѣйшіе органическіе составы капитала. Бываютъ предпріятія, гдѣ на средства производства, сырой матеріалъ и пр. расходуется непомѣрно большая часть капитала, а на рабочую плату—сравнительно малая, и наоборотъ, такія, гдѣ рабочая плата составляетъ самую значительную часть издержекъ. Первыя представляютъ болѣе высокій, а вторыя—болѣе низкій органическій составъ капитала. Если бы вездѣ существовало одинаковое пропорціональное отношеніе между получающеюся прибавочной цѣнностью и рабочей платою, то нормы прибыли

въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ производства въ большинствѣ случаевъ во много разъ превышали бы нормы прибыли первыхъ группъ. Но на дѣлѣ это не такъ. Фактически, товары въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ отчуждаются не по своей трудовой цѣнности, а по цѣнамъ производства, состоящимъ изъ издержекъ по производству (рабочая плата плюсъ употребленный мертвый трудъ) и добавочной суммы, соотвѣтствующей средней прибыли совокупнаго прозводства общества или нормѣ прибыли въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ органическій составъ капитала обнаруживаетъ среднее отношеніе капитала, идущаго на рабочую плату, къ остальному вложенному капиталу. Цѣны товаровъ поэтому колеблются относительно цѣнности ихъ далеко не одинаково въ различныхъ отрасляхъ производства. Въ однѣхъ онѣ постоянно ниже цѣнности, въ другихъ выше, и только въ такихъ, которыя отличаются среднимъ органическимъ составомъ капитала, приближаются онѣ къ цѣнности. Законъ цѣнности совершенно исчезаетъ изъ сознанія производителей; онъ дѣйствуетъ за ихъ спиною, заставляя высоту средней нормы прибыли сообразоваться съ собою въ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени.

Принудительный законъ конкурренціи и ростущая масса капиталовъ въ обществѣ вліяютъ на постоянное пониженіе нормы прибыли, которое противодѣйствующія силы могутъ замедлить, но никогда не могутъ остановить на продолжительное время. Перепроизводство капитала идетъ рука объ руку съ созданіемъ излишка въ рабочихъ. Въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ постоянно происходитъ все большая и большая централизація и все большая и большая экспропріація мелкихъ капиталистовъ болѣе крупными. Періодическіе кризисы, вызываемые анархіей въ производствѣ и недостаточнымъ потребленіемъ массъ, выступаютъ все чаще, все разрушительнѣе и ускоряютъ черезъ уничтоженіе безчисленныхъ мелкихъ капиталистовъ процессъ централизаціи и экспропріаціи. Съ одной стороны, все въ большей степени распространяется и совершенствуется коллективистическая — кооперативная — форма производственнаго процесса; съ другой стороны, „ростетъ вмѣстѣ съ безпрестанно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого революціоннаго процесса, масса нищеты, подавленности, рабства,

вырожденія, эксплуатаціи, но также и духъ возмущенія постоянно увеличающагося рабочаго класса, дисциплинируемаго, объединяемаго и организуемаго самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“. Такимъ образомъ, развитіе стремится къ тому пункту, на которомъ монополія капитала превращается въ помѣху для вызваннаго ею способа производства, и централизація средствъ производства и обобществленіе труда становятся несовѣстимыми съ капиталистической оболочкой. Послѣдняя должна тогда лопнуть, народная масса экспропріируетъ своихъ экспропріаторовъ и узурпаторовъ, и капиталистическая частная собственность упраздняется.

Такова, согласно Марксу, историческая тенденція капиталистическаго способа производства, т. е. присвоенія. Классъ, который призванъ къ тому, чтобъ выполнить дѣло экспропріаціи класса капиталистовъ и превращенія капиталистической собственности въ общественную,—это классъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріатъ. Въ виду этого его слѣдуетъ организовать въ классовую политическую партію, которая „въ извѣстный моментъ захватитъ государственную власть и превратитъ средства производства въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ пролетаріатъ упразднитъ себя, какъ пролетаріатъ, тѣмъ самымъ онъ упразднитъ всѣ классовыя различія и классовые антагонизмы, равно какъ и государство, какъ государство“. Борьба за индивидуальное существованіе съ своими конфликтами и излишествами прекратится и государство, не имѣя кого угнетать, „умреть“. (Энгельсъ, „Развитіе соціализма“).

. . . .

Таковы въ самыхъ сжатыхъ чертахъ наиболѣе важныя положенія той части марксистскаго ученія, которую приходится причислить еще къ чистой теоріи основывающагося на немъ соціализма. Эта часть столь же мало или даже еще меньше, чѣмъ матеріалистическое пониманіе исторіи, вышла въ окончательной формѣ съ самаго начала изъ головы своего творца. Здѣсь еще больше, нежели тамъ, можно прослѣдить развитіе теоріи, которое сводится, при сохраненіи основныхъ точекъ зрѣнія, къ ограниченію положеній, выставленныхъ въ началѣ аподиктически. Сами Марксъ и Энгельсъ отчасти признали это измѣненіе въ своемъ ученіи. Въ предисловіи къ „Капиталу“ (1867), въ предисловіи къ новому изданію „Коммунистическаго

манифеста“ (1872), въ предисловіи и примѣчаніи къ новому изданію „Нищеты философіи“ (1884) и въ предисловіи къ „Борьбѣ классовъ въ французской революціи“ (1895) указывается на нѣкоторыя перемѣны, происшедшія съ теченіемъ времени во взглядахъ Маркса и Энгельса по поводу тѣхъ или другихъ разбираемыхъ вопросовъ. Но не всѣ перемѣны, которыя приходится констатировать тамъ и въ другихъ мѣстахъ, относительно отдѣльныхъ частей или предположеній теоріи, нашли себѣ подобающее мѣсто въ окончательной формулировкѣ ея. Я приведу лишь одинъ примѣръ. Въ предисловіи къ новому изданію „Коммунистическаго манифеста“ Марксъ и Энгельсъ говорятъ по поводу развиваемой въ немъ революціонной программы слѣдующее: „Въ виду чудовищнаго развитія крупной промышленности за послѣднія 25 лѣтъ, а также и идущей вмѣстѣ съ нею рука объ руку партійной организаціи рабочаго класса, въ виду практическаго опыта раньше февральской революціи, а затѣмъ, еще больше, парижской коммуны, когда пролетаріатъ впервые держалъ въ своихъ рукахъ политическую власть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, эта программа въ настоящее время мѣстами устарѣла. И именно парижская коммуна показала, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовою государственною машиною и приводить ее въ движеніе для своихъ цѣлей“. Это было написано въ 1872 г. Но спустя пять лѣтъ, въ полемическомъ сочиненіи противъ Дюринга, опять говорится кратко: „Пролетаріатъ овладѣваетъ государственной властью и затѣмъ превращаетъ средства производства въ государственную собственность“. А въ новомъ изданіи „Разоблаченій по поводу процесса коммунистовъ“ Энгельсъ въ 1885 г. помѣщаетъ революціонную программу 48 г., составленную на основаніи старыхъ воззрѣній, равно какъ и циркуляръ исполнительнаго комитета коммунистическаго союза, также, конечно, написанный въ согласіи съ этими взглядами, и лаконически лишь замѣчаетъ по поводу первой, что изъ нея, „даже теперь еще можно кое-чему научиться“, а по поводу второго, что „кое-что изъ сказаннаго тамъ еще и теперь справедливо“. Можно, конечно, указать на слова „затѣмъ“. „кое-что“ и объяснить, что заявленія эти надобно понимать лишь въ условномъ смыслѣ; но отъ этого, какъ мы еще увидимъ, дѣло не улучшается. Марксъ и Энгельсъ ограничи-

лись лишь тѣмъ, что отчасти только упомянули о вліяніи, которое должны были оказать на формулировку и на примѣненіе ихъ теоріи сознанное ими измѣненіе въ фактическихъ отношеніяхъ и лучшее знакомство съ этими послѣдними, отчасти же только констатировали его по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ. И даже въ послѣднемъ случаѣ у нихъ нѣтъ недостатка въ противорѣчіяхъ. Задачу по внесенію опять единства въ теорію и возстановленію единства между теоріей и практикою они оставили своимъ преемникамъ.

Но эту задачу можно разрѣшить лишь тогда, когда мы мужественно дадимъ себѣ отчетъ въ пробѣлахъ и противорѣчіяхъ теоріи. Другими словами, дальнѣйшее развитіе марксистскаго ученія должно начаться съ критики его. Нынче обстоитъ дѣло такъ, что на основаніи Маркса и Энгельса можно доказывать все. Это весьма удобно для апологетовъ и литературныхъ казуистовъ. Но тотъ, кто сохранилъ хоть немного теоретическаго смысла, для котораго научность соціализма не есть „только вещь для показа, которую въ торжественныхъ случаяхъ вынимаютъ изъ серебряной шкатулки, а въ остальное время забываютъ", тотъ, разъ сознавъ эти противорѣчія, почувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность устранить ихъ. Въ этомъ, а не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителей, заключается задача ихъ учениковъ.

Въ этомъ смыслѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи и дѣлается попытка критически разобрать нѣкоторые элементы марксистскаго ученія. Желаніе придать сочиненію, предназначаемому, прежде всего, для рабочихъ, ограниченный размѣръ и необходимость закончить его въ нѣсколько недѣль объясняютъ, почему я не пытался дать исчерпывающее изложеніе вопроса. Кстати уже я могу заявить разъ на всегда, что я не предъявляю никакихъ притязаній на оригинальность критики. Большая часть того, что слѣдуетъ, если не все, было по существу уже сказано другими или, по крайней мѣрѣ, намѣчено. Въ этомъ смыслѣ, слѣд., оправданіе этого сочиненія заключается не въ томъ, что оно открываетъ доселѣ неизвѣстное, а въ томъ, что оно признаетъ уже открытое. Но и такая работа необходима. Кажется, самъ Марксъ однажды выразился по поводу судьбы различныхъ теорій: „Возлюбленная Моора можетъ умереть лишь отъ руки Моора". Заблужденія какого-

нибудь ученія могутъ тогда лишь считаться пережитыми и устраненными, когда они признаны за таковыя самими поборниками этого ученія. Такого рода признаніе не означаетъ еще гибели ученія. Гораздо скорѣе можетъ оказаться, по устраненіи того, что признано было ошибочнымъ, что — я позволю себѣ употребить образъ Лассаля — это Марксъ самъ защищаетъ свои права противъ Маркса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МАРКСИЗМЪ и ДІАЛЕКТИКА ГЕГЕЛЯ.

а) Тенета гегелевскаго діалектическаго метода.

„Во время долгихъ дебатовъ, часто тянувшихся цѣлыя ночи, я заражалъ его, на его несчастье, гегельянствомъ“.

Карлъ Марксъ о Прудонѣ.

Марксистское пониманіе исторіи и основывающееся на немъ соціалистическое ученіе были выработаны въ своей первоначальной формѣ въ промежутокъ между 1844 и 1847 гг.—въ періодъ, когда Западная и Средняя Европа находились въ сильномъ революціонномъ броженіи. Они могутъ быть признаны за самый радикальный продуктъ этой эпохи.

Въ Германіи это время было эпохою крѣпнувшаго буржуазнаго либерализма. Какъ въ другихъ странахъ, такъ и здѣсь идеологическіе представители класса, боровшагося противъ существующаго порядка вещей, заходили далеко за предѣлы его практическихъ нуждъ. Буржуазія, подъ которой слѣдуетъ понимать широкій слой не-феодальнаго и не-наемнаго классовъ, боролась противъ еще полу-феодальнаго государственнаго абсолютизма; ея же философскіе представители начали съ отрицанія абсолюта, чтобы окончить отрицаніемъ государства.

Философское теченіе, нашедшее себѣ въ лицѣ Макса Штирнера самаго радикальнаго, съ этой стороны, представителя, считается радикальной лѣвой гегелевской философіи. Какъ это можно прочесть у Ф. Энгельса, который, равно какъ и Марксъ, находился нѣкоторое время подъ ея вліяніемъ,—оба они вращались въ Берлинѣ въ обществѣ „свободныхъ“, собиравшихся

въ кабачкѣ Гиппеля,—представители этого направленія отвергли гегелевскую систему, но съ тѣмъ большей силою держались его діалектики, покуда частью практическая борьба противъ положительной религіи (тогда весьма важной формы политической борьбы), частью же вліяніе Людвига Фейербаха не побудили къ безусловному признанію матеріализма. Марксъ и Энгельсъ, однако, не остановились на этомъ матеріализмѣ, который у Фейербаха носитъ еще, въ главныхъ чертахъ, естественно-научный характеръ, а выработали, съ примѣненіемъ діалектики, лишенной своего мистическаго характера, и подъ вліяніемъ разыгрывавшейся тогда во Франціи, а еще больше въ Англіи, классовой борьбы между буржуазіей и рабочимъ классомъ, свою теорію историческаго матеріализма.

Энгельсъ съ большой энергіей указывалъ на роль, которую діалектическій методъ сыгралъ при возникновеніи этой теоріи. По примѣру Гегеля, онъ различаетъ между метафизическимъ и діалектическимъ пониманіемъ вещей и характеризуетъ первое какъ такое, которое разсматриваетъ эти вещи или ихъ мыслительные образы,—понятія—въ ихъ обособленности, какъ неизмѣнные, разъ навсегда данные объекты. Послѣднее же, напротивъ, разсматриваетъ ихъ въ ихъ связи, измѣненіяхъ, переходахъ, причемъ оказывается, что оба полюса противоположенія, какъ положительный, такъ и отрицательный, взаимно проникаютъ другъ друга, несмотря на эту свою противоположность. Но въ то время, какъ Гегель понималъ діалектику, какъ саморазвитіе понятія, у Маркса и у Энгельса эта діалектика понятій является отраженіемъ въ сознаніи діалектическаго движенія дѣйствительнаго міра,—благодаря чему гегелевская діалектика „поставлена была опять съ головы на ноги“.

Такъ говоритъ Энгельсъ въ своей работѣ: „Людвигъ Фейербахъ и исходъ классической философіи“.

„Поставить діалектику на ноги“, однако, далеко не такъ просто. Какъ это всегда происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ, лишь только мы покидаемъ почву доступныхъ опытному констатированію фактовъ и переходимъ мыслью за ихъ предѣлы, мы сразу оказываемся въ мірѣ производныхъ понятій, и если тогда будемъ слѣдовать законамъ діалектики, какъ ихъ выставилъ Гегель, то попадемъ, прежде чѣмъ успѣемъ осмотрѣться, опять въ тенета „саморазвитія понятія“. Здѣсь кроется большая научная опасность гегелевской логики противорѣчія. Ея

положенія при извѣстныхъ обстоятельствахъ еще могутъ съ успѣхомъ пригодиться для нагляднаго изображенія и развитія дѣйствительныхъ вещей *). Они могли еще, пожалуй, быть весьма полезны для формулировки научныхъ проблемъ и могли дать толчекъ къ важнымъ открытіямъ. Но какъ только на основаніи этихъ положеній дедуктивно предусматривается развитіе, начинается также и опасность произвольныхъ построеній. Эта опасность становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сложнѣе вещь, о развитіи которой идетъ рѣчь. При простомъ объектѣ насъ, большею частью, оберегаютъ опытъ и способность къ логическому мышленію отъ того, чтобы на основаніи аналогій, въ родѣ „отрицанія отрицанія“, умозаключать о возможностяхъ его измѣненія, лежащихъ за предѣлами вѣроятности. Но чѣмъ сложнѣе предметъ, чѣмъ больше число его элементовъ, чѣмъ разнообразнѣе характеръ ихъ, чѣмъ многоразличнѣе отношенія ихъ силъ, тѣмъ меньше такія положенія могутъ намъ сообщить что-либо о его развитіи, потому что тѣмъ въ большей степени теряется всякое мѣрило для его оцѣнки тамъ, гдѣ на основаніи ихъ выводится заключеніе.

Этимъ, однако, мы не думаемъ отказывать гегелевской діалектикѣ въ тѣхъ или другихъ заслугахъ. Напротивъ, что касается до ея вліянія на исторіографію, то Ф. А. Ланге отлично оцѣ-

---

*) Хотя и тутъ дѣйствительное положеніе вещей чаще затемняется, нежели освѣщается ими. Такъ, то обстоятельство, что измѣненіе въ численномъ отношеніи составныхъ частей какого-нибудь предмета измѣняетъ свойство его, выражается формулою: «количество переходитъ въ качество», по меньшей мѣрѣ, чрезвычайно поверхностно и двусмысленно.

Мимоходомъ замѣчу, что Энгельсовы опредѣленія понятій метафизическій и діалектическій способъ разсматриванія вещей я принимаю лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы квалифицирующія слова: метафизическій и діалектическій примѣнялись въ придаваемомъ имъ при этомъ смыслѣ лишь для этого спеціальнаго противоположенія. Вообще же, метафизическое разсматриваніе вещей и разсматриваніе вещей въ ихъ обособленности и неизмѣнности представляютъ для меня двѣ совершенно разныя вещи.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще заявить, что мнѣ, само собою разумѣется, и въ голову не приходитъ критиковать здѣсь самого Гегеля, или оспаривать великія заслуги передъ наукой этого крупнаго мыслителя. Я имѣю дѣло съ его діалектикой лишь постольку, поскольку она оказала вліяніе на соціалистическую теорію.

нилъ ее, говоря въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ“, что гегелевскую философію исторіи съ ея основной мыслью—развитіе въ противоположностяхъ и ихъ примиреніе—„можно назвать почти антропологическимъ открытіемъ“. Но Ланге „почти“ что указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на коренной недостатокъ ея, присовокупивъ, что „какъ въ жизни индивида, такъ и въ исторіи развитіе черезъ противоположности не совершается ни такъ легко и радикально, ни такъ точно и симметрично, какъ въ умозрительномъ построеніи“. Относительно прошлаго каждый марксистъ согласится съ этимъ; только для будущаго, да еще наиближайшаго будущаго оно, согласно марксистскому ученію, будто бы обстоитъ иначе. Въ 1847 г. „Коммунистическій манифестъ“ заявилъ, что буржуазная революція, наканунѣ которой Германія тогда находилась, „можетъ“, при данномъ развитіи пролетаріата и передовыхъ условіяхъ европейской цивилизаціи, „только быть прелюдіей къ пролетарской революціи“.

Этотъ историческій самообманъ, въ которомъ любой политическій фантазеръ врядъ ли могъ превзойти Маркса, тогда уже серьезно занимавшагося политической экономіей, былъ бы совершенно непонятенъ, если бы нельзя было видѣть въ немъ остатка гегелевской діалектики противорѣчія, отъ которой Марксу—равно какъ и Энгельсу—не удалось всецѣло отрѣшиться во все продолженіе своей жизни, но которая тогда, въ періодъ всеобщаго броженія, оказалась особенно для него роковой. Мы имѣемъ здѣсь не просто преувеличенную оцѣнку ожидаемыхъ результатовъ политической борьбы, какая можетъ проявиться у пылкихъ вождей и даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, повести къ неожиданнымъ успѣхамъ, но чисто умозрительное предвареніе зрѣлости экономическаго и соціальнаго развитія, обнаруживавшаго тогда лишь первые ростки. Что для своего осуществленія требовало цѣлыя поколѣнія, то разсматривалось въ свѣтѣ философіи развитія черезъ противорѣчія, какъ непосредственный результатъ политическаго переворота, который имѣлъ впервые дать буржуазнымъ классамъ просторъ для своего развитія. И когда уже два года спустя послѣ составленія манифеста Марксъ и Энгельсъ увидѣли себя вынужденными—при распаденіи союза коммунистовъ—настаивать передъ своими противниками въ союзѣ на „неразвитой формѣ нѣмецкаго пролетаріата“ и протестовать противъ того, что „слову: пролетаріатъ придаютъ

какой-то священный характеръ" (см. „Процессъ коммунистовъ въ Кельнѣ"), то это былъ лишь результатъ минутнаго отрезвленія. Въ другомъ видѣ это же противорѣчіе между дѣйствительной и конструированной степенью зрѣлости развитія повторялось еще много разъ.

Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о пунктѣ, который оказался особенно фатальнымъ для моей приверженности ученію Маркса и Энгельса, то я позволю себѣ привести примѣръ, который относится къ весьма недавнему времени.

Въ полемикѣ съ одной южно-нѣмецкой соціалъ-демократической газетой Ф. Мерингъ привелъ недавно въ „Leipzige Volkszeitung" выдержку изъ предисловія ко второму изданію брошюры Энгельса: „Къ квартирному вопросу", гдѣ Энгельсъ говоритъ о „существованіи" въ средѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи „нѣкотораго мелко-буржуазнаго соціализма", имѣющаго своихъ защитниковъ „въ самой фракціи рейхстага". Энгельсъ при этомъ характеризуетъ мелко-буржуазный характеръ этого направленія, говоря, что оно хотя и признаетъ основныя воззрѣнія современнаго соціализма правильными, но отодвигаетъ осуществленіе ихъ на отдаленную эпоху, тѣмъ самымъ „осуждая настоящее время на простыя соціальныя заплаты". Энгельсъ считаетъ это направленіе въ Германіи довольно понятнымъ, но при „удивительно здравомъ смыслѣ" нѣмецкихъ рабочихъ совершенно неопаснымъ. Мерингъ цитируетъ эти разсужденія въ связи со споромъ по вопросу о субсидіяхъ пароходамъ, который возникъ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи незадолго до появленія ихъ и который онъ выставляетъ, какъ „первое крупное разногласіе въ партіи въ области „практической политики и пролетарски-революціонной тактики". По его мнѣнію, то, что Энгельсъ имѣлъ въ виду сказать этими словами, совпадало съ тѣмъ, что „думаютъ и хотятъ" сдѣлать представители пролетарски-революціоннаго направленія, къ которымъ онъ и себя причисляетъ, — а именно, разойтись съ такъ называемыми „мелко-буржуазными соціалистами".

Что Мерингъ правильно истолковалъ приведенное мѣсто изъ Энгельса, отрицать нельзя. Такъ именно Энгельсъ и смотрѣлъ тогда на вещи — въ январѣ 1887 г. И пятнадцатью мѣсяцами раньше онъ къ новому изданію „Разоблаченій по поводу процесса коммунистовъ" приложилъ составленные имъ и Марксомъ циркуляры отъ марта и іюня 1850 г., гдѣ въ

качествѣ политики революціоннаго пролетаріата провозглашается „постоянная революція“ (révolution en permanence), замѣчая въ предисловіи, что кое-что изъ того, что тамъ сказано, годится также и для имѣющаго въ скоромъ времени произойти „европейскаго потрясенія“. Какъ на послѣднее изъ предшествовавшихъ потрясеній такого рода, указывается на войну 1870—71 г.; промежутокъ же между европейскими революціями въ настоящемъ столѣтіи устанавливается въ 15—18 лѣтъ.

Это было писано въ 1885—87 г. Нѣсколько лѣтъ спустя въ нѣмецкой соціалъ-демократіи произошелъ конфликтъ съ такъ называемыми „молодыми“. Онъ былъ въ скрытомъ состояніи уже давно; но въ 1890 г. онъ обострился по поводу вопроса о праздновапіи перваго мая забастовкою работы. Что большинство „молодыхъ“ искренно думало, что поступаетъ въ духѣ Энгельса, борясь противъ тогдашняго „оппортюнизма“ парламентской фракціи, этого теперь никто не станетъ оспаривать. Если они обзывали большинство парламентской фракціи „мелко-буржуазнымъ“, то кто другой былъ ихъ авторитетомъ, какъ не Энгельсъ? Состояло же оно какъ разъ изъ тѣхъ людей, которые въ вопросѣ о субсидіи пароходамъ образовывали оппортюнистическое большинство. Но когда тогдашняя редакція „Sächsische Arbeiterzeitung“ обратилась, наконецъ, за поддержкою своихъ взглядовъ къ Энгельсу, то отвѣтъ, какъ Мерингъ знаетъ, оказался совершенно иной, чѣмъ это можно было ожидать, судя по приведеннымъ имъ строкамъ. Энгельсъ назвалъ движеніе „молодыхъ“ просто „бунтомъ литераторовъ и студентовъ“, обвинилъ ихъ въ „искаженіи и уродованіи марксизма“ и заявилъ, что то, въ чемъ съ этой стороны упрекаютъ фракцію, сводится въ лучшемъ случаѣ къ сущимъ пустякамъ; пускай „Sächsische Arbeiterzeitung“ надѣется, сколько хочетъ, на подавленіе здравымъ смысломъ нѣмецкихъ рабочихъ оппортюнистическаго парламентарнаго направленія въ соціалъ-демократіи: онъ, Энгельсъ, не можетъ раздѣлять ея надеждъ, такъ какъ о подобномъ большинствѣ въ партіи онъ никогда не слыхалъ.

Что Энгельсъ, составляя это заявленіе, руководился исключительно своимъ убѣжденіемъ, никто лучше не знаетъ, чѣмъ пишущій эти строки. Движеніе „молодыхъ“, которое, въ концѣ концовъ, вѣдь, тоже состояло изъ рабочихъ, да еще такихъ,

которые при исключительномъ законѣ противъ соціалистовъ принадлежали къ самымъ дѣятельнымъ пропагандистамъ въ партіи, дѣйствительно, представлялось ему бунтомъ радикальничающихъ литераторовъ, а защищаемая ими политика—настолько вредною для даннаго момента, что по сравненію съ нею даже „мелко-буржуазность“ фракціи казалась пустяками.

Но какъ ни цѣненъ былъ въ политическомъ отношеніи его отвѣтъ, напечатанный въ „Sozialdemokrat'ѣ“ отъ 13 сентября 1890 г., можно еще сомнѣваться, совершенно ли правъ былъ Энгельсъ, раздѣлываясь такимъ образомъ съ молодыми. Если европейская революція предстояла такъ близко, какъ онъ заявилъ въ предисловіи къ „Разоблаченіямъ“,—согласно сказанному тамъ, срокъ уже за это время истекъ,—и если тактика, намѣченная въ циркулярѣ, все еще въ принципѣ была примѣнима, то молодые, по главному вопросу, были плоть отъ плоти и кость отъ кости его. Если же нѣтъ, то ошибка была менѣе на сторонѣ молодыхъ, нежели въ брошенныхъ въ 1885 и 1887 гг. въ пропаганду брошюрахъ съ упомянутыми уже приложеніями и допускающими двоякое толкованіе дополненіями. Эта двумысленность, однако, которая такъ мало соотвѣтствовала характеру Энгельса, коренилась въ послѣднемъ счетѣ въ перенятой у Гегеля діалектикѣ. Ея „да-нѣтъ и нѣтъ-да“ вмѣсто „да-да и нѣтъ-нѣтъ“, переходъ противоположностей одна въ другую, превращеніе количества въ качество и прочія діалектическія красоты всегда то и дѣло становились поперекъ дороги при обсужденіи полнаго значенія тѣхъ или другихъ перемѣнъ. Разъ схема развитія, первоначально конструированная въ гегельянскомъ духѣ, имѣла оставаться безъ измѣненія, то либо дѣйствительность должна была быть иначе истолкована, либо при измѣреніи пути къ намѣченной цѣли должны были игнорироваться всякія реальныя пропорціи. Отсюда то противорѣчіе, что съ необыкновенною, соотвѣтствующей пчелиному трудолюбію генія точностью при изслѣдованіи экономической структуры общества шло рука объ руку невѣроятно небрежное отношеніе къ осязательнѣйшимъ фактамъ, го то самое ученіе, которое исходитъ изъ доминирующаго и ·едѣляющаго вліянія экономики надъ силою, приходитъ къ цесному вѣрованію въ творческую способность силы, и что теоретическое возведеніе соціализма на степень науки такъ часто заканчивается преобладаніемъ тенденціозности надъ всякими требованіями научности.

Если и ничто другое, то во всякомъ случаѣ совершенно не научно опредѣлять точку зрѣнія политика или теоретика лишь на основаніи того представленія, которое онъ имѣетъ относительно скорости общественнаго развитія. Отожествленіе понятіе пролетарскаго съ представленіемъ о немедленномъ и непосредственномъ разрѣшеніи противорѣчій покоится на весьма неглубокомъ истолкованіи этого понятія. Согласно ему, все грубое, невѣжественное и пошлое означало бы „пролетарское". Если вѣра всякій разъ въ близко предстоящую революціонную катастрофу дѣлаетъ человѣка пролетарски-революціоннымъ соціалистомъ, то больше всѣхъ право на это имя имѣютъ революціонеры-террористы Въ научной доктринѣ долженъ былъ быть, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь раціональный масштабъ для опредѣленія той линіи, по ту сторону которой находился бы фантазеръ, а по сю сторону—мелкій буржуа. Но объ этомъ не было и рѣчи: опредѣленіе оставалось дѣломъ чистаго произвола. И такъ какъ размѣры всегда кажутся тѣмъ меньшими, чѣмъ съ большаго отдаленія разсматриваешь вещь, то на практикѣ обыкновенно происходитъ то замѣчательное явленіе, что самые какіе они не есть „мелко-буржуазные" взгляды—въ вышеприведенномъ смыслѣ—мы находимъ у людей, которые, сами принадлежа къ рабочему классу, находятся въ самомъ интимномъ общеніи съ настоящимъ пролетарскимъ движеніемъ, въ то время какъ люди, принадлежащіе къ буржуазному классу или живущіе въ буржуазной обстановкѣ, которые либо не имѣютъ никакого соприкосновенія съ рабочимъ міромъ, либо знаютъ его лишь по политическимъ собраніямъ, заранѣе настроеннымъ на извѣстный тонъ, преисполнены пролетарски-революціоннымъ духомъ.

На склонѣ своихъ дней Энгельсъ въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ" призналъ безъ оговорокъ ошибку, которую онъ и Марксъ сдѣлали при оцѣнкѣ сроковъ соціальнаго и политическаго развитія. Заслугу, которую онъ стяжалъ себѣ передъ соціалистическимъ движеніемъ этой статьей, которая по справедливости можетъ быть названа его политическимъ завѣщаніемъ, трудно преувеличить. Въ ней кроется больше, чѣмъ она выражаетъ. Съ одной стороны, предисловіе не было подходящимъ мѣстомъ для выведенія всѣхъ заключеній, вытекавшихъ изъ столь непринужденно сдѣланнаго признанія; съ другой, отъ Энгельса вообще нельзя было ожидать, чтобъ онъ самъ взялся

за сдѣлавшійся вслѣдствіе этого необходимымъ пересмотръ теоріи. А если бы онъ взялся, то обязательно покончилъ бы всѣ счеты, если не формально, то фактически, съ гегелевской діалектикой. Она — предательскій элементъ въ марксистской доктринѣ,—помѣха, стоящая поперекъ пути всякаго послѣдовательнаго истолкованія вещей. Вырваться изъ ея путъ Энгельсъ не могъ или не хотѣлъ. Онъ выводилъ изъ пріобрѣтенныхъ познаній слѣдствія лишь по отношенію къ извѣстнымъ методамъ и формамъ политической борьбы. Какъ ни цѣнно то, что онъ въ этомъ отношеніи говоритъ, оно обнимаетъ лишь часть возникающихъ при этомъ вопросовъ.

Такъ, напр., очевидно, что политическую борьбу, о которой Марксъ и Энгельсъ оставили намъ монографіи, намъ приходится теперь разсматривать подъ нѣсколько инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ подъ какимъ они ее разсматривали. Ихъ приговоры надъ партіями и лицами, не смотря на весьма реалистическую точку зрѣнія, не могли быть вполнѣ справедливы при томъ самообманѣ, въ которомъ они находились относительно хода событій, и ихъ политика поэтому также не всегда была правильна. Позднѣйшая поправка не имѣла бы никакого практическаго значенія, если бы именно въ соціалистической исторіографіи, когда рѣчь заходитъ о новомъ времени, не играла такую роль традиція, и если бы, съ другой стороны, на эту прежнюю борьбу не указывалось постоянно, какъ на примѣръ.

Важнѣе, однако, поправки, которую соціалистическая исторіографія новаго времени обязана принять согласно предисловію Энгельса, та поправка, которая изъ него вытекаетъ для всего воззрѣнія на борьбу и задачи соціалъ-демократіи. А это непосредственно приводитъ насъ къ мало выясненному до сихъ поръ пункту о первоначальной внутренней связи между марксизмомъ и бланкизмомъ и объ уничтоженіи ея.

б) Марксизмъ и бланкизмъ.

„Когда нація исчерпаетъ источники своей силы;
„Когда страна окажется безъ производства и безъ средствъ сообщенія;
„Когда рабочіе, деморализованные политикою клубовъ и пріостановкою національныхъ мастерскихъ, начнутъ наниматься въ солдаты, чтобъ только прожить какъ-нибудь . . .
„О, тогда вы узнаете, что значитъ революція, вызванная адвокатами, приведенная въ исполненіе художниками и руководимая романистами и поэтами.
„Проснитесь отъ своего сна вы, монтаньяры, фельяны, кордельеры, мюскадены, янсонисты и бабувисты! Не пройдетъ и шести недѣль, какъ наступятъ событія, о которыхъ я вамъ возвѣщаю“.
Прудонъ въ „Représentant du Peuple“. 29-го апрѣля 1848 г.

Гегелевская философія была многими писателями охарактеризована, какъ отраженіе великой французской революціи, и дѣйствительно, со своею эволюціею разума черезъ противорѣчія она можетъ разсматриваться какъ идеологическій pendant тѣмъ великимъ движеніямъ борьбы, въ которыхъ какъ выражался Гегель: „der Mensch sich auf den Kopf, das ist auf den Gedanken stellte“. Въ гегелевской системѣ, конечно, эволюція политическаго разума достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ прусскомъ просвѣщенномъ полицейскомъ государствѣ времени реставраціи. Но уже за годъ до смерти Гегеля реставрація во Франціи уступила мѣсто буржуазной монархіи; во всей Европѣ опять возникли радикальныя стремленія, которыя въ концѣ концовъ повели къ все болѣе и болѣе яростнымъ нападкамъ на эту монархію и на классъ, которому она служила оруженосцемъ, т. е. буржуазію. Имперія и реставрація казались теперь радикальнымъ поборникамъ новаго лишь нарушеніями поднимавшейся волны великой революціи; съ буржуазной монархіей наступилъ поворотъ въ сторону прежняго развитія,

которое, въ виду измѣнившихся соціальныхъ условій, уже больше не встрѣтитъ на своемъ пути преградъ, прервавшихъ ходъ французской революціи.

Самымъ радикальнымъ продуктомъ великой французской революціи было движеніе Бабефа и „равныхъ". Его традиціи были переняты во Франціи тайными революціонными обществами, которыя возникли при Луи Филиппѣ и изъ которыхъ впослѣдствіи вышла бланкистская партія. Ихъ программою было: нисправерженіе буржуазіи пролетаріатомъ при помощи насильственной экспропріаціи. Въ февральской революціи 48 г. клубные революціонеры столь же часто обзывались „бабувистами" и „партіей Барбеса", сколько по имени того, кто за это время успѣлъ стать ихъ духовнымъ вождемъ, т. е. Огюста Бланки.

Въ Германіи, на почвѣ гегелевской діалектики, Марксъ и Энгельсъ пришли къ ученію, совершенно сродному съ бланкизмомъ. Наслѣдниками буржуа могутъ быть лишь пролетаріи, ихъ прямая противоположность,—пролетаріи, этотъ исконный соціальный продуктъ буржуазнаго хозяйства. Примыкая къ общественно-критическимъ работамъ, нынѣ несправедливо умаляемымъ, соціалистовъ школъ Оуэна, Фурье и Сенъ-Симона, они становились при этомъ на хозяйственно-матеріалистическую точку зрѣнія, но въ матеріализмѣ самомъ они аргументировали все-таки по-гегельянски. Новѣйшій пролетаріатъ, который уже у сенъ-симонистовъ игралъ ту же роль, какую въ прошломъ столѣтіи игралъ крестьянинъ у послѣдователей Руссо, сталъ въ теоріи совершенно идеализироваться ими, главнымъ образомъ, конечно, со стороны его историческихъ возможностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и со стороны его способностей и наклонностей. Этимъ путемъ, не смотря на свое болѣе глубокое философское образованіе, они дошли до тѣхъ же политическихъ взглядовъ, что и бабувистскіе конспираторы. Частичная революція—утопія, только полная революція еще возможна, аргументируетъ Марксъ въ „Deutsch-franzoesische Jahrbücher" (см. „Введеніе въ критику философіи права Гегеля"). Такого рода воззрѣніе вело прямо къ бланкизму.

Въ Германіи представляютъ себѣ обыкновенно бланкизмъ, какъ теорію тайныхъ заговоровъ и политическаго террора, какъ ученіе о созданіи революціи небольшою, сознательною и дѣйствующею по строго обдуманному плану революціонною партіею. Но это представленіе не идетъ дальше внѣшняго сход-

ства и справедливо, въ лучшемъ случаѣ, лишь относительно нѣкоторыхъ эпигоновъ бланкизма. Бланкизмъ есть нѣчто большее, чѣмъ теорія метода: скорѣе его методъ есть лишь выводъ, продуктъ его болѣе глубокой политической теоріи. Послѣдняя же есть просто на просто теорія безграничной творческой силы революціонно-политическаго насилія и его выраженія—революціонной экспропріаціи. Методъ является отчасти дѣломъ обстоятельствъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ свободы союзовъ и прессы, заговоры сами собою выдвигаются на сцену, и гдѣ, какъ во Франціи до 48 г., политическій центръ во время революціонныхъ возстаній фактически правитъ страною, тамъ даже терроръ—поскольку только принимаются въ расчетъ извѣстныя данныя опыта—не такъ ирраціоналенъ, какъ онъ кажется тѣмцу *). Отрицаніе террора не есть еще поэтому эмансипація одъ бланкизма. Ничто такъ ясно не показываетъ это, какъ изученіе того, что Марксъ и Энгельсъ писали въ періодъ союза коммунистовъ. За изъятіемъ отрицанія террора, у нихъ все еще, въ сущности, господствуетъ бланкистскій, т. е. бабувистскій духъ. Въ Коммунистическомъ Манифестѣ, напр., изъ всей соціалистической литературы одни лишь писанія Бабефа остаются безъ критики: о нихъ говорится только, что они въ великой революціи „выражали требованія пролетаріата“—утвержденіе, во всякомъ случаѣ, противорѣчащее эпохѣ. Революціонная программа дѣйствія Манифеста насквозь проникнута бланкизмомъ. Въ „Классовой борьбѣ“, въ „18-мъ Брюмера“, а въ особенности, въ циркулярахъ союза коммунистовъ бланкисты выставляются пролетарской партіей par exellence—„настоящая въ сущности, пролетарская партія“, говорится въ циркулярѣ отъ іюня 1850 г.,—что было справедливо лишь относительно революціоннаго настроенія, но никакъ не относительно общественнаго состава этой партіи. Пролетарскую партію Франціи сонтавляли въ 48 г. рабочіе, группировавшіеся вокругъ Люксембурга. Тѣ же взгляды опредѣляли и отношеніе Маркса къ

*) Дѣйствительно, бланкизмъ считаетъ за собой не одни лишь пораженія, но также и нѣкоторые весьма значительные временные успѣхи. Въ 1848 и 1870 гг. провозглашеніе республики было въ высшей степени дѣломъ вліянія бланкистскихъ соціалъ-революціонеровъ. Съ другой же стороны, іюнь 48 г. и май 71 г. были, въ послѣднемъ счетѣ, пораженіями бланкизма.

враждовавшимъ фракціямъ въ чартистскомъ лагерѣ*). При изложеніи хода событій во Франціи въ „Классовой борьбѣ“ и „18-мъ Брюмера“ мастерскій анализъ дѣйствительно двигавшихъ ими силъ тѣсно переплетается съ значительно усилившеюся къ тому времени легендою бланкистовъ. Но нигдѣ такъ рѣзко и полно не выступаетъ бланкистскій духъ, какъ въ циркулярахъ союза коммунистовъ отъ марта 1850 г. съ ихъ подробными указаніями насчетъ того, какъ при предстоящемъ новомъ взрывѣ революціи коммунистамъ надлежитъ употребить всѣ свои силы, чтобы сдѣлать революцію хронической (en permanence). Все теоретическое пониманіе характера современнаго хозяйства, все знакомство съ даннымъ состояніемъ экономическаго развитія Германіи, находившейся далеко еще позади состоянія тогдашней Франціи,—о послѣдней Марксъ въ это же время писалъ, что „въ ней борьба промышленныхъ рабочихъ противъ промышленной буржуазіи составляетъ лишь частичный фактъ“—словомъ, всѣ экономическія знанія превращаются въ ничто передъ программою, иллюзорнѣе которой не могъ бы составить любой клубный революціонеръ. То, за что Марксъ шестью мѣсяцами позже упрекалъ Виллиха-Шаплера, онъ и Энгельсъ провозглашали тогда сами: вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній, они „двигательною силой революціи дѣлаютъ одну простую волю“. Потребности новѣйшей хозяйственной жизни совершенно игнорируются и состояніе крѣпости и развитія классовъ всецѣло упускается изъ виду. Зато пролетарскій терроризмъ, который при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Германіи могъ выступить только разрушительно, а потому, съ самаго же начала, какъ его выдвинули бы въ указанномъ видѣ противъ буржуазной демократіи, могъ дѣйствовать только реакціонно и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи, былъ поднятъ на степень чудодѣйственной силы, которая должна была подвинуть производственныя отношенія на ту высоту развитія, какая считалась

*) Циркуляръ подъ рубрикою „Англія“ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ констатируетъ фактъ, что разрывъ между революціонною и умѣренною фракціями чартистовъ „существенно ускоренъ былъ делегатами союза“. Продолжало ли бы чартистское движеніе существовать, не будь этого разрыва,—вещь весьма сомнительная; но удовлетвореніе по поводу успѣшно достигнутаго разрыва—чисто бланкистское.

необходимымъ предварительнымъ условіемъ соціалистическаго переустройства общества.

Было бы несправедливо при критикѣ этого циркуляра упустить изъ виду то обстоятельство, что онъ составленъ былъ въ изгнаніи и притомъ въ такое время, когда страсти, вызванныя побѣдою реакціи, дошли до бѣлаго каленія. Все же, это столь естественное возбужденіе объясняетъ лишь тѣ или другія преувеличенія относительно близости революціоннаго контръакта—ожиданія, отъ которыхъ, впрочемъ, Марксъ и Энгельсъ вскорѣ отказались, равно какъ и извѣстныя увлеченія въ изложеніи, но никакъ не это вопіющее противорѣчіе между дѣйствительностью и программою. Послѣднее не было результатомъ минутнаго настроенія—извинить его этимъ значило бы оказать историческую несправедливость составителямъ: оно было продуктомъ интеллектуальной ошибки,—дуализма въ теоріи.

Въ современномъ соціалистическомъ движеніи можно различить два большихъ теченія, которыя въ различныя времена принимаютъ различныя формы и часто становятся въ противорѣчіе одно къ другому. Одно изъ нихъ примыкаетъ къ реформаторскимъ проектамъ, выработаннымъ соціалистическими писателями, и существенно направлено въ сторону построенія, а другое черпаетъ свое вдохновеніе въ революціонныхъ народныхъ возстаніяхъ и стремится, главнымъ образомъ, къ разрушенію. Сообразно съ условіями возможности, существующими въ тотъ или другой моментъ, первое является утопическимъ, сектантскимъ, мирно-эволюціоннымъ, а второе—заговорщическимъ, демагогическимъ и террористическимъ. Чѣмъ больше мы приближаемся къ настоящему времени, тѣмъ рѣшительнѣе гласитъ пароль въ одномъ случаѣ: „эмансипація черезъ хозяйственную организацію“, а въ другомъ: „эмансипація черезъ политическую организацію“. Въ прежніе вѣка представителями перваго направленія были, большею частью, лишь отдѣльные мыслители, а второго—неправильныя народныя движенія. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія на сторонѣ того и другого стояли уже опредѣленныя, постоянныя группы: съ одной стороны, соціалистическія секты, равно какъ и разнаго рода рабочіе союзы, а съ другой,—всевозможныя революціонныя организаціи. Въ попыткахъ къ объединенію недостатка не было, да и антагонизмъ не всегда былъ

безусловный, такъ что слова Коммунистическаго Манифеста, что фурьеристы Франціи враждовали съ тамошними реформистами, а оуэнисты Англіи—съ чартистами, справедливы лишь относительно крайнихъ элементовъ этихъ группъ. Масса оуэнистовъ стояла всецѣло за политическую реформу—стоитъ только вспомнить такихъ людей, какъ Ллойдъ Джонсъ,—но она была противъ культа силы, какъ его исповѣдывали болѣе радикальные чартисты—physical force men, и отстранялась отъ дѣла тамъ, гдѣ послѣдніе брали вверхъ. Такъ же было и съ приверженцами Фурье во Франціи.

Теорія Маркса хотѣла сочетать вмѣстѣ сущность обоихъ теченій. У революціонеровъ она заимствовала пониманіе освободительной борьбы рабочихъ, какъ политической борьбы класса, а у соціалистовъ— воздѣйствіе на экономическія и соціальныя условія освобожденія рабочихъ. Но такое сочетаніе еще не было устраненіемъ противоположностей, а скорѣе, компромиссомъ, какъ его предлагаетъ англійскимъ соціалистамъ Энгельсъ въ своей книгѣ: „Положеніе рабочихъ классовъ“: отстраненіе на задній планъ специфически-соціалистическаго элемента въ пользу политически-радикальнаго, соціалъ-революціоннаго. И какъ ни развивалась дальше теорія Маркса, въ концѣ концовъ она всегда сохраняла характеръ этого компромиса, т. е. дуализма. Въ немъ мы и должны искать объясненія тому обстоятельству, что марксизмъ такъ часто и въ такіе короткіе промежутки времени является существенно различнымъ. При этомъ рѣчь идетъ не о такихъ измѣненіяхъ, какія возникаютъ у каждой борющейся партіи, измѣняющей требованія тактики сообразно съ обстоятельствами, а о такихъ, которыя выступаютъ безъ внѣшней необходимости, исключительно какъ продуктъ внутреннихъ противорѣчій.

Марксизмъ переросъ бланкизмъ лишь въ одномъ пунктѣ—въ методѣ. Что же до другого,—до преувеличенной оцѣнки творческой способности революціонной силы въ дѣлѣ соціалистическаго преобразованія современнаго общества—то онъ никогда вполнѣ не освободился отъ бланкистскихъ воззрѣній. То, что онъ въ нихъ исправилъ, какъ, напр., идея о болѣе строгой централизаціи революціонной силы, касается больше формы, нежели сущности.

Въ статьѣ, изъ которой мы взяли эпиграфъ для этой главы, и гдѣ Прудонъ, по своему, почти предсказываетъ точный день

іюньской рѣзни, онъ выставляетъ на видъ парижскимъ рабочимъ, находящимся подъ вліяніемъ клубовъ, что такъ какъ экономическая революція XIX в., по существу своему, совершенно отлична отъ революціи XVIII в., то и преданія 1793 г., которыя безпрестанно проповѣдывались имъ въ клубахъ, совершенно непригодны для данныхъ условій времени. Терроръ 1793 г., говоритъ онъ, нисколько ни угрожалъ условіямъ существованія значительнѣйшей массы населенія. Но въ 1848 г. подобный террористическій режимъ привелъ бы къ столкновенію двухъ обширныхъ классовъ, существованіе которыхъ находится въ зависимости отъ обращенія продуктовъ и взаимныхъ отношеній, и ихъ столкновеніе означало бы гибель всѣхъ.

Это было выражено по-прудоновски, преувеличенно, но при данномъ экономическомъ строѣ Франціи оно попало прямо въ цѣль.

Больше девяти-десятыхъ производства и обмѣна Франціи 1789—94 г. ограничено было мѣстными рынками: внутренній національный рынокъ игралъ весьма подчиненную роль при слабой хозяйственной дифференціаціи въ провинціяхъ. Какъ, стало быть, ни бушевалъ терроръ, онъ, на сколько это какасается промышленныхъ классовъ, разорялъ лишь единичныхъ личностей и, въ худшемъ случаѣ, извѣстныя мѣстныя индустріи; національная же хозяйственная жизнь была имъ затронута лишь косвенно. Ни одинъ слой занятыхъ въ промышленности и торговлѣ классовъ не подвергался, какъ таковой, опасности; оттого страна могла выдерживать терроръ довольно продолжительное время и раны, причиненныя имъ, были быстро залечены. Въ 1848 г., напротивъ, недостаточная безопасность, въ какую составъ временнаго правительства и появленіе на сцену всемогущихъ на видъ клубовъ, ввергли коммерческій міръ, означала уже все въ большей и большей степени пріостановку промышленности и парализацію торговли и сношеній. Каждое усугубленіе, каждый лишній день существованія такого порядка вещей означали все новое и новое разореніе и дальнѣйшую безработицу и угрожали страшными потерями всему промышленному населенію городовъ и, отчасти, также и деревень. О какой бы то ни было соціалъ-политической экспропріаціи крупно- и мелко-капиталистическихъ предпріятій не могло быть и рѣчи: для этого не было ни достаточно развитой индустріи, ни органовъ, которые могли

бы занять мѣсто предпринимателей. Пришлось бы замѣнить одного индивида другимъ или цѣлою группою ихъ, отчего соціальный строй не измѣнился бы ни на іоту и хозяйственное положеніе не улучшилось бы ни въ чемъ. На мѣсто опытныхъ руководителей индустріи стали бы новички со всѣми слабостями диллетантизма. Словомъ, политика по образцу террора 1793 г. была самой нелѣпой и нецѣлесообразной вещью, какую только можно было придумать, и такъ какъ она была нелѣпа, то щеголянье въ костюмахъ 93 г. и повтореніе въ утрированномъ видѣ рѣчей 93 г. было болѣе, чѣмъ глупо: именно потому, что это было время революціи, оно было преступленіемъ, которое многимъ тысячамъ рабочихъ пришлось вскорѣ искупить своей жизнью, или, въ лучшемъ случаѣ, свободою. При всѣхъ своихъ причудливыхъ гиперболахъ предостереженіе „мелкобуржуазнаго“ Прудона обнаруживало поэтому, среди сатурналій революціонныхъ фразъ, пониманіе и нравственную стойкость, которыя ставятъ его политически далеко выше всѣхъ литераторовъ, художниковъ и прочей буржуазной богемы, облачавшихся въ „пролетарски-революціонное“ одѣяніе и мечтавшихъ о новыхъ преріальскихъ дняхъ. Марксъ и Прудонъ описываютъ почти одновременно — первый въ „Классовой борьбѣ“ а второй—въ „Исповѣди революціонера“—ходъ февральской революціи, какъ историческую драму, въ которой каждый болѣе или менѣе значительный актъ представляетъ пораженіе революціи. Но, въ противоположность Прудону, Марксъ именно въ созданіи контръ-революціи видитъ революціонный прогрессъ: лишь черезъ борьбу съ нею, пишетъ онъ, созрѣетъ партія переворота и сдѣлается настоящею революціонною партіею. Что онъ при этомъ ошибся въ расчетѣ относительно времени— вѣдь, здѣсь идетъ рѣчь о революціи въ политическомъ смыслѣ — въ этомъ Марксъ самъ вскорѣ убѣдился; но принципіальной ошибки, лежавшей въ основѣ этого мнѣнія, онъ, повидимому, никогда не успѣлъ понять всецѣло, и столь же мало открылъ ее Энгельсъ въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ“.

Энгельсъ и Марксъ постоянно исходили изъ представленія о революціи, которая, при всемъ своемъ измѣняющемся содержаніи, совершается по виду на одинаковый манеръ съ революціями XVII и XVIII вв. Это значитъ, что прежде всего у кормила власти становится передовая, буржуазно-радикальная партія, имѣющая за собой, въ качествѣ критикующей и по-

буждающей силы, революціонный рабочій классъ. Затѣмъ, похозяйничавъ, она уступаетъ мѣсто еще болѣе радикальной буржуазной, т. е. мелко-буржуазной партіи,—буде таковая имѣется—покуда почва для соціалистической революціи не готова уже вполнѣ и не наступаетъ моментъ для захвата власти революціонной партіей пролетаріата. Эта мысль, выраженная въ циркулярѣ отъ марта 1850 г., вновь выступаетъ отчетливо въ 1887 г., въ предисловіи къ „Разоблаченіямъ по поводу процесса коммунистовъ", гдѣ говорится, что въ ближайшей европейской катастрофѣ въ Германія „непремѣнно станетъ у руля мелко-буржуазная демократія". Это „непремѣнно" было здѣсь не столько выводомъ изъ объективной оцѣнки вещей, сколько обозначеніемъ того хода развитія, который считался необходимымъ для успѣшнаго захвата власти соціалъ-демократіей. Устныя и письменныя заявленія Энгельса не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Кромѣ того, разъ даны предпосылки, весь этотъ ходъ мысли вполнѣ послѣдователенъ.

Но именно съ этими предпосылками обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Всѣ данныя указываютъ на то, что политическая революція, которая прежде всего привела бы къ власти буржуазно-радикальную партію, есть въ передовыхъ странахъ Европы дѣло прошедшаго. Новѣйшія революціи имѣютъ тенденцію съ самаго же начала привести къ кормилу наиболѣе радикальныя изъ всѣхъ вообще возможныхъ правительственныхъ комбинацій. Такъ уже было во Франціи въ 1848 г. Провизорное правительство было тогда самое радикальное изъ всѣхъ возможныхъ даже на короткое время правительствъ Франціи. Это понималъ и Бланки, который оттого возсталъ 26-го февраля со всей энергіей противъ намѣренія своихъ приверженцевъ сейчасъ же разогнать „предательское правительство" и замѣнить его самымъ какое ни на есть настоящимъ революціоннымъ. Подобнымъ же образомъ, 15 мая, когда ворвавшаяся въ палату революціонная толпа провозгласила новое правительство, состоявшее изъ него и другихъ революціонеровъ и соціалистовъ, онъ, въ противоположность „рыцарскому" мечтателю Барбесу, не сдѣлалъ никакихъ попытокъ забраться въ Hôtel de Ville, а преспокойно ушелъ къ себѣ домой. Его политическая проницательность одержала верхъ надъ его революціонными идеологіями. Точно такъ же, какъ

въ 48 г., обстояло дѣло при провозглашеніи республики въ 70-мъ: бланкисты вынудили это провозглашеніе, но во власть вошли лишь буржуазные радикалы. Когда же, напротивъ, въ мартѣ 71 г. въ Парижѣ, подъ вліяніемъ бланкистскихъ соціалъ-революціонеровъ, дошло до возстанія противъ назначеннаго національнымъ собраніемъ правительства и была провозглашена коммуна, картина тотчасъ же перемѣнилась: буржуазные и мелко-буржуазные радикалы отстранились и предоставили поле дѣятельности, а съ нимъ и политическую отвѣтственность соціалистамъ и революціонерамъ.

Все говоритъ за то, что въ будущемъ всякое возстаніе въ передовыхъ странахъ приметъ именно эту форму. Буржуазные классы вообще перестали уже быть тамъ революціонными, а рабочій классъ слишкомъ силенъ, чтобы послѣ побѣдоноснаго возстанія оставаться все-критикующей оппозиціей. И въ особенности, въ Германіи, при тамошнемъ положеніи партій, было бы невозможно на другой день послѣ революціи иное правительство, кромѣ соціалъ-демократическаго. Чисто буржуазно-радикальное правительство не просуществовало бы ни одного дня, а коалиціонное правительство изъ соціалистовъ и буржуазныхъ демократовъ означало бы фактически лишь то, что либо двое-трое изъ послѣднихъ вступили въ соціалистическое правительство въ качествѣ декораціи, либо соціалъ-демократія сложила свое знамя передъ буржуазной демократіей. Въ революціонное время подобнаго рода коалиціи, конечно, совершенно невѣроятны.

Надобно полагать, что именно въ силу и такихъ между прочимъ соображеній Энгельсъ въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ" такъ рѣшительно, какъ никогда прежде, привѣтствовалъ въ качествѣ средствъ къ освобожденію рабочихъ всеобщую подачу голосовъ и парламентскую дѣятельность и прощался съ мыслью о завоеваніи политической власти при помощи революціонныхъ неожиданностей.

Это было дальнѣйшее освобожденіе отъ бланкистскихъ воззрѣній, хотя и модернизированныхъ. Но вопросъ все-таки обсуждается еще исключительно съ точки зрѣнія важности его для соціалъ-демократіи, какъ п о л и т и ч е с к о й п а р т і и. Указывается, что въ виду измѣнившихся военно-стратегическихъ условій шансы на успѣхъ будущихъ возстаній сознательнаго меньшинства незначительны, и подчеркивается участіе массъ,

понимающихъ характеръ наступающаго переворота во всемъ строѣ общества, какъ необходимое предварительное условіе осуществленія самаго этого переворота. Но это касается всетаки лишь внѣшнихъ средствъ и воли — другими словами, идеологіи. Матеріальныя же основанія соціалистической революціи остаются неизслѣдованными, старая формула: „присвоеніе средствъ производства и обмѣна“ появляется на сцену безъ измѣненія и ни единымъ словомъ не показываетъ, измѣнилось ли что-нибудь въ экономическихъ предпосылкахъ превращенія производственныхъ средствъ въ государственную собственность при помощи крупнаго революціоннаго акта. Лишь способъ завоеванія политической власти подвергается пересмотру; способы же экономическаго использованія политической власти остаются тѣ же, что и въ прежнемъ ученіи, восходящемъ къ 1793 и 96 гг.

Совершенно въ духѣ этихъ воззрѣній писалъ Марксъ въ 1850 г. въ „Классовой борьбѣ“: „Публичный и частный кредитъ естъ экономическій термометръ, по которому можно судить объ интенсивности революціи. Въ той мѣрѣ, въ какой онъ падаетъ, поднимается пылъ и созидательная сила революціи“. Чисто гегелевская фраза, весьма убѣдительная для всѣхъ головъ, воспитанныхъ на Гегелѣ! Всегда однако имѣется пунктъ, на которомъ пылъ перестаетъ созидать и начинаетъ дѣйствовать лишь разрушительно. Какъ только его преступаютъ, начинается движеніе не впередъ, а назадъ, въ сторону, совершенно обратную первоначальнной цѣли. Такимъ образомъ постоянно разбивалась бланкистская тактика, какъ бы она въ началѣ побѣдоносна ни была. Въ этомъ, а не въ теоріи бунтовъ заключается ея уязвимое мѣсто, но именно съ этой стороны она не подвергалась критикѣ марксистовъ.

И это не случайность. Ибо здѣсь критика бланкизма превратилась бы въ самокритику марксизма — самокритику не только тѣхъ или другихъ частей, но и существенныхъ составныхъ элементовъ его теоретическаго зданія. и прежде всего, какъ мы видимъ здѣсь опять, его діалектики. Всякій разъ, когда мы замѣчаемъ, что ученіе, исходящее изъ экономики, какъ основанія общественнаго развитія, капитулируетъ передъ теоріей, доводящей до крайности культъ силы, мы всегда на-

талкиваемся на какое-нибудь гегелевское положеніе. Быть может, это послѣднее лишь аналогія, но это еще хуже. Великая обманчивость гегелевской діалектики въ томъ и состоитъ, что она никогда всецѣло не ошибается. Она стоитъ въ такомъ же отношеніи къ истинѣ, въ какомъ блуждающій огонекъ къ свѣту. Она не противорѣчитъ себѣ, потому что, согласно ей, всякая вещь носитъ въ себѣ самой свое противорѣчіе. Противорѣчіе ли это ставить силу туда, гдѣ только что была экономика? Ничуть, такъ какъ сила сама есть „экономическая потенція".

Ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ оспаривать относительной справедливости этого послѣдняго положенія. Но когда мы предлагаемъ себѣ вопросъ, какъ и когда дѣйствуетъ сила, какъ экономическая потенція, такимъ образомъ, что получается желанный результатъ, то гегелевская діалектика оставляаетъ насъ на мели: тогда мы должны считаться съ конкретными фактами и точно—„метафизически"—опредѣленными понятіями, если не желаемъ надѣлать грубыхъ ошибокъ. Логическія сальтомортале гегельянства необычайно сверкаютъ умомъ и смѣлостью. Какъ блуждающій огонекъ, оно показываетъ намъ въ смутныхъ очертаніяхъ далекія перспективы. Но какъ только мы, полагаясь на него, избираемъ себѣ дорогу, мы обязательно попадаетъ въ болото. То великое, что Марксъ и Энгельсъ намъ дали, они дали не благодаря гегелевской діалектикѣ, а вопреки ей. Когда же, съ другой стороны, они проходятъ мимо грубѣйшихъ ошибокъ бланкизма, не обращая на нихъ никакого вниманія, то въ этомъ прежде всего виновна гегелевская примѣсь въ ихъ теоріи.

———

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экономическое развитіе современнаго общества.

а) Нѣчто о значеніи теоріи цѣнности Маркса.

> Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ еще то полезное примѣненіе, что оно все-таки иной разъ совпадаетъ съ излюбленнымъ требованіемъ рабочаго относительно „всего плода его трудовъ".
>
> Энгельсъ, „Анти-Дюрингъ".

По ученію Маркса, какъ мы видѣли, теорія прибавочной цѣнности образуетъ краеугольный камень экономіи капиталистическаго общества. Чтобы понять однако прибавочную цѣнность, нужно прежде всего знать, что такое цѣнность вообще. Оттого изложеніе природы и хода развитія капиталистическаго общества у Маркса начинается съ анализа цѣнности.

Цѣнность товаровъ въ современномъ обществѣ состоитъ, по Марксу, въ потраченномъ на нихъ общественно-необходимомъ трудѣ, измѣряемомъ временемъ. При такомъ масштабѣ цѣнности требуется однако цѣлый рядъ абстракцій и редукцій. Прежде всего надобно развить, т. е. абстрагировать отъ спеціальной потребительной цѣнности единичныхъ товаровъ ихъ мѣновую цѣнность. Затѣмъ, для образованія понятія о всеобщемъ или отвлеченномъ человѣческомъ трудѣ надобно отвлечься отъ особенностей единичныхъ видовъ труда или, другими словами, свести болѣе высокій, сложный трудъ къ простому или абстрактному. Потомъ, чтобы дойти до общественно-необходимаго рабочаго времени, какъ масштаба трудовой цѣнности,

необходимо абстрагировать отъ различій въ прилежаніи, искусности, интеллигентности отдѣльныхъ рабочихъ, а затѣмъ, когда доходитъ до превращенія цѣнности въ рыночную цѣнность, т. е. цѣну,— отъ общественно-необходимаго рабочаго времени, потребнаго для отдѣльныхъ товарныхъ единицъ. Но даже и такимъ путемъ добытая трудовая цѣнность требуетъ еще новаго отвлеченія. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ товары, какъ уже разъ упомянуто было, отчуждаются соотвѣтственно не ихъ индивидуальной цѣнности, а издержкамъ производства, т. е. дѣйствительной стоимости плюсъ средняя пропорціональная норма прибыли, которой высота опредѣляется отношеніемъ всей совокупной цѣнности общественнаго производства ко всей совокупной платѣ за человѣческую рабочую силу, потраченную въ производствѣ, обмѣнѣ и пр., причемъ еще надобно вычесть поземельную ренту изъ этой совокупной цѣнности и принять въ соображеніе распаденіе капитала на капиталы промышленный, торговый и банковый.

При такомъ положеніи дѣлъ цѣнность, поскольку вопросъ касается отдѣльнаго товара или категоріи товаровъ, теряетъ всякое конкректное содержаніе и превращается въ чисто мыслительное построеніе. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, становится „прибавочная цѣнность“? По ученію Маркса, она ничто иное, какъ разница между трудовой цѣнностью продуктовъ и платою за рабочую с и л у, издержанную рабочими при производствѣ ихъ. Отсюда ясно, что въ тотъ моментъ, когда трудовая цѣнность можетъ претендовать лишь на значеніе теоретической формулы или научной гипотезмы, сама прибавочная цѣнность превращается въ формулу, при томъ еще такую, которая, въ свою очередь, покоится на гипотезѣ.

Какъ извѣстно, Энгельсъ въ посмертной статьѣ, напечатанной въ „Neue Zeit“ за 1895-96 г., указалъ на разрѣшеніе этой проблемы при помощи исторической точки зрѣнія. Согласно ей, законъ цѣнности, дѣйствительно, имѣлъ непосредственную силу, дѣйствительно, непосредственно регулировалъ обмѣнъ товаровъ въ періодъ, предшествовавшій капиталистическому хозяйству. Были ли то первобытныя общины, которыя обмѣнивались излишками своихъ продуктовъ, или самостоятельные крестьяне и ремесленники, которые вывозили свои продукты на рынокъ, но пока средства производства оставались у самихъ производителей, цѣну продукта устанавливала его тру-

довая цѣнность. Но какъ только между дѣйствительнымъ производителемъ и потребителемъ становится капиталъ,—вначалѣ въ качествѣ капитала торговаго и купеческаго, затѣмъ мануфактурнаго и, наконецъ, крупно-промышленнаго, — трудовая цѣнность исчезаетъ съ поверхности и на передній планъ выступаетъ все больше и больше цѣна производства. Вышеупомянутыя абстракціи суть мыслительныя повторенія явленій, которыя имѣли мѣсто въ прошедшей исторіи и которыя и теперь еще вліяютъ и даже вновь повторяются въ извѣстныхъ случаяхъ и формахъ. Трудовая цѣнность остается реальностью, даже если она уже больше не регулируетъ непосредственно движеніе цѣнъ.

Энгельсъ пытается доказать это, въ связи съ однимъ мѣстомъ въ третьемъ томѣ „Капитала", при помощи анализа исторіи хозяйства. Но какъ блестяще онъ ни рисуетъ возникновеніе и развитіе нормы прибыли, его статьѣ не достаетъ убѣдительности именно тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о цѣнности. Согласно Энгельсу, законъ цѣнности Маркса имѣлъ значеніе всеобщаго экономическаго закона въ теченіе пяти или семи тысячелѣтій отъ начала обмѣна продуктовъ въ качествѣ товаровъ (въ Вавилонѣ, Египтѣ и т. д.) до наступленія капиталистическаго производства. Противъ такого взгляда на предметъ выступилъ въ томъ же году въ „Neue Zeit" Парвусъ, который тогда уже сдѣлалъ нѣкоторыя мѣткія возраженія, указавъ на рядъ фактовъ (феодальныя отношенія, недифференцированное хозяйство въ деревняхъ, цѣховыя и другія монополіи), препятствовавшихъ образованію всеобщей мѣновой цѣнности, основывающейся на рабочемъ времени производителей. Очевидно, что обмѣнъ на основаніи трудовой цѣнности не можетъ до тѣхъ поръ стать общимъ правиломъ, пока производство для обмѣна все еще составляетъ побочное занятіе хозяйственныхъ единицъ, полезное примѣненіе избытка труда и т. д. и совершается у обмѣнивающихся производителей подъ совершенно различными условіями. Вопросъ о создающемъ мѣновую цѣнность трудѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и о цѣнности и прибавочной цѣнности, былъ также теменъ на предыдущихъ хозяйственныхъ стадіяхъ, какъ и теперь.

Что однако тогда выступало яснѣе, чѣмъ въ настоящее время, такъ это фактъ *прибавочной цѣнности*. Тамъ, гдѣ въ древніе и средніе вѣка получался прибавочный трудъ,

относительно него не существовало никакихъ сомнѣній и самообольщеній: его не затемняли никакія теоріи цѣнности. Тамъ, гдѣ рабъ обязанъ былъ производить для обмѣна, онъ былъ чистѣйшей машиною прибавочнаго труда; крѣпостные же и зависимые отдавали прибавочный трудъ въ откровенной формѣ барщинъ, натуральныхъ повинностей въ родѣ десятины и т. д. Цеховой подмастерье могъ легко вычислить, во сколько его мастеру обходилась его работа и сколько онъ за нее бралъ съ заказчиковъ*). Эта прозрачность отношеній между рабочей платою и цѣною товаровъ царитъ еще и на порогѣ капиталистическаго періода. Этимъ и объясняются нѣкоторыя поражающія насъ теперь мѣста въ экономическихъ сочиненіяхъ того времени относительно прибавочнаго труда и труда, какъ единственнаго производителя богатства. То, что у насъ является плодомъ глубокаго вниканія въ вещи, было тогда почти общимъ мѣстомъ. Богатымъ того времени вовсе не приходило въ голову выдавать свое богатство за плодъ своихъ собственныхъ трудовъ. Возникающее же въ началѣ мануфактурнаго періода ученіе о трудѣ, какъ о мѣрилѣ цѣнности (мѣновой), тогда лишь только начинавшей пріобрѣтать характеръ всеобщности, правда, примыкаетъ къ представленію о трудѣ, какъ о единственномъ создателѣ богатства, и все еще совершенно конкректно понимаетъ цѣнность, но уже вскорѣ ведетъ къ тому, чтобы затемнить, а не прояснить представленіе о прибавочномъ трудѣ. О томъ, какъ впослѣдствіи Адамъ Смитъ на основаніи его представилъ прибыль и поземельную ренту въ видѣ вычетовъ изъ цѣнности труда, о томъ, какъ Рекардо эту мысль развилъ еще дальше, а соціалисты обратили ее противъ буржуазной экономіи,— обо всемъ этомъ можно прочесть у самого Маркса.

Но уже у Адама Смита трудовая цѣнность фигурируетъ въ видѣ абстракціи отъ существующей дѣйствительности. Она

---

* Тамъ, гдѣ до-капиталистическіе методы промышленной дѣятельности успѣли сохраниться и въ новѣйшее время, прибавочный трудъ и понынѣ еще обнаруживается явно. Помощникъ мелкаго каменщика или штукатура, который выполняетъ для него работы у какого-нибудь изъ его заказчиковъ, знаетъ отлично, что его часовая плата на сколько-то меньше цѣны, которую его хозяинъ ставитъ тому въ счетъ за каждый рабочій часъ. Точно такъ же обстоитъ у портныхъ, садовниковъ и пр., работающихъ на заказъ ремесленниковъ.

имѣетъ полное примѣненіе лишь „въ предыдущемъ и грубомъ состояніи общества“, предшествовавшемъ накопленію капитала и присвоенію земли, равно какъ и въ отсталыхъ отрасляхъ промышленности. Въ капиталистическомъ же мірѣ составными элементами цѣнности являются у Смита, помимо труда или, скорѣе, рабочей платы, также и прибыль и рента, и трудовая цѣнность служитъ у него лишь „понятіемъ“ съ цѣлью раскрыть раздѣленіе продукта труда, т. е. факта прибавочнаго труда.

Въ системѣ Маркса дѣло, въ сущности, обстоитъ не иначе. Правда, Марксъ проводитъ гораздо послѣдовательнѣе, нежели Смитъ, понятіе о трудовой цѣнности, формулированное у него значительно точнѣе, но и абстрактнѣе. Но въ то время, какъ марксистская школа—и въ томъ числѣ пишущій эти строки—все еще продолжала думать, что въ страстно обсуждавшемся вопросѣ о томъ, относится ли аттрибутъ „общественно необходимаго рабочаго времени“ въ трудовой цѣнности лишь къ способу производства даннаго товара или одновременно также и къ отношенію произведенной массы этого товара къ эффективному спросу лежитъ пунктъ фундаментальной важности для системы, въ письменномъ столѣ Маркса лежало уже готовое разрѣшеніе, которое придавало этому вопросу, наряду со многими другими, совершенно иной характеръ и переносило его въ совершенно иную область, на совершенно иную почву. Цѣнность отдѣльныхъ товаровъ становится теперь чѣмъ-то вполнѣ второстепеннымъ, такъ какъ товары отчуждаются по цѣнамъ производства,—по издержкамъ производства плюсъ норма прибыли. На первый планъ выступаетъ цѣнность всего совокупнаго производства общества и избытокъ этой цѣнности надъ всей совокупной суммой платы рабочаго класса, т. е. не индивидуальная, а вся соціальная прибавочная цѣнность. То, что вся совокупность работниковъ производитъ въ данный моментъ сверхъ причитающейся имъ доли, образуетъ соціальную прибавочную цѣнность,—прибавочную цѣнность общественнаго производства, которая и подраздѣляется между отдѣльными капиталистами въ приблизительно равной пропорціи сообразно участвовавшимъ капиталамъ ихъ. Но этотъ прибавочный продуктъ реализуется лишь въ той мѣрѣ, въ какой совокупное производство соотвѣтствуетъ совокупнымъ потребностямъ, т. е. способности рынка къ

поглощенію его. Съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія производства какъ цѣлаго, цѣнность каждаго отдѣльнаго вида товара опредѣляется рабочимъ временемъ, требующимся для производства его при нормальныхъ условіяхъ въ такомъ количествѣ, какое рынокъ, т. е. совокупность покупателей, можетъ въ данный моментъ принять. Но именно для разсматривающихся здѣсь товаровъ нѣтъ, въ дѣйствительности, никакого мѣрила для опредѣленія совокупныхъ потребностей даннаго момента, такъ что и въ этомъ смыслѣ понимаемая цѣнность есть лишь чисто мыслительный фактъ, подобно цѣнности, основанной на предѣльной полезности школы Госсена, Джевонса, Бемъ-Баверка. Обѣ онѣ имѣютъ въ основѣ своей дѣйствительныя отношенія, но обѣ построены на абстракціяхъ *).

---

*) Интересную попытку придать трудовой цѣнности конкретное содержаніе, т. е. превратить ее въ теоретически измѣримую величину, мы встрѣчаемъ у Льва фонъ-Буха въ его книгѣ: „Интенсивность труда, цѣнность и цѣна товаровъ“. (Петербургъ, 1896; нѣмецкое изданіе Лейпцигъ, 1896). Авторъ, который при составленіи своей книги, очевидно, былъ еще незнакомъ съ третьимъ томомъ „Капитала“, устанавливаетъ, въ качествѣ мѣрила величины трудовой цѣнности, предѣльную интенсивность труда,—произведеніе изъ отношенія дневного рабочаго времени къ восьмичасовому рабочему дню и отношенія фактической рабочей платы къ цѣнности продукта труда (нормы эксплуатаціи). Чѣмъ короче рабочій день и чѣмъ ниже норма эксплуатаціи, тѣмъ выше интенсивность труда. а вмѣстѣ съ нимъ и трудовая цѣнность продукта. По Буху, слѣд., на почвѣ трудовой цѣнности эксплуатаціи не происходитъ. Она получается лишь изъ отношенія трудовой цѣнности къ рыночной цѣнности продукта, которая лежитъ въ основѣ цѣны и которую Бухъ называетъ цѣнностью оцѣнки, замѣняющею у него терминъ „мѣновая цѣнность“, который нынче, когда обмѣна больше нѣтъ, совершенно лишенъ смысла.

Какъ ни странна кажется эта теорія на первый взглядъ, но она имѣетъ за собою одно достоинство: тѣмъ, что Бухъ кореннымъ образомъ отличаетъ трудовую цѣнность отъ рыночной, онъ избѣгаетъ дуализма въ понятіяхъ и можетъ первую развить и чище, и сильнѣе. Спрашивается лишь, не было ли предвосхищеніемъ вовлечь послѣднюю „цѣнность“ въ опредѣленіе трудовой цѣнности. То, чего хотѣлъ Бухъ, а именно, дать трудовой цѣнности въ противоположность рыночной физіологическое обоснованіе, онъ могъ достичь и непосредственно, дѣлая факторомъ измѣренія фактически уплаченную заработную плату. Тѣ, однако, которые прин-

Подобныя абстракціи при разсмотрѣніи сложныхъ явленій, конечно, неизбѣжны. Въ какой мѣрѣ онѣ допустимы, зависитъ всецѣло отъ предмета и цѣли изслѣдованія. Въ принципѣ, Марксу такъ же позволительно отвлекаться отъ всѣхъ свойствъ товаровъ настолько, что они въ концѣ концовъ превращаются въ одни лишь воплощенія разныхъ количествъ простого человѣческаго труда, какъ школѣ Джевонса и Бемъ-Баверка абстрагировать отъ всѣхъ свойствъ товаровъ, кромѣ ихъ полезности. Но и тѣ и другія абстракціи допустимы лишь для извѣстныхъ цѣлей аргументаціи и найденныя на основаніи ихъ положенія могутъ претендовать на значеніе лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Если однако нѣтъ никакого вѣрнаго мѣрила для опредѣленія въ каждый данный моментъ общей потребности въ какомъ-нибудь товарѣ, то практика все-таки показываетъ, что въ опредѣленные промежутки времени спросъ и предложеніе всѣхъ товаровъ приблизительно уравниваются. Практика дальше показываетъ, что въ производствѣ и доставкѣ *) товаровъ принимаетъ дѣятельное участіе лишь часть общества, межъ тѣмъ какъ другая состоитъ изъ людей, которые либо пользуются вознагражденіемъ за услуги, не находящіяся ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ производству, либо пользуются доходами безъ всякой работы. Съ совокупнаго труда, заключающагося въ производствѣ, живетъ, такимъ образомъ, значительно большее число людей, чѣмъ какое занимается имъ, и статистика доходовъ, кромѣ того, показываетъ намъ, что слои, не участвующіе въ производствѣ, присваиваютъ себѣ долю общественнаго продукта, во много разъ превышающую ихъ

ципіально отвергаютъ сведеніе трудовой цѣнности къ платѣ, могутъ быть отосланы къ тому мѣсту въ главѣ „Трудовой процессъ и процессъ созданія цѣнности“ у Маркса, гдѣ говорится: „Если же цѣнность этой силы (рабочей силы) выше, то она и выражается въ болѣе высокой работѣ и воплощается, въ одинакіе промежутки времени, въ сравнительно болѣе высокихъ цѣнностяхъ“ (Бухъ, стр. 186). Нѣмецкое изслѣдованіе Буха, которое появилось покамѣстъ лишь первымъ томомъ и которое я при случаѣ разсмотрю подробнѣе, кажется мнѣ плодомъ иедюжинной силы анализа и достойнымъ вниманія вкладомъ въ литературу по далеко не разъясненному еще вопросу.

*) Мы предпочитаемъ это слово способному ввести въ заблужденіе термину: „распредѣленіе“.

численное отношеніе къ части, занятой производительнымъ трудомъ. Прибавочный трудъ этой послѣдней есть эмпирическій, на опытѣ покоящійся фактъ, который не нуждается ни въ какомъ дедуктивномъ доказательствѣ. Правильна ли теорія цѣнности **Маркса** или нѣтъ,—для доказательства прибавочнаго труда вполнѣ и совершенно безразлично. Она въ этомъ отношеніи не есть тезисъ для доказательства, а лишь средство для анализа и нагляднаго объясненія.

Когда поэтому при анализѣ товарнаго производства Марксъ заявляетъ, что отдѣльные товары отчуждаются по своей цѣнности, то онъ этимъ лишь иллюстрируетъ на отдѣльномъ произвольно построенномъ случаѣ явленіе, которое, по его теоріи, въ дѣйствительиости представляетъ общественное производство. Рабочее время, потраченное на всю сумму товаровъ, есть поэтому въ вышеуказанномъ смыслѣ—общественная цѣнность *). И если даже эта общественная цѣнность осуществляется не вполнѣ, потому что постоянно происходитъ обезцѣненіе товаровъ черезъ частичное перепроизводство, то на фактъ соціальной прибавочной цѣнности или соціальнаго прибавочнаго продукта это принципіальнаго вліянія не имѣетъ. Ростъ его массы можетъ при случаѣ измѣниться или замедлиться, но онъ никогда не пріостанавливается. О томъ же, чтобы онъ въ томъ или другомъ государствѣ пошелъ назадъ, не можетъ быть даже и рѣчи. Прибавочный продуктъ ростетъ повсюду, но отношеніе его прироста къ приросту наемнаго ка-

---

*) „Въ сущности, это законъ цѣнности требуетъ . . . чтобы не только на каждый отдѣльный товаръ потрачено было лишь необходимое рабочее время, но чтобы въ различныхъ группахъ потрачено было лишь необходимое пропорціональное количество всего общественнаго рабочаго времени. Ибо условіемъ остается потребительная цѣнность . . . общественная потребность, другими словами, потребительная цѣнность въ общественномъ масштабѣ является здѣсь опредѣляющимъ факторомъ для тѣхъ долей совокупнаго общественнаго рабочаго времени, которыя выпадаютъ на различныя частныя области производства“. („Капиталъ“, III, 2). Ужъ изъ-за одного этого мѣста невозможно отдѣлаться парою презрительныхъ замѣчаній отъ теоріи Госсена и Бемъ-Баверка.

питала въ настоящее время вездѣ въ передовыхъ странахъ падаетъ.

Однимъ тѣмъ, что Марксъ переноситъ изложенную здѣсь схему общественной цѣнности на отдѣльный товаръ, доказывается уже, что образованіе прибавочной цѣнности падаетъ у него исключительно на область производства, въ которой вращается создающій ее наемный работникъ. Всѣ другіе участвующіе въ экономической жизни элементы суть вспомогательные дѣятели производства, которые косвенно содѣйствуютъ увеличенію цѣнности тѣмъ, что въ качествѣ, напр., купцовъ, банкировъ и пр. или служащихъ ихъ, избавляютъ промышленныя предпріятія отъ работы, которая въ противномъ случаѣ лежала бы на нихъ, и тѣмъ уменьшаютъ ихъ издержки. Оптовые торговцы и пр. со своими служащими суть лишь подъ другой и дифференцированной формою агенты и пр. фабрикантовъ, а ихъ прибыль—замаскированныя и концентрированныя издержки послѣднихъ. Наемные служащіе этихъ фабрикантовъ, правда, создаютъ прибавочную цѣнность, но только для нихъ, а не общественную, ибо прибыль хозяевъ вмѣстѣ съ жалованьемъ ихъ служащихъ представляетъ лишь вычетъ изъ прибавочной цѣнности, создающейся въ промышленности. Только вычетъ этотъ меньше, чѣмъ онъ былъ до дифференціаціи упомянутыхъ функцій, или былъ бы безъ нихъ. Эта дифференціація только и дѣлаетъ возможнымъ крупное развитіе производства и ускореніе обращенія промышленнаго капитала. Какъ вообще раздѣленіе труда, она усиливаетъ производительность этого капитала, т. е. труда, непосредственно занятаго въ промышленности.

Мы ограничиваемся этимъ краткимъ резюме излагаемыхъ въ третьемъ томѣ „Капитала“ положеній о товарно-торговомъ капиталѣ (котораго денежно-торговый капиталъ представляетъ дальнѣйшую дифференціацію) и купеческой прибыли. Изъ нихъ видно, какое тѣсное приложеніе въ системѣ Маркса имѣетъ понятіе труда, создающаго прибавочную цѣнность. Отмѣченныя здѣсь функціи, равно какъ и другія, о которыхъ мы не упоминаемъ, для общества новѣйшаго времени, по существу своему, необходимы. Ихъ формы могутъ измѣняться и, безъ сомнѣнія, когда-нибудь измѣнятся; но сами онѣ останутся, если только человѣчество не распадется на мелкія замкнутыя хозяйственныя единицы,—въ каковомъ случаѣ онѣ частью упразднятся,

частью сведены будутъ къ минимуму. Межъ тѣмъ въ ученіи о цѣнности, которое, вѣдь, имѣетъ силу для настоящаго общества, весь падающій на нихъ расходъ фигурируетъ просто въ видѣ вычета прибавочной цѣнности—частью въ качествѣ „издержекъ“, частью въ качествѣ интегральной части нормы эксплуатаціи.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ извѣстнымъ произволомъ въ оцѣнкѣ этихъ функцій, при которомъ предполагается не данное общество, а конструированное, ведущее совмѣстное хозяйство. Это есть ключъ ко всѣмъ неясностямъ теоріи цѣнности. Она можетъ быть понята лишь на основаніи этой схемы. Мы видѣли, что прибавочная цѣнность можетъ тогда только быть понята какъ реальность, когда имѣется въ виду хозяйство въ цѣломъ. Марксъ не успѣлъ окончить главу о классахъ, столь важную для его ученія. Изъ нея обнаружилось бы съ очевидной ясностью, что трудовая цѣнность есть рѣшительно ничто иное, какъ ключъ, какъ умственный образъ, подобно атому, одаренному душою *). Этотъ ключъ въ мастерскихъ ру-

*) Мы знаемъ, что мы мыслимъ, и знаемъ также довольно сносно, какъ мы мыслимъ. Но мы никогда не будемъ знать, какъ это происходитъ, что мы думаемъ, какимъ образомъ возникаетъ сознаніе изъ внѣшнихъ впечатлѣній, изъ нервныхъ раздраженій, или измѣненія во взаимоположеніи и взаимодѣйствіи атомовъ нашего мозга. Пытались объяснить это, приписывая атому извѣстную степень способности къ сознанію, извѣстную одухотворенность въ смыслѣ ученія о монадахъ. Но это есть лишь мысленный образъ, предположеніе, къ которому насъ вынуждаетъ наше мышленіе и наша потребность въ монистическомъ пониманіи міра.

Статья, въ которой я указалъ на этотъ фактъ, замѣчая, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ есть идеализмъ, дала г. Плеханову желанный поводъ напасть на меня въ „Neue Zeit“ (книжка 44, годъ 16, II) и попрекнуть меня невѣжествомъ вообще и совершеннымъ непониманіемъ философскихъ взглядовъ Энгельса въ частности. Я не вдаюсь въ то, какъ произвольно авторъ примѣняетъ мои слова къ вещамъ, которыхъ я и не затрагивалъ, а лишь констатирую, что его статья сводится къ заявленію, что Энгельсъ однажды на вопросъ Плеханова: „Вы думаете, стало быть, что старикъ Спиноза былъ правъ, когда говорилъ, что мысль и протяженіе суть ничто иное, какъ два атрибута одной единой субстанціи?“ отвѣтилъ: „Конечно, Спиноза былъ совершенно правъ“.

Но у Спинозы субстанція, которой приписываются оба

кахъ Маркса далъ возможность вскрыть и наглядно представить остовъ капиталистическаго хозяйства въ картинѣ, не имѣющей себѣ равной по детальности, послѣдовательности и мѣткости; но начиная съ извѣстнаго пункта, онъ пересталъ быть доступнымъ и сталъ фатальнымъ для всѣхъ почти учениковъ Маркса.

Главнымъ же образомъ, ученіе о трудовой цѣнности вводитъ въ заблужденіе тѣмъ, что оно постоянно фигурируетъ въ качествѣ мѣрила экплуатаціи работника капиталистомъ, къ чему, между прочимъ, ведетъ обозначеніе нормы прибавочной

эти атрибута, есть Богъ. Конечно, — Богъ, который отожествляется съ природою, отчего уже въ самомъ началѣ Спиноза осуждался, какъ безбожникъ, и его философія отвергалась, какъ атеистическая, хотя формально она является пантеизмомъ, который, впрочемъ, для приверженцевъ ученія о личномъ стоящемъ внѣ природы Богѣ является также лишь замаскированнымъ атеизмомъ. Спиноза дошелъ до понятія о безконечной субстанціи-Богѣ съ упомянутыми и другими, точнѣе не обозначенными атрибутами чисто умозрительнымъ путемъ: для него законосообразное мышленіе и бытіе были тожественны. Постольку онъ сходится съ различными матеріалистами; но самъ онъ можетъ быть лишь въ совершенно произвольномъ смыслѣ слова названъ представителемъ философскаго матеріализма. Если подъ матеріализмомъ вообще понимать что-либо опредѣленное, то онъ является лишь ученіемъ о матеріи, какъ о конечномъ и единственномъ основаніи вещей. Но Спиноза именно называетъ свою субстанцію—Бога—н е т ѣ л е с н о ю. Каждому вольно быть спинозистомъ, но тогда именно онъ перестаетъ быть матеріалистомъ.

Я знаю, что въ своемъ „Людвигѣ Фейербахѣ“ Энгельсъ даетъ матеріализму два другихъ опредѣленія, чѣмъ то, которое дано выше. Онъ прежде всего причисляетъ къ матеріалистамъ всѣхъ тѣхъ, которые признаютъ природу за первоначало, а затѣмъ тѣхъ, которые „отрицаютъ всякую идеалистическую фантазію, которая не можетъ быть согласована съ фактами, воспринимаемыми въ ихъ собственной внутренней связи“. Эти опредѣленія придаютъ слову „матеріализмъ“ такой широкій смыслъ, что оно теряетъ всякую опредѣленность и включаетъ весьма антиматеріалистическія воззрѣнія. Такимъ образомъ, на каждомъ шагу обнаруживается—и Плехановъ самъ констатируетъ это невольно,—что ссылка на званіе „матеріалистическій“ покоится скорѣе на политическихъ, нежели на научныхъ основаніяхъ. Кто не вѣруетъ въ мыслящую матерію, тотъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ политической ереси,—такова мораль его статьи. Какъ мнѣ пережить эту анаѳему?

цѣнности нормою эксплуатаціи и пр. Что она, въ качествѣ такого мѣрила, даже тогда невѣрна, когда нашей отправной точкой служитъ общество, какъ цѣлое, и мы противопоставляемъ общую сумму рабочей платы общей суммѣ остальныхъ доходовъ, видно уже изъ предыдущаго. Ученіе о цѣнности также мало даетъ норму для справедливости или несправедливости распредѣленія продуктовъ труда, какъ ученіе объ атомахъ— для красоты или негодности произведенія искусства. Встрѣчаемъ же мы въ настоящее время наилучше оплачиваемыхъ рабочихъ, членовъ „аристократіи“ труда, какъ разъ въ такихъ индустріяхъ, гдѣ норма прибавочной цѣнности весьма высока, а возмутительно эксплуатируемыхъ рабочихъ— въ такихъ, гдѣ она очень низка.

На одномъ томъ фактѣ, что наемный работникъ не получаетъ полной цѣнности продукта своего труда, невозможно научно обосновать соціализмъ или коммунизмъ. „Да и Марксъ самъ“, пишетъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Нищетѣ философіи“, „никогда на этомъ не основывалъ своихъ коммунистическихъ требованій, а на неизбѣжномъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе на нашихъ глазахъ приближающемся крушеніи капиталистическаго способа производства“.

Посмотримъ же, какъ обстоитъ дѣло съ этимъ.

б) Движеніе доходовъ въ современномъ обществѣ.

„Если, съ одной стороны, накопленіе представляется въ видѣ ростущей концентраціи, . . . то съ другой —въ видѣ отталкиванія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ другъ отъ друга“.

Марксъ, „Капиталъ“ I томъ.

Прибавочная цѣнность составляетъ, по ученію Маркса фатумъ капиталиста. Капиталистъ долженъ производить прибавочную цѣнность, чтобы получать прибыль; но онъ можетъ извлекать прибавочную цѣнность лишь изъ живого труда. Чтобы обезпечить рынокъ противъ своихъ конкуррентовъ, онъ долженъ стремиться къ удешевленію производства, а этого онъ достигаетъ, разъ пониженіе рабочей платы невозможно, лишь черезъ уве-

личеніе производительности труда, т. е. черезъ усовершенствованіе машинъ и сбереженіе человѣческой рабочей силы. Но вмѣстѣ съ этимъ однако онъ выбрасываетъ за бортъ самый трудъ, создающій прибавочную цѣнность, и такимъ образомъ онъ убиваетъ курицу, несущую ему золотыя яйца. Слѣдствіемъ этого является постепенное пониженіе нормы прибыли, которое можетъ быть пріостановлено временно противодѣйствующими обстоятельствами, но рано или поздно наступаетъ сызнова. Здѣсь опять новое внутреннее противорѣчіе капиталистическаго способа производства. Норма прибыли является стимуломъ къ производительному употребленію капитала, и если она падаетъ ниже извѣстнаго пункта, то импульсъ къ производительнымъ предпріятіямъ ослабляется,—въ особенности, по скольку это касается новыхъ капиталовъ, которые выступаютъ на рынокъ въ качествѣ результата накопленія капиталовъ. Капиталъ самъ оказывается предѣломъ капиталистическаго производства. Дальнѣйшее развитіе производства перерывается. Межъ тѣмъ какъ, съ одной стороны, каждый дѣйствующій капиталъ старается при помощи лихорадочнаго напряженія производства сохранить и увеличить массу своей прибыли, съ другой стороны уже наступаетъ застой въ расширеніи производства. Это лишь pendant тѣмъ явленіямъ на рынкѣ потребительныхъ цѣнностей, которыя ведутъ къ кризису, благодаря относительному перепроизводству. Перепроизводство товаровъ выражается одновременно въ видѣ перепроизводства капиталовъ. Здѣсь, какъ и тамъ, кризисы создаютъ временное равновѣсіе. Происходитъ колоссальное обезцѣненіе и разрушеніе капиталовъ, и подъ вліяніемъ застоя часть рабочаго класса вынуждена бываетъ согласиться на пониженіе платы ниже средняго уровня, такъ какъ на рабочемъ рынкѣ стоитъ къ услугамъ капитала увеличившаяся резервная армія лишнихъ рукъ. Спустя нѣкоторое время условія прибыльнаго примѣненія капитала возстановляются вновь и игра можетъ начаться сызнова, но на болѣе высокой ступени описаннаго выше внутренняго противорѣчія: большая централизація капиталовъ, большая концентрація предпріятій, большая норма эксплуатаціи.

Правильно ли все это или нѣтъ?

И да, и нѣтъ. Оно вѣрно, прежде всего, въ тенденціи. Описанныя силы имѣются налицо и дѣйствуютъ въ указанномъ направленіи. Явленія такъ же взяты изъ дѣйствительности:

паденіе нормы прибыли есть фактъ, наступленіе перепроизводства и кризисовъ есть фактъ, періодическое уничтоженіе капиталовъ есть фактъ, концентрація и централизація промышленнаго капитала есть фактъ и повышеніе нормы прибавочной цѣнности есть фактъ. Съ этой стороны возраженій не можетъ быть никакихъ. Если же картина все-таки не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то это не потому, что сказанное невѣрно, а потому, что оно—не полно. Факторы, которые вліяютъ на указанныя противорѣчія въ смыслѣ ограниченія ихъ, либо совершенно игнорируются у Маркса, либо если затрагиваются при случаѣ, то упускаются впослѣдствіи при сведеніи и сопоставленіи констатированныхъ фактовъ, такъ что соціальное вліяніе антагонизмовъ кажется сильнѣе и непосредственнѣе, нежели оно на самомъ дѣлѣ.

Такъ, въ первомъ томѣ „Капитала“ (глава 23-я, отдѣлъ 2-й) Марксъ говоритъ о размноженіи капиталовъ черезъ дѣленіе и т. д. („отталкиваніе многихъ отдѣльныхъ капиталистовъ другъ отъ друга“) и замѣчаетъ при этомъ, что съ накопленіемъ капитала число капиталистовъ вслѣдствіе такихъ дробленій „болѣе или менѣе увеличивается“. Но въ дальнѣйшемъ этотъ ростъ числа капиталистовъ совершенно упускается изъ виду и даже акціонерныя общества разсматриваются исключительно съ точки зрѣнія концентраціи и централизаціи капитала. Вышеприведеннымъ „болѣе или менѣе“ дѣло какъ бы исчерпывается. Въ заключеніи перваго тома рѣчь все еще идетъ о „постоянно уменьшающемся числѣ магнатовъ капитала“ и въ третьемъ томѣ это утвержденіе остается принципіально безъ измѣненія. Правда, при разсмотрѣніи нормы прибыли и купеческаго капитала затрагиваются факты, которые указываютъ на дробленіе капиталовъ, но безъ примѣненія къ настоящему нашему пункту. Читатель продолжаетъ находиться подъ впечатлѣніемъ, что число владѣльцевъ капитала постоянно — если не абсолютно, то въ отношеніи къ росту рабочаго класса—уменьшается. Согласно съ этимъ у соціалъ-демократіи преобладаетъ или постоянно выплываетъ представленіе о томъ, что концентрація промышленныхъ предпріятій сопровождается концентраціей имущества.

Но это далеко не такъ. Форма акціонернаго общества въ значительной степени противодѣйствуетъ тенденціи централизаціи имущества черезъ централизацію предпріятій. Она до-

пускаетъ широкое дробленіе сконцентрированныхъ уже капиталовъ и дѣлаетъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами въ видахъ концентраціи промышленныхъ предпріятій излишнимъ. Если несоціалистическіе экономисты воспользовались этимъ фактомъ, чтобы какъ-нибудь обѣлить общественныя условія, то это еще не резонъ для соціалистовъ утаивать его или какъ-нибудь скрасить. Дѣло скорѣе заключается въ томъ, чтобы опредѣлить его дѣйствительные размѣры и значеніе.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ абсолютно никакихъ численныхъ данныхъ относительно фактическаго распредѣленія основныхъ, привилегированныхъ и др. паевъ акціонерныхъ обществъ, играющихъ въ настоящее время такую огромную роль, такъ какъ въ большинствѣ странъ эти паи анонимны (т. е. могутъ безпрепятственно переходить изъ рукъ въ руки подобно другимъ бумажнымъ деньгамъ), а въ Англіи, гдѣ преобладаютъ именныя акціи и списки такихъ постоянныхъ акціонеровъ доступны всякому для просмотра въ государственномъ департаментѣ реестровъ, составленіе болѣе точной статистики представляетъ гигантскую работу, на которую еще никто не отваживался. Число ихъ можно лишь приблизительно опредѣлить на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ обществахъ. Чтобы показать, однако, какъ ошибочны господствующія на этотъ счетъ представленія и какъ вліяетъ на самомъ дѣлѣ совершенно иначе, чѣмъ это кажется издали, на распредѣленіе состояній и имуществъ новѣйшая и осязательнѣйшая форма капиталистической централизаціи — трэстъ, я приведу здѣсь нѣкоторыя цифры, которыя легко можно провѣрить.

Образовавшійся съ годъ тому назадъ англійскій трэстъ швейныхъ нитокъ состоитъ изъ 12,300 пайщиковъ. Изъ нихъ:

6000	чел. влад. основ. акц.	съ сред. кап. въ	60 ф. ст.
4500	„ „ привил. акц.	„ „ „ „	150 „ „
1800	„ „ облигаціями	„ „ „ „	315 „ „

Трэстъ хлопчато-бумажныхъ прядильщиковъ также содержитъ порядочное число пайщиковъ, а именно, 5454.

2904	чел. влад. основ. акц.	съ сред. кап. въ	300 ф. ст.
1870	„ „ привил. акц.	„ „ „ „	500 „ „
680	„ „ облигаціями	„ „ „ „	1300 „ „

Точно такъ-же и бумаго-прядильный трэстъ П. и Т. Коутсъ *). Число акціонеровъ большого манчестерскаго канала доходитъ до 40 тысячъ, а обширнаго бакалейнаго дѣла Т. Липтона—до 74,262. Часто приводившаяся въ послѣднее время, въ качествѣ примѣра концентраціи капитала, торговая фирма Спайерсъ и Пондъ въ Лондонѣ имѣетъ, при капиталѣ въ 1,300,000 фунтовъ, 4,650 акціонеровъ, изъ которыхъ лишь 550 обладаютъ акціями на сумму, превышающую 5,000 фунтовъ. Это лишь немногіе примѣры раздробленія имущественныхъ паевъ въ централизованныхъ предпріятіяхъ. Само собою понятно, что не всѣ акціонеры могутъ быть названы капиталистами и очень часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ является во всевозможныхъ обществахъ м е л к и м ъ акціонеромъ. При всемъ томъ, однако, число акціонеровъ и средняя величина ихъ акціонернаго пая несомнѣнно и быстро ростетъ. Въ общемъ, число лицъ, имѣющихъ акціи, исчисляется выше, чѣмъ въ милліонъ, и это не кажется преувеличеннымъ, если принять во вниманіе, что въ одномъ 1896 г. число акціонерныхъ обществъ въ Соединенномъ королевствѣ доходило до 21,223 съ оплаченнымъ капиталомъ въ 1.114,500,000 фунтовъ, не считая заключенныхъ въ самой Англіи внѣшнихъ займовъ, государственныхъ бумагъ и пр. **)

Это распредѣленіе національнаго богатства или, какъ это можно въ большинствѣ случаевъ сказать, національнаго п р и б а в о ч н а г о п р о д у к т а, отражается также и въ цифрахъ подоходной статистики.

Въ Соединенномъ королевствѣ за финансовый 1893—94 годъ (послѣдній лежащій передо мною отчетъ) число лицъ, подлежащихъ рубрикѣ D и E подоходнаго налога (доходы съ торговой прибыли, высшихъ чиновничьихъ должностей и пр.) и имѣвшихъ 150 фунтовъ и выше въ годъ, было 727,270. Къ нимъ, однако, надо еще прибавить плательщиковъ, получавшихъ доходъ съ земли (въ видѣ ренты, арендной платы и пр.), съ квартирныхъ домовъ и подлежащихъ обложенію затратъ

---

*) Во всѣхъ этихъ трэстахъ прежніе владѣльцы соединенныхъ фабрикъ обязаны были взять часть акцій. Эти послѣднія не включены въ приведенную таблицу.

**) Англійскіе капиталы з а г р а н и ц е ю оцѣниваются нынче въ 2,150 милліоновъ, а ихъ ежегодный приростъ приблизительно въ 7.200,000.

капитала. Эти группы вмѣстѣ платятъ почти столько же, сколько вышеупомянутыя, а именно съ доходовъ въ общую сумму въ 300—350 милліоновъ фунтовъ. Это, вѣроятно, удваиваетъ число лицъ, пользующихся годичнымъ доходомъ больше, чѣмъ въ 150 фунтовъ.

Въ „British Review“ отъ 22-го мая 1897 г. можно найти кой-какія цифры относительно роста доходовъ въ Англіи за періодъ отъ 1851 до 1881 гг. Изъ нихъ видно, что число семействъ въ Англіи съ доходомъ отъ 150 до 1,000 фунтовъ стерл. (средняя и мелкая буржуазія и высшая рабочая аристократія) было въ 1851 г. приблизительно 300 тысячъ, а въ 1881 г.—приблизительно 990 тысячъ. Въ то время, какъ населеніе за эти тридцать лѣтъ возросло въ отношеніи 27 къ 35, т. е. на 30% приблизительно, число этихъ подоходныхъ категорій увеличилось въ отношеніи 27 къ 90, т. е. на $233^1/_3$%. Онѣ нынѣ исчисляются Гиффеномъ въ полтора милліона плательщиковъ.

Въ другихъ странахъ дѣло, по существу, обстоитъ точно такъ же. Во Франціи, по Мелголлю, изъ общаго числа 8 милліоновъ семействъ 1.700,000 живутъ въ средне- и мелкобуржуазныхъ условіяхъ (съ среднимъ доходомъ въ 6,500 франковъ), 6 милліоновъ приходится на рабочій классъ и 160 тысячъ на очень богатыхъ. Въ Пруссіи, какъ читатели Лассаля знаютъ, было въ 1854 г. при населеніи въ 16,3 милліона лишь 44,407 человѣкъ съ доходомъ выше 1,000 талеровъ. Въ 1894—95 гг., при общемъ населеніи приблизительно въ 33 милліона, платило налогъ 321,296 человѣкъ съ доходомъ выше 3,000 марокъ. Въ 1897—98 гг. число плательщиковъ возросло до 347.328. Въ то время, какъ населеніе удвоилось, слой зажиточныхъ увеличился больше, чѣмъ въ семь разъ. Даже если принять въ соображеніе, что присоединенныя въ 1866 г. области показываютъ, большею частью, болѣе высокія цифры благосостоянія, нежели старая Пруссія, и что цѣны на средства жизни за этотъ промежутокъ времени въ значительной мѣрѣ возросли, увеличеніе числа зажиточныхъ по сравненію съ увеличеніемъ населенія все-таки на много разъ превышаетъ отношеніе 2 къ 1. Если, напр., взять болѣе позднiй промежутокъ времени, то мы найдемъ, что за 14 лѣтъ между 1876 и 1890 гг. при общемъ увеличеніи плательщиковъ на 20,56%, доходы между 2,000 и 20,000 марокъ (зажиточная

и мелкая буржуазія) возросли съ 442,534 на 582,024 плательщика, т. е. на 31,52%. Классъ имущихъ въ собственномъ смыслѣ (доходъ въ 6,000 марокъ и выше) возросъ за это время съ 66,319 на 109,095, т. е. на 58,47%. Пять шестыхъ этого увеличенія, а именно, съ 33,226 на 38,776, выпадаютъ на средніе доходы между 6,000 и 20,000 марокъ. Точно такъ же обстоитъ и въ наиболѣе промышленномъ государствѣ Германіи, въ Саксоніи. Тамъ, между 1879 и 1890 г.г., число лицъ съ доходомъ между 1,600 и 3,300 марками увеличилось съ 62,140 на 91,124, а съ доходомъ въ 3,300 до 9,600 марокъ—съ 24,414 на 38,841*). Нѣчто подобное и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Конечно, не всѣ получающіе высокій доходъ, — „имущіе“, но въ какой значительной степени это такъ, видно изъ того что въ 1895—96 г.г. въ Пруссіи были привлечены къ добавочному налогу 1,152,332 плательщика съ подлежащей обложенію чистой собственностью въ 600 марокъ и выше. Больше половины этого числа а именно, 598,063 человѣка, платили налогъ на чистую собственность болѣе, чѣмъ въ 20 тысячъ марокъ, а 385,00—на собственность болѣе, чѣмъ въ 32,00 марокъ.

Такимъ образомъ, совершенно неправильно предполагать, будто современное развитіе обнаруживаетъ относительное или даже абсолютное уменьшеніе числа имущественныхъ классовъ. Не „болѣе или менѣе“, а именно все больше и больше *и* абсолютно *и* относительно, ростетъ число ихъ. Если бы дѣятельность и шансы соціалъ-демократіи зависѣли отъ того, что число имущихъ падаетъ, она могла бы преспокойно пойти спать. Но на дѣлѣ обстоитъ совершенно иначе. Не отъ уменьшенія, а отъ возростанія общественнаго богатства зависятъ надежды и шансы соціализма. Соціализмъ или соціалистическое движеніе новаго вре-

*) Этотъ послѣдній классъ возросъ съ 1890 до 1892 г.г. еще на 2,400, т. е. до 39,266 человѣкъ. Для перваго изъ этихъ классовъ мнѣ не достаетъ абсолютныхъ цифръ за 92 г.: оттого я лишь упомяну, что между 1879 и 1892 г.г. число доходовъ между 800 и 3,300 марками (наилучшее оплачиваемые рабочіе и мелкая буржуазія) возросло въ Саксоніи съ 227,839 на 439,948, т. е. съ 20,94% на 30,48% всѣхъ плательщиковъ. Можно попутно замѣтить, что цифры, относящіяся къ Пруссіи и Саксоніи, взяты частью изъ Handvoerterbuch für Statsvessenschaften», а частью изъ «Руководства» Шенберга.

мени пережило уже нѣкоторые предразсудки; оно переживетъ и тотъ, что его будущность будто бы зависитъ отъ концентраціи собственности или, если угодно, отъ поглощенія прибавочной цѣнности все уменьшающеюся группою капиталистическихъ магнатовъ *). Скопляется ли, въ видѣ монополіи, общественный прибавочный продуктъ въ рукахъ 10 тысячъ лицъ или распредѣляется между полумилліономъ человѣкъ въ нисходящихъ массахъ, для девяти милліоновъ семействъ, которыя остаются отъ такой сдѣлки въ накладѣ, принципіально все равно. Ихъ стремленіе къ болѣе справедливому распредѣленію или къ организиціи, предполагающей болѣе справедливое распредѣленіе, не должно отъ этого стать менѣе необходимымъ и законнымъ. Совершенно напротивъ. Содержаніе одной тысячи привилегированныхъ лицъ въ роскоши стоило бы менѣе прибавочнаго труда, чѣмъ содержаніе полумилліона или больше въ незаслуженной зажиточности.

Если бы общество было такъ построено или такъ развивалось, какъ это до сихъ поръ предполагало соціалистическое ученіе, экономическая катастрофа была бы лишь вопросомъ ближайшаго будущаго. Но это именно, какъ мы видимъ, не такъ. Расчлененіе общества не только не упростилось противъ прежняго, но и это послѣднее скорѣе въ высшей степени дифференцировалось и подраздѣлилось въ смыслѣ какъ высоты доходовъ, такъ и занятій. И если бы мы не имѣли передъ собою эмпирическихъ доказательствъ этого факта въ видѣ подоходной статистики и статистики занятій, мы могли бы доказать его чисто дедуктивнымъ путемъ какъ необходимое слѣдствіе современнаго хозяйства.

Что отличаетъ современный способъ производства больше всего, такъ это сильный подъемъ производительности труда. Результатомъ является не менѣе сильное увеличеніе про-

---

*) При статистикѣ наибольшихъ доходовъ въ соціалистической литературѣ, большею частью, упускается изъ виду, что весьма большой процентъ ихъ выпадаетъ на юридическія лица, т. е. различнаго рода общества (акціонерныя и др.). Такъ, въ Саксоніи въ 1892 г. изъ 11,138 плательщиковъ съ доходомъ выше 9,600 марокъ 5,594 были юридическія лица, и чѣмъ выше, тѣмъ ихъ больше. При доходѣ выше 300 тысячъ марокъ на 23 физическихъ приходится 33 юридическихъ лица.

изводства—массоваго производства потребительныхъ цѣнностей. Куда дѣвается это богатство? Или, сразу приступая къ сути вопроса, куда дѣвается прибавочный продуктъ, который промышленные рабочіе производятъ сверхъ своего собственнаго, ограничиваемаго заработною платою потребленія? Если бы даже „капиталисты-магнаты“ обладали въ десять разъ большими утробами, чѣмъ какія приписываются имъ народнымъ юморомъ, если бы даже они заставляли прислуживать себѣ въ десять разъ больше, чѣмъ на дѣлѣ, ихъ потребленіе по сравненію съ ежегоднымъ національнымъ продуктомъ—а капиталистическое крупное производство, надобно помнить, есть прежде всего массовое производство—было бы все-таки лишь перышкомъ на чашкѣ всовъ. Скажутъ, быть можетъ, что излишекъ они вывозятъ. Хорошо. Но, вѣдь, иностранный покупатель въ концѣ концовъ уплачиваетъ также лишь товарами. Въ міровой торговлѣ металлическія деньги играютъ все меньшую и меньшую роль. Чѣмъ страна богаче капиталами, тѣмъ ея ввозъ товаровъ значительнѣе, такъ какъ страны, которымъ она ссужаетъ деньги, большею частью совершенно не могутъ платить проценты иначе, какъ товарами *). Итакъ, куда же дѣвается масса товаровъ, которой магнаты и ихъ челядь не потребляютъ? Если они тѣмъ или другимъ путемъ не возвращаются назадъ къ пролетаріату, то они должны же застрять въ рукахъ другихъ классовъ. Либо все больше и больше сравнительное уменьшеніе числа капиталистовъ и все возрастающее благосостояніе пролетаріата, либо многочисленный средній классъ, такова единственная альтернатива, которую оставляетъ намъ ростущее увеличеніе производства. Кризисы и непроизводительная трата на армію и пр. поглощаютъ много, но они въ новѣйшее время поѣдаютъ лишь незначительнѣйшую часть общественнаго продукта. Если бы рабочій классъ пожелалъ обождать, пока „капиталъ“ упразднитъ существованіе среднихъ классовъ, онъ бы, дѣйствительно, могъ успѣть отлично выспаться. Капиталъ упразднилъ бы эти классы въ одной формѣ и создалъ бы вновь въ другой. Не

*) Англія получаетъ уплату своихъ заграничныхъ процентовъ въ видѣ прибавочнаго ввоза цѣнностью въ 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Большая часть его приходится на предметы массоваго потребленія.

„капиталъ“, а рабочій классъ самъ имѣетъ миссію истребить паразитическіе элементы хозяйства.

Основываясь на фактѣ, что богатство современныхъ народовъ состоитъ, во все растущей степени, изъ движимыхъ предметовъ потребленія, писатели манчестерской школы радужно расписывали современныя условія жизни. Это въ свое время заставило почти всѣхъ соціалистовъ удариться въ противоположную крайность и разсматривать общественное богатство лишь какъ недвижимое богатство подъ видомъ „капитала“, превратившагося постепенно въ какое-то мистическое существо. Даже лучшія головы теряютъ свой здравый разсудокъ, когда онѣ натыкаются на это представленіе о „капиталѣ“. Марксъ однажды выразился о либеральномъ экономистѣ Ж. Б. Сеѣ, что онъ отваживается рѣшать вопросъ о кризисахъ потому лишь, что знаетъ, что товары—это продуктъ. Нынче люди думаютъ, что они уже все, что можно, сказали объ общественномъ богатствѣ, когда указали на специфическую форму предпринимательскаго капитала.

На мое положеніе въ письмѣ на Штутгартскій партейтагъ, что ростъ общественнаго богатства сопровождается не уменьшающимся числомъ крупныхъ капиталистовъ, а увеличивающимся числомъ капиталистовъ всякаго рода, „New-Yorker Volkszeitung“ возражаетъ въ одной передовицѣ, что это, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касается Америки, не вѣрно, такъ какъ цензъ Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что тамошнее производство регулируется все болѣе и болѣе уменьшающимся, по сравненію съ его размѣрами, числомъ синдикатовъ (Concerns). Удивительное возраженіе! То, что я заявлялъ относительно общаго **классоваго расчлененія**, критикъ думаетъ опровергнуть указаніемъ на расчлененіе **промышленныхъ предпріятій**. Это такъ, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что число пролетаріевъ въ современномъ обществѣ все болѣе и болѣе уменьшается, такъ какъ тамъ, гдѣ раньше былъ отдѣльный работникъ, теперь имѣется **рабочій союзъ**.

Впрочемъ, авторъ статьи сейчасъ же присовокупляетъ, что это сливаніе предпріятій—самое главное, и что образовывается ли въ лицѣ акціонеровъ новый классъ ничего недѣлающихъ, въ сущности, не важно.

Это однако, лишь мнѣніе, а не доводъ противъ подчерк-

нутаго мною факта. Для анализа общества одинъ фактъ такъ же важенъ, какъ и другой. Съ извѣстной точки зрѣнія, онъ можетъ быть наименѣе важный, но здѣсь вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, вѣренъ ли онъ, или нѣтъ. О сліяніи предпріятій, которое, право же, мнѣ было хорошо извѣстно, я самъ говорилъ въ дальнѣйшемъ. Я упоминаю о двухъ фактахъ, а критикъ думаетъ показать ошибочность одного тѣмъ, что объявляетъ важнымъ только другой. Надѣюсь, мнѣ удастся разрушить фантомъ, ослѣпляющій его и другихъ.

Выраженнаго мною упомянутаго мнѣнія коснулся также и Карлъ Каутскій, возражая, что если бы было вѣрно, что капиталисты увеличиваются въ числѣ, а не неимущіе, то капитализмъ укрѣплялся бы и мы, соціалисты, никогда не могли бы надѣяться достичь цѣли. Но положеніе Маркса все еще остается непоколебимымъ, а именно, что ростъ капитала означаетъ также и ростъ пролетаріата.

Это — тоже qui pro quo, но въ другой формѣ и менѣе грубо. Я никогда не говорилъ, что пролетаріи не увеличиваются въ числѣ. Я говорилъ тамъ, гдѣ я подчеркивалъ ростъ капиталистовъ всякаго рода, о людяхъ, а не о предпріятіяхъ. Но каутскій, очевидно, остался при понятіи „капитала“ и выводилъ, что относительный приростъ капиталистовъ долженъ былъ бы означать относительное уменьшеніе пролетаріата,— что противорѣчило бы нашему ученію. И онъ противопоставляетъ мнѣ упомянутое положеніе Маркса.

Я уже приводилъ изъ Маркса мѣсто, которое гласитъ нѣчто иное, чѣмъ то, которое цитируетъ Каутскій. Ошибка Каутскаго заключается въ отожествленіи капитала съ капиталистами или имущими. Но я бы указалъ Каутскому на нѣчто другое, что лишаетъ его возраженіе силы. Это—то развитіе промышленнаго капитала, которое Марксъ называетъ о р г а н и ч е с к и м ъ. Когда составъ капитала измѣняется такимъ образомъ, что постоянный капиталъ увеличивается, а перемѣнный уменьшается, то абсолютный приростъ капитала въ данныхъ предпріятіяхъ означаетъ относительное уменьшеніе пролетаріата. А это, вѣдь, по Марксу, какъ разъ характерная форма современнаго развитія. Перенесенное на совокупное капиталистическое хозяйство, оно значитъ: абсолютный приростъ капитала, относительное уменьшеніе пролетаріата. Рабочіе, ставшіе излишними, благодаря измѣнившемуся органическому

составу капитала, находятъ всякій разъ опять работу лишь въ той мѣрѣ, въ какой на рынокъ появляется **новый** капиталъ для найма ихъ. Именно въ томъ пунктѣ, который Каутскій отмѣчаетъ знакомъ вопроса, мое мнѣніе согласуется съ ученіемъ Маркса. Чтобы число работниковъ увеличилось, необходимо, чтобы капиталъ относительно еще болѣе возросъ,— таково слѣдствіе Марксовой дедукціи. Я надѣюсь, Каутскій согласится съ этимъ безъ дальнихъ разговоровъ.

До сихъ поръ, слѣд., дѣло идетъ лишь о томъ, составляетъ ли умножившійся капиталъ объектъ владѣнія лишь въ качествѣ предпринимательскаго **фонда** или также въ качествѣ предпринимательскаго **пая**.

Если лишь въ качествѣ перваго, то первый случайный слесарь Пазевалкъ, ведущій свое дѣло при помощи шести подмастерьевъ и нѣсколькихъ учениковъ, явился-бы капиталистомъ, а рантье Мюллеръ, имѣющій въ сундукѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, или его зять, инженеръ Шульцъ, получившій въ качествѣ приданаго значительное число акцій (не всѣ акціонеры бездѣльники),—были бы неимущіе. Нелѣпость такой классификаціи очевидна. Имущество есть имущество, все равно, движимое или недвижимое. Акція не только капиталъ, но капиталъ въ своей совершеннѣйшей, — можно сказать, утонченнѣйшей формѣ. Она—свободный отъ грубаго соприкосновенія съ низменными пошлостями промышленныхъ занятій переводъ на долю въ прибавочномъ продуктѣ національнаго или міроваго хозяйства,—если угодно, динамическій капиталъ. И если бы ростущія массы акціонеровъ — можно нынче сказать, батальоны акціонеровъ — жили всѣ, вмѣстѣ и порознь взятые, лишь въ качествѣ ничего не дѣлающихъ рантье, то они уже самымъ своимъ существованіемъ, способомъ своего потребленія и числомъ своей соціальной челяди составляли бы силу съ большимъ вліяніемъ на хозяйственную жизнь общества. Акція вновь возстановляетъ въ соціальной лѣстницѣ тѣ промежуточныя ступени, которыя въ роли шефовъ производства были выброшены изъ промышленности концентраціей предпріятій.

Однако и съ этой концентраціей обстоитъ совершенно своеобразно. Разсмотримъ ее поближе.

в) Классификація предпріятій въ производствѣ и распространеніе общественнаго богатства.

Для той европейской страны, которая слыветъ за самую передовую въ развитіи капитализма, для Англіи, недостаетъ общей статистики категорій промышленныхъ предпріятій. Она существуетъ лишь для опредѣленныхъ, подвѣдомственныхъ фабричному закону отраслей производства, равно какъ и для отдѣльныхъ мѣстностей.

Что касается до фабрикъ и мастерскихъ, подвѣдомственныхъ фабричному закону, то по отчету фабричныхъ инспекторовъ за 1896 г. въ нихъ занято было 4,398,983 человѣка. Это не составляетъ еще и половины числа лицъ, которыя въ переписи 1891 г. значатся, какъ занятыя въ промышленности. Число ихъ по переписи, не считая транспортныхъ промысловъ, равняется—9,025,902? Изъ остающихся 4,626,919 человѣкъ можно отъ одной четверти до одной трети отчислить на долю занимающихся коммерческой стороной данныхъ отраслей производства и нѣкоторыхъ среднихъ и крупныхъ промышленныхъ заведеній, не подлежащихъ фабричному закону. Остаются въ круглыхъ цифрахъ т р и м и л л і о н а служащихъ и мелкихъ хозяевъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Четыре милліона подлежащихъ фабричному закону рабочихъ распредѣляются между 160,948 фабриками и мастерскими, что даетъ въ среднемъ 27—28 работниковъ на каждую*). Если отдѣлить эти фабрики и мастерскія другъ отъ друга, то получится 76,279 фабрикъ съ 3,743,418 и 81,669 мастерскихъ съ 655,565 работниками, — въ среднемъ 49 работниковъ на фабрику и 8 работниковъ на регистрованную мастерскую. Уже среднее число въ 49 работниковъ на фабрику показываетъ то, что подтверждается ближайшимъ анализомъ таблицъ отчета, — а именно, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети заведеній, занесенныхъ въ реестры какъ фабрики, принадлежатъ къ категоріи среднихъ

*) Отъ 1,931 зарегистрованныхъ фабрикъ и 5,624 мастерскихъ данныя, при заключеніи отчета, еще не поступили. Они еще больше уменьшили бы среднее число рабочихъ на препріятіе.

предпріятій въ 6—50 работниковъ, такъ что остается самое большое отъ 21 до 25 тысячъ заведеній съ 50 работниками выше, которыя вмѣстѣ представляютъ около трехъ милліоновъ рабочихъ. Изъ 1,171,990 человѣкъ, занятыхъ въ транспортныхъ промыслахъ, можно въ лучшемъ случаѣ три-четверти разсматривать, какъ принадлежащія къ крупнымъ предпріятіямъ. Причисляя ихъ къ предыдущимъ категоріямъ, мы имѣемъ въ общемъ, въ качествѣ рабочаго и вспомогательнаго персонала крупныхъ предпріятій, $3^1/_2$—4 милліона лицъ противъ $5^1/_2$ милліоновъ, занятыхъ въ среднихъ и мелкихъ. „Мастерская міра“ согласно этому далеко еще не поглощена, какъ думаютъ, крупной промышленностью. Промышленныя предпріятія скорѣе обнаруживаютъ и въ британской имперіи величайшее разнообразіе и никакая категорія ихъ не исчезаетъ изъ скалы*).

---

*) Переселившіеся въ Англію нѣмецкіе рабочіе не разъ выражали мнѣ свое удивленіе по поводу раздробленія производствъ, которое они нашли въ столярной, металлургпческой и др. промышленностяхъ этой страны. Нынѣшнія цифры хлопчато-бумажной промышленности обнаруживаютъ лишь весьма умѣренное увеличеніе концентраціи съ того времени, какъ писалъ К. Марксъ. Привожу сравненіе съ послѣдними цифрами, данными Марксомъ:

	Марксъ 1868.	Статистика 90 г.	Приростъ или уменьш.
Фабрики	2,549	2,538	— 0,43%
Ткацкіе станки	379,329	615,714	+62,00 „
Веретена	32,000,014	44,504,819	+39,00 „
Работники	401,064	528,795	+32,00 „
Работники на фабр.	154	208	+33,00 „

Это вовсе не такой страшно высокій приростъ для индустріи, столь подверженной техническимъ переворотамъ за періодъ въ 22 года. Конечно, число ткацкихъ станковъ увеличилось на 65%, но число веретенъ возросло лишь немного быстрѣе, нежели число рабочихъ Изъ послѣднихъ, начиная съ 1870 г., взрослые работники обнаруживаютъ большій приростъ, нежели женщины и дѣти. (Сравни „Капиталъ“, т. I, стр. 400) и „Statistical Abstract for the United Kingdom“ from 1878 to 1892). Въ другихъ отрасляхъ ткацко-прядильной промышленности концентраціи было еще меньше. Такъ, съ 1870 до 1890 гг. число шерсто-прядильныхъ фабрикъ возросло съ 2,459 на 2,546, а занятыхъ въ нихъ рабочихъ съ 234,687 на 207,053, т. е. съ 95 на 117 рабочихъ на фабрику. Здѣсь, въ противоположность хлопчато-бумажной промыш-

Сравнивая съ найденными нами цифрами германскую промысловую статистику за 1895 г., мы находимъ, что послѣдняя въ общемъ показываетъ то же, что и англійская. Крупная промышленность заняла въ 1895 г. въ производствѣ Германіи относительно такое же положеніе, какъ и въ Англіи въ 1891 г. Въ Пруссіи въ 1895 г. принадлежало уже 38% промышленныхъ рабочихъ къ крупной индустріи. Тамъ и въ остальной Германіи развитіе въ сторону крупной промышленности совершалось съ необычной быстротою. Если нѣкоторыя отрасли промышленности (между прочимъ, ткацкая) все еще отстаютъ отъ англійскихъ, то другія въ общемъ уже сравнялись съ ними (машины и орудія), а иныя (химическая индустрія, стекляная, нѣкоторыя вѣтви типографской и, вѣроятно, и электро-техническая) даже превзошли. Все же большая масса промышленно-занятыхъ рабочихъ принадлежитъ и въ Германіи къ мелкимъ и среднимъ производствамъ. Изъ 10¼ милліоновъ человѣкъ, занятыхъ въ промышленности, приходилось въ 1895 г. нѣсколько выше 3 милліоновъ на крупныя предпріятія, 2½ милліона на среднія (отъ 6 до 50 человѣкъ) и 4¾ милліона — на мелкія. Хозяевъ-ремесленниковъ считалось еще 1¼ милліона. Въ пяти промыслахъ число ихъ къ 1895 г. увеличилось абсолютно и относительно (къ приросту населенія), въ девяти — лишь абсолютно, а въ 11 — уменьшилось и абсолютно и относительно*).

Во Франціи промышленность все еще уступаетъ сельскому хозяйству по своимъ количественнымъ размѣрамъ: по цензу 17-го апрѣля 1894 г. она представляла лишь 25,9% населеніе, а сельское хозяйство—почти вдвое, а именно 47,3%. Подобное же отношеніе господствуетъ и въ Австріи, гдѣ на

ленности, число веретенъ возрастаетъ гораздо скорѣе, нежели число станковъ, обнаруживащее приростъ съ 112,794 на 129,222, который отстаетъ отъ прироста занятыхъ въ нихъ рабочихъ такъ что можно лишь говорить о концентраціи пряденія.

Отчетъ фабричныхъ инспекторовъ за 1896 г. даетъ число фабрикъ во всей ткацко-прядильной промышленности Великобританіи въ 9,891, которыя принадложатъ 7,900 предпріятіямъ и содержатъ 1,077,687 раб. рукъ противъ 5,968 фабрикъ въ 1870 г. съ 718,051 рабочими — увеличеніе съ 120,3 рабочихъ на 136,4 на предпріятіе.

*) Ср. Р. Кальверъ, «Die Entwicklung des Handwerks», «Neue Zeit», XV, 2, стр. 197.

долю сельскаго хозяйства приходится 55,9%, а на промышленность—25,8% населенія. Во Франціи приходится въ индустріи на одинъ милліонъ самостоятельныхъ 3,3 милліона служащихъ, а въ Австріи—на 600 тысячъ самостоятельныхъ—2¼ милліона работниковъ и поденщиковъ. И здѣсь отношеніе приблизительно одно и то же. Обѣ страны имѣютъ рядъ высоко развитыхъ промышленностей (прядильно-ткацкая, горная, литейная и пр.), которыя по величинѣ предпріятій могутъ сравниться съ самыми передовыми странами, но которыя въ національномъ хозяйствѣ составляютъ лишь частичныя явленія.

Въ Швейцаріи на 127,000 самостоятельныхъ приходится 400 тысячъ рабочихъ. Соединенные Штаты Америки, о которыхъ упомянутый сотрудникъ „New-Yorker Volkszeitung" говоритъ, что они—наиболѣе капиталистически-развитая страна въ мірѣ, имѣли, правда, по цензу 90 г. въ промышленности сравнительно высокое среднее число рабочихъ на предпріятіе, а именно, 3½ милліона рабочихъ на 355,415 промышленныхъ предпріятій, т. е. въ отношеніи 10 къ 1. Но и здѣсь, какъ въ Англіи, недостаетъ домашней и мелкой индустріи. Если взять цифры прусской промышленной статистики, начиная съ высшихъ, то получится почти такая же средняя цифра, какъ и по американскому цензу. И если ближе разсмотрѣть въ „Statistical Abstract" Соединенныхъ Штатовъ списокъ занесенныхъ въ цензъ предпріятій, то можно натолкнуться на безконечное число отраслей промышленности съ пятью и меньше работниками въ среднемъ на предпріятіе. Такъ, сейчасъ же на первой страницѣ, вслѣдъ за 910 фабриками сельскохозяйственныхъ орудій съ 30,723 работниками, 35-ю фабриками аммуниціи съ 1,993 работниками и 251 фабрикою искусственныхъ перьевъ и цвѣтовъ съ 3,638 слѣдуютъ 59 фабрикъ искусственныхъ членовъ съ 154 и 581 парусинная и брезентная фабрика съ 2,873 работниками.

Если непрерывный ростъ техники и централизація предпріятій во все увеличивающемся числѣ отраслей промышленности есть фактъ, который даже закоренѣлые реакціонеры едва ли могутъ въ настоящее время замолчать, то не менѣе констатированный фактъ и то, что въ цѣломъ ряду отраслей производства мелкія и среднія предпріятія вполнѣ обнаруживаютъ жизнеспособность рядомъ съ крупными. Да въ индустріи вообще развитіе не совершается по одному общему для всѣхъ про-

мысловъ шаблону. Совершенно рутинныя предпріятія остаются при мелкихъ и среднихъ размѣрахъ, въ то время какъ отрасли искусныхъ промысловъ, которые всѣми осуждались на мелкое производство, въ одинъ прекрасный день безвозвратно переходятъ въ крупную промышленность. Подобнымъ же образомъ обстоитъ и съ домашней и посреднической индустріей. Въ Цюрихскомъ кантонѣ домашнее производство въ шелко-прядильной промышленности шло долгое время назадъ; но съ 1891 г. до 1897 г. число прядильщиковъ на дому возросло съ 24,708 на 27,800, въ то время какъ число рабочихъ и служащихъ въ механическихъ шелко-прядильняхъ увеличилось лишь съ 11,840 на 14,550. Надобно ли это возростаніе числа прядильщиковъ на дому привѣтствовать, какъ экономически-отрадное явленіе, это вопросъ другой; здѣсь же дѣло идетъ лишь, прежде всего, о констатированіи факта, и больше ни о чемъ.

Для существованія и возобновленія мелкихъ и среднихъ предпріятій существуетъ рядъ опредѣляющихъ факторовъ, которые могутъ быть распредѣлены по тремъ группамъ.

Прежде всего, нѣкоторые промыслы или отрасли производства допускаютъ эксплуатацію мелкими и средними предпріятіями почти такъ же хорошо, какъ и крупными, и преимущества, которыя послѣднія имѣютъ передъ первыми, не столь значительны, чтобы не могли быть перевѣшены преимуществами, присущими болѣе мелкимъ. Это, какъ извѣстно, справедливо, между прочимъ, по отношенію къ различнымъ отраслямъ столярной, кожевенной и металлургической промышленности. Или же происходитъ такого рода раздѣленіе труда, при которомъ крупная индустрія выпускаетъ на рынокъ половину или три четверти издѣлій, которыя, на самомъ дѣлѣ, были изготовлены въ мелкихъ предпріятіяхъ.

Во-вторыхъ, во многихъ случаяхъ къ выгодѣ производства въ мелкихъ предпріятіяхъ служитъ способъ, какимъ продуктъ доставляется потребителю, какъ это отчетливѣе всего выступаетъ въ хлѣбо-пекарномъ дѣлѣ. Если бы вопросъ шелъ лишь о техникѣ, то хлѣбопекарное дѣло давно бы уже монополизировано было крупной промышленностью, такъ какъ многочисленныя и весьма прибыльныя хлѣбныя фабрики показываютъ, что оно отлично можетъ вестись ею. Но помимо или рядомъ съ ними и фабриками печеній и бисквитовъ, которыя также постепенно завоевываютъ себѣ рынокъ, утверждается также и

мелкое и среднее хлѣбопекарное дѣло, благодаря преимуществамъ, которыя даетъ непосредственное сношеніе съ потребителемъ. Поскольку булочникамъ-хозяевамъ приходится считаться лишь съ капиталистическимъ предпринимательствомъ, они еще довольно долго могутъ быть увѣрены въ цѣлости своей шкуры. Ихъ приростъ съ 1882 г., правда, не удержался на одномъ уровнѣ съ приростомъ населенія, но онъ все еще заслуживаетъ упоминанія (съ 74,283 на 77,609).

Но хлѣбопекарное дѣло представляетъ лишь крайній примѣръ. То же самое справедливо для цѣлаго ряда промысловъ, гдѣ производительный трудъ переплетается съ личными услугами, какъ напр., въ кузнечномъ и бондарномъ ремеслахъ. Американскій цензъ упоминаетъ 28 тысячъ кузнечныхъ и бондарныхъ заведеній съ 50,867 людьми, изъ коихъ половина—самостоятельныя; нѣмецкая статистика констатируетъ 62,722 кузнецовъ различныхъ категорій, и можно съ увѣренностью сказать, что пройдетъ не мало времени прежде, чѣмъ паровыя и другія автомобили придушатъ ихъ, . . . чтобъ вдунуть жизнь новымъ мелкимъ мастерскимъ, какъ это сдѣлалъ велосипедъ. Точно такъ же обстоитъ и въ портняжномъ дѣлѣ, въ сапожномъ, шорномъ, столярномъ, обойномъ, часовомъ и пр., гдѣ работа на заказъ (и въ розничной степени починки) и мелкая торговля поддерживаютъ самостоятельныя существованія, изъ коихъ, конечно, многія, но далеко не всѣ, представляютъ лишь пролетарскій доходъ.

Наконецъ, сама крупная промышленность порождаетъ мелкую и среднюю частью черезъ массовое производство и соотвѣтствующее удешевленіе рабочихъ матеріаловъ (полуфабрикаты, полуиздѣлія и пр.), и частью черезъ отталкиваніе капитала, съ одной сторомы, и „освобожденіе“ рабочихъ рукъ—съ другой Новые капиталы, большіе и малые, постоянно появляются на рынокъ, ища прибыли, и его способность поглощать новые предметы потребленія ростетъ съ богатствомъ общества. Въ этомъ дѣлѣ вышеупомянутые акціонеры играютъ не малую роль. Отъ горсти милліонеровъ рынокъ не могъ бы, въ сущности, прожить. Но сотни тысячъ богатыхъ и состоятельныхъ что-нибудь значатъ. И вотъ, почти всѣ предметы роскоши этихъ слоевъ изготовляются въ началѣ, а весьма многіе и впослѣдствіи, въ мелкихъ и среднихъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыя, впрочемъ, могутъ также быть настоящими капитали-

стическими предпріятіями сообразно съ употребляемыми ими дорогими матеріалами и машинами (ювелирное производство, обработка драгоцѣнныхъ металловъ, художественно-печатное дѣло). Лишь впослѣдствіи крупная промышленность, поскольку она не перенимаетъ данныхъ предметовъ сама, начинаетъ заботиться черезъ удешевленіе матеріаловъ труда о „демократизаціи“ тѣхъ или другихъ предметовъ роскоши.

Въ общемъ, такимъ образомъ, вопреки непрерывнымъ измѣненіямъ въ группировкѣ индустрій и во внутреннемъ строѣ предпріятій, дѣло имѣетъ не такой видъ, что крупная промышленность постоянно поглощаетъ мелкія и среднія предпріятія, но такой, что она возникаетъ исключительно на ряду съ ними. Лишь самыя мелкія предпріятія идутъ и абсолютно, и относительно назадъ. Что же до мелкихъ и среднихъ, то и они возростаютъ, какъ это видно для Германіи изъ слѣдующихъ данныхъ. Число рабочихъ было

		1882.	1895.	Прир.
въ мелкихъ предпріят.	(1— 5 чел.)	2,457,950	3,056,318	24,3%
въ небольш., средн. »	(6—10 »)	500,097	833,409	66,6 »
въ болѣе круп. »	(11—50 »)	891,623	1,620,848	81,8 »

Населеніе же за это время возросло лишь на 13,5%.

Если такимъ образомъ, за этотъ періодъ времени крупное производство увеличило свою армію еще сильнѣе—на 88,7%, то это было лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ равнозначаще съ поглощеніемъ мелкихъ предпріятій. Фактически, во многихъ случаяхъ нѣтъ или прекратилась конкуренція между крупнымъ и мелкимъ производствомъ (достаточно вспомнить о большихъ машинныхъ заводахъ или заводахъ для постройки мостовъ). Примѣръ ткацко-прядильной промышленности, который такъ часто приводится въ нашей литературѣ, во многихъ отношеніяхъ обманчивъ. Повышеніе производительности, которое механическій ткацкій станокъ представлялъ по отношенію къ старому веретену, повторялось лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Весьма много крупныхъ предпріятій оказываются сильнѣе мелкихъ или среднихъ не благодаря производительности труда, а исключительно благодаря величинѣ предпріятія (судостроительныя верфи) и оставляютъ область дѣятельности ихъ въ значительной степени или совершенно не затронутою. Тотъ, кто слышитъ, что въ Пруссіи въ 1895 г. число рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, почти что удвоилось по

сравненію съ числомъ 1882 года, что послѣднее составляло 28,4%, а первое 38,0% всего занятаго въ промышленности рабочаго класса, тотъ легко можетъ вообразить себѣ, что мелкое производство въ скоромъ времени на самомъ дѣлѣ станетъ дѣломъ прошедшаго и его роль въ хозяйствѣ окончится. Приведенныя цифры показываютъ, что необыкновенное расширеніе и распространеніе крупной промышленности представляетъ лишь одну сторону экономическаго развитія

Какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ. Не смотря на появленіе крупныхъ товарныхъ складовъ, среднія и мелкія торговыя заведенія все еще держатся. Здѣсь, конечно, дѣло не идетъ о томъ, чтобъ оспаривать паразитическій элементъ въ торговлѣ—такъ называемую посредническую торговлю. Все же надобно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи существуетъ много преувеличеній. Крупное производство и постоянно увеличивающіяся міровыя сношенія бросаютъ на рынокъ все большія массы потребительныхъ цѣнностей, которыя тѣмъ или инымъ путемъ приходится доставлять потребителямъ. Что этого можно достичь при меньшей затратѣ труда и средствъ, чѣмъ это происходитъ при современной посреднической торговлѣ, — кто же станетъ отрицать? Но пода это не такъ, послѣдняя все-таки будетъ существовать. И подобно тому, какъ фантастично ожидать, чтобы крупная индустрія могла въ болѣе или менѣе короткое время поглотить мелкую и среднюю за ничтожными сравнительно исключеніями, такъ и утопично думать, что капиталистическіе склады вытѣснятъ въ болѣе или менѣе значительной степени среднія и мелкія лавки. Они вредятъ отдѣльнымъ предпріятіямъ и иной разъ приводятъ въ замѣшательство всю мелкую торговлю. Но спустя нѣкоторое время послѣдняя все же находитъ способъ конкуррировать съ крупною и использовать всѣ преимущества, какія доставляются ей мѣстными связями и условіями. Образуются новыя спеціализаціи и комбинаціи предпріятій и создаются новые методы и формы веденія дѣлъ. Капиталистическій товарный способъ является покамѣстъ гораздо скорѣе продуктомъ большого прироста товарнаго богатства, нежели орудіемъ уничтоженія паразитической мелкой торговли, и повелъ больше къ тому, чтобы вывести ее изъ рутинной спячки и отучить отъ извѣстныхъ монополистическихъ замашекъ нежели къ тому, чтобъ ее совсѣмъ задавить. Число магазиновъ по-

стоянно ростетъ: въ Англіи между 1875 и 1886 гг. оно возросло съ 295,000 на 366,000. Еще больше увеличилось число занятыхъ въ торговлѣ лицъ. Такъ какъ англійская статистика 91 г. въ этомъ отношеніи составлена по инымъ принципамъ, нежели статистика 81 г.*), то я приведу цифры прусской статистики.

Въ Пруссіи средства сообщенія и торговля (кромѣ желѣзныхъ дорогъ и почты) давали занятія лицамъ:

	1885	1895	Прир.
Въ предпр. съ двумя и менѣе служ.	411,509	467,656	13,6%
" " " 3—5 "	176,867	342,112	93,4 "
" " " 6—50 "	157,328	303,078	92,6 "
" " " 51— и больше "	25,619	62,056	142,2 "
	771,323	1,174,902	

Приростъ въ крупныхъ предпріятіяхъ относительно самый большой, но они представляютъ лишь 5 съ лишнимъ % всего числа. Не крупныя создаютъ для мелкихъ убійственную конкурренцію: послѣднія сами заботятся объ этомъ по мѣрѣ возможности. Но труповъ остается сравнительно мало. И распредѣленіе предпріятій по разнымъ категоріямъ въ общемъ сохраняется. Небольшія среднія предпріятія обнаруживаютъ наибольшій приростъ.

Приступая, наконецъ, къ сельскому хозяйству, мы натыкаемся, что касается размѣровъ хозяйствъ, на движеніе, распространенное по всей Европѣ, а отчасти и въ Америкѣ, которое, повидимому, противорѣчитъ всему, что до сихъ поръ предполагала соціалистическая теорія. Промышленность и торговля обнаружили лишь болѣе медленное движеніе въ сторону крупнаго производства, нежели предполагалось, но сельское хозяйство обнаруживаетъ либо неподвижность, либо прямо уменьшеніе въ размѣрахъ предпріятій.

Что касается, прежде всего, Германіи, то цифры 1895 г. обнаруживаютъ по сравненію съ 1882 г. наибольшій относительный приростъ въ группѣ крестьянскихъ среднихъ хозяйствъ (5 до 20 гектаровъ), а именно, почти на 8%, а еще большій приростъ—въ занимаемой ими пло-

*) На сколько можно судить, она показываетъ приростъ больше, чѣмъ въ 50%, за послѣднее десятилѣтіе.

щади, а именно въ 9% приблизительно. Непосредственно слѣдующія за ними мелко крестьянскія хозяйства (2—5 гектаровъ) обнаруживаютъ слѣдующій наибольшій приростъ: 3,5% прироста въ хозяйствахъ и 8% въ площади. Карликовыя хозяйства (ниже двухъ гектаровъ) показываютъ приростъ въ 5,8%, а занимаемая ими площадь—въ 12%; но доля этой площади, эксплуатируемая въ сельско-хозяйственныхъ видахъ, показываетъ уменьшеніе почти въ 1%. Приростъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1%, который къ тому еще падаетъ всецѣло на лѣсоводство, обнаруживаютъ ставшія уже отчасти капиталистическими крупно-крестьянскія хозяйства (20—100 гектаровъ), и приростъ едва въ 1/3%—крупныя хозяйства (выше 100 гектаровъ), о которыхъ справедливо то же самое.

Вотъ соотвѣтствующія цифры за 1895 г.

Характеръ хозяйства.	Число хозяйствъ.	Сельско-хозяйств. площ.	Вся площадь.
Карлик. хозяйства (до 2 гект.)	3,236,367	1,808,444	2,415,414
Мелко-крестьянск. (2—5 гект.)	1,016,318	3,285,984	4,142,071
Средне-крестьян. (5—20 гект.)	998,804	9,721,875	12,537,660
Крупно-крестьян. (20--100 гект.)	281,767	9,869,837	13,157,201
Крупныя хозяйства (100 гект. и выше)	25,061	7,831,801	11,031,896

Больше двухъ третей всей площади падаетъ на три категоріи крестьянскихъ хозяйствъ и едва одна четверть—на крупныя. Въ Пруссіи отношеніе крестьянскихъ хозяйствъ еще благопріятнѣе: они занимаютъ почти три четверти всей сельско-хозяйственной площади—22,875,000 гектаровъ изъ 32,591,000.

Обращаясь отъ Пруссіи къ сосѣдней Голландіи, мы находимъ:

Величина хозяйствъ.	Хозяйства 1884 г.	1893 г.	Приростъ или уменьшеніе.	
1— 5 гект.	66,842	77,767	+ 10,925	+ 16,2%
5—10 »	31,552	94,199	+ 62,647	+ 198,5 »
10—70 »	48,278	51,940	+ 3,662	+ 7,6 »
выше 50 »	3,554	3,510	— 44	— 1,2 »

Здѣсь число крупныхъ хозяйствъ уменьшилось, а число мелко-крестьянскихъ среднихъ хозяйствъ утроилось *).

Въ Бельгіи, согласно Вандервельду **), и поземельное владѣніе и хозяйство подвергаются непрерывной децентрализаціи. Послѣдняя всеобщая статистика показываетъ приростъ въ числѣ землевладѣльцевъ съ 201,226 въ 1846 г. на 293,524 въ 1880, а приростъ арендаторовъ съ 371,320 на 616,872. Вся сельскохозяйственная площадь Бельгіи равнялась въ 1880 г. почти 2 милліонамъ гектаровъ, изъ коихъ треть эксплуатировалась собственниками. Парцелярное хозяйство тамъ напоминаетъ уже китайскія условія.

Франція въ 1882 г. имѣла хозяйства:

	Число.	Площадь.
Ниже 1 гектара	2,167,767	1,083,833 гект.
1—10 »	2,635,030	11,366,274 »
10—40 »	727,088	14,845,650 »
40—100 »	113,285	22,266,104 »
100—200 »	20,644	
200—500 »	7,942	
выше 500 »	217	
	5,672,003	48,478,028 гект.

На хозяйства между 40 и 100 гектарами приходилось въ круглыхъ цифрахъ 14 милліоновъ, на хозяйства выше 200 гектаровъ—въ круглыхъ цафрахъ 8 милліоновъ, такъ что въ цѣломъ крупное хозяйство занимало отъ одной пятой до одной шестой сельско-хозяйственной площади. Мелкое, среднее и крупно-крестьянское хозяйство занимаетъ почти три четверти французской территоріи. Съ 1862 г до 1882 г. хозяйства съ 5—10 гектарами умножились на 24%, а хозяйства съ 10—40 гектарами—на 14,28%. Аграрная статистика 1892 г. обнаруживаетъ приростъ общаго числа хозяйствъ въ 30,000, но уменьшеніе послѣднихъ изъ приведенныхъ категорій въ 33,000, что указываетъ на дальнѣйшее раздробленіе хозяйствъ.

Но какъ обстоитъ съ Англіей, классической страною

*) Ср. В. Г. Флегенъ, «Das Agrarprogramm der niederländischen Sozial-demokratie». «Neue Zeit», XVII, 1, стр. 75 и слѣд.

**) «Der Agrarsozialismus in Belgien», «Neue Zeit», XV, 1, стр. 752.

крупнаго землевладѣнія и капиталистическаго земледѣлія? Всѣмъ знакомы списки гигантскихъ лэндлордовъ, которые время отъ времени появляются въ печати для нагляднаго доказательства концентраціи поземельной собственности въ Англіи, и извѣстно мѣсто въ „Капиталѣ“, гдѣ Марксъ говоритъ, что утвержденіе Джона Брайта, будто 150 собственниковъ владѣютъ половиною британской и 12—половиною шотландской территоріи, не провергнуто. Тѣмъ не менѣе, какъ монополистически ни централизована земля въ Англіи, эта централизація все-таки не достигла еще той степени, о какой упоминаетъ Джонъ Брайтъ. По Бродрику („English Land and English Landlors“), изъ 33 милліоновъ акровъ занесенной въ Doomsday Book (кадастровую книгу) земли въ Англіи и Валисѣ приблизительно 14 милліоновъ составляли въ 1876 г. собственность 1,704 землевладѣльцевъ съ 3,000 акрами и выше на каждаго. Остальные 19 мил. акровъ распредѣлялись между 150 тысячами собственниковъ съ однимъ акромъ и выше и несмѣтнымъ числомъ собственниковъ маленькихъ земельныхъ участковъ. Мельголль даетъ въ 1892 г. для всего Соединеннаго Королевства число собственниковъ больше, чѣмъ въ десять акровъ (вмѣстѣ $^{10}/_{11}$ всей площади), въ 176,520. Какъ же обрабатывается эта земля? Вотъ цифры за 1885 и 1895 г.г. для Великобританіи (Англіи, Валиса и Шотландіи, но безъ Ирландіи *):

Хозяйства.	1885	1895	Приростъ или уменьш.
5— 50 акровъ	232,955	235,481	+ 2526
50—100 »	64,715	66,625	+ 1910
100—300 »	79,573	81,245	+ 1672
300—500 »	13,875	13,568	— 307
выше 500 »	5,486	5,219	— 270

И здѣсь, стало быть, уменьшеніе большихъ и весьма большихъ и приростъ мелкихъ и средне-крестьянскихъ хозяйствъ.

Число хозяйствъ не говоритъ еще однако ничего относительно обрабатываемой площади. Дополнимъ ихъ поэтому цифрами касательно площади, падающихъ на различныя категоріи хозяйствъ. Въ 1895 г. въ Великобританіи приходилось:

---

*) Цифры взяты изъ синей книги объ «Agricultural Holdings».

						Акровъ.	% всей площ.
На хозяйства	ниже		5 акровъ *)			366,792	1,13
»	»	въ	5—	20	»	1,667,647	5,12
»	»	»	20—	50	»	2,864,976	8,79
»	»	»	50—	100	»	4,885,203	15,00
»	»	»	100—	300	»	13,875,914	42,59
»	»	»	300—	500	»	5,113,945	15,70
»	»	»	500—	1000	»	3,001,184	9,21
»	»	»	выше	1000	»	801,852	2,46
						32,577,643	100,00

Согласно этому, отъ 27 до 28% сельско-хозяйственной площади Великобританіи приходится на собственно крупныя хозяйства и лишь 2,46%—на гигантскія За то больше 66% выпадаетъ на средне и крупно-крестьянскія хозяйства. Положеніе крестьянскаго хозяйства въ Великобританіи (гдѣ, впрочемъ, перевѣшиваетъ ставшее уже капиталистическимъ крупное крестьянское хозяйство) еще лучше, нежели въ среднемъ въ Германіи. Даже въ Англіи собственно хозяйства между 120 акрами и 300 составляютъ 64% обрабатываемой площади, и лишь 13% площади приходится на хозяйства выше 500 акровъ. Въ Валисѣ же, оставляя карликовыя хозяйства совершенно въ сторонѣ, 92% хозяйствъ, а въ Шотландіи—72% составляютъ крестьянскія хозяйства между 5 и 300 акрами.

Изъ обрабатывавшейся площади 61,014 хозяйствъ съ 4—6 мил. акровъ велись самими собственниками, 19,607 работали частью на собственной, частью на заарендованной землѣ и 439,405 — исключительно на заарендованной. Что въ **Ирландіи** преобладаетъ мелкое крестьянство, и именно, мелкая аренда, общеизвѣстно. То же справедливо и относительно **Италіи**.

Послѣ всего этого врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что во всей Западной Европѣ, какъ, впрочемъ, и въ восточныхъ штатахъ Американскаго Союза, мелкія и среднія хозяйства въ земледѣліи ростутъ повсюду, а крупныя и очень крупныя уменьшаются. Что среднія хозяйства носятъ часто вполнѣ капиталистическій характеръ, неоспоримо. Концентрація хозяйствъ совершается не въ формѣ увеличенія площади одного хозяйства

*) Сюда причисляются еще 579,133 участка ниже одного акра.

на счетъ другихъ, какъ это видѣлъ передъ собою Марксъ (ср. „Капиталъ“, 1, 643, пр.), а исключительно въ формѣ интенсификаціи хозяйства, перехода къ культурѣ, требующей больше работы на данную единицу площади, или къ квалифицированному скотоводству. Что это въ высокой степени (не исключительно) есть результатъ сельско-хозяйственной конкурренціи трансатлантическихъ и восточно-европейскихъ земледѣльческихъ государствъ и территорій, извѣстно всякому. Точно такъ же извѣстно, что онѣ еще долгое время въ силахъ будутъ доставлять на европейскій рынокъ хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты по такимъ же дешевымъ цѣнамъ, такъ что какого-нибудь существеннаго перемѣщенія факторовъ съ этой стороны ожидать нельзя. Пускай, слѣд., таблицы подоходной статистики передовыхъ промышленныхъ странъ указываютъ отчасти на подвижность, а потому и непостоянство и необезпеченность капитала въ современной хозяйственной жизни; пускай обозначенные въ нихъ доходы и имущества являются во все растущей степени бумажными величинами, которыя, въ сущности, могутъ улетучиться при первомъ крѣпкомъ дуновеніи вѣтра. Всѣ же эти ряды доходовъ нисколько не противорѣчатъ указанному распредѣленію хозяйственныхъ единицъ въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Скала доходовъ и скала предпріятій обнаруживаютъ въ своихъ подраздѣленіяхъ довольно примѣтный параллелизмъ,—въ особенности, въ среднихъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобъ они уменьшались, а напротивъ, мы видимъ скорѣе, что они значительно распространяются. То, что у нихъ *убываетъ* сверху, они пополняютъ снизу, и то, что перемѣщается *изъ ихъ* рядовъ внизъ возмѣщается приростомъ сверху. Если *крушеніе* современнаго общества зависитъ отъ исчезновенія *среднихъ членовъ* между вершиною и основаніемъ соціальной *пирамиды, если оно* обусловлено поглощеніемъ этихъ среднихъ членовъ крайними, стоящими надъ и подъ ними, то въ Англіи, Германіи и Франціи оно въ настоящее время такъ же мало близко къ своему осуществленію, какъ въ любую другую эпоху XIX вѣка.

Но зданіе можетъ казаться съ виду совершенно крѣпкимъ и все же, на дѣлѣ, быть близкимъ къ паденію, когда сами камни или значительные ряды ихъ вывѣтрились. Солидность торговаго дома испытывается въ критическіе моменты, и намъ остается поэтому разсмотрѣть, какъ обстоитъ съ экономи-

ческими кризисами, свойственными современному производственному строю и какихъ измѣненій и вліяній надлежитъ отъ нихъ ждать въ ближайшемъ будущемъ.

г) Кризисы и приспособляемость современнаго хозяйства.

«Исполненное противорѣчія движеніе капиталистическаго общества даетъ себя особенно осязательно чувствовать практическому буржуа въ превратностяхъ періодическаго цикла, проходимаго новѣйшей индустріей — превратностяхъ, которыя достигаютъ своей высшей точки во всеобщемъ кризисѣ».

Марксъ, предисловіе ко второму изданію «Капитала».

Относительно хозяйственныхъ кризисовъ современнаго общественнаго организма, ихъ причинъ и лѣченія едва ли спорили меньше, чѣмъ относительно патологическихъ кризисовъ, т. е. болѣзненныхъ состояній человѣческаго тѣла. кто имѣетъ охоту къ сравненіямъ, тотъ легко можетъ найти аналогіи для параллелей между различными теоріями, выдвигавшимися для объясненія обоихъ явленій. Онъ увидитъ, напр., въ приверженцахъ примыкающаго къ Ж. Б. Сею крайняго экономическаго либерализма, разсматривающаго хозяйственные кризисы исключительно какъ процессъ самоизлѣченія хозяйственнаго организма, ближайшихъ духовныхъ родичей адептовъ методы, такъ называемаго, натуральнаго лѣченія, и сопоставитъ различныя теоріи, которыя при людскихъ болѣзняхъ заранѣе опредѣляютъ врачебную дѣятельность согласно опредѣленнымъ точкамъ зрѣнія (симптоматическій курсъ лѣченія, конституціонное лѣченіе и т. п.), съ различными соціальными теоріями, которыя считаютъ желаннымъ всякое государственное вмѣшательство въ причины и проявленія хозяйственныхъ кризисовъ. Если же онъ затѣмъ вздумаетъ поближе присмотрѣться къ защитникамъ тѣхъ или другихъ существующихъ системъ, то онъ сдѣлаетъ то замѣчательное открытіе, что съ единствомъ мышленія, которое геніальные историческіе психологи приписываютъ людямъ, обстоитъ

весьма скверно, что весьма упорная вѣра въ патентованныхъ врачей и ихъ искусство отлично уживаются съ застывшимъ экономическимъ манчестерствомъ и наоборотъ.

Самое популярное въ соціалистическихъ кругахъ объясненіе хозяйственныхъ кризисовъ—это выведеніе ихъ изъ недостаточнаго потребленія. Противъ этого воззрѣнія, однако, Энгельсъ многократно возставалъ, и наиболѣе рѣзко—въ третьемъ отдѣлѣ третьей главы своего полемическаго сочиненія противъ Дюринга, гдѣ онъ говоритъ, что недостаточное потребленіе массъ можетъ, пожалуй, и быть „однимъ изъ предварительныхъ условій кризисовъ", но оно такъ же мало объясняетъ ихъ наличность сегодня, какъ и ихъ отсутствіе вчера. Энгельсъ указываетъ при этомъ на положеніе дѣлъ въ англійской хлопочатобумажной промышленности въ 1877 г. и заявляетъ, что дѣло весьма не легкое, въ виду такого положенія, „объяснить теперешній совершенный застой въ продажѣ хлопчатобумажной ткани и пряжи недостаточнымъ потребленіемъ англійскихъ массъ, а не перепроизводствомъ англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ" *) (3-е изданіе, стр. 308). Но и Марксъ самъ выразился при случаѣ весьма рѣшительно противъ объясненія кризисовъ недостаточнымъ потребленіемъ. „Совершенная тавтологія", говорится во 2-мъ томѣ „Капитала", сказать, что кризисы происходятъ отъ недостатка въ потребителяхъ, обладающихъ платежными средствами". Если захотятъ придать этой тавтологіи видъ болѣе глубокихъ соображеній тѣмъ, что скажутъ, что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную часть своего же собственнаго продукта и что горю можно сразу пособить, если ему дать большую долю, то можно лишь замѣтить, что „кризисы всякій разъ именно подготовляются періодомъ когда заработная плата въ общемъ повышается и рабочій классъ получаетъ фактически большую долю въ назначенной для потребленія части ежегоднаго продукта". Изъ этого повидимому вытекаетъ, что капиталистическое производ-

*) Въ примѣчаніи къ этому Энгельсъ замѣчаетъ еще «Объясненіе кризисовъ недостаточнымъ потребленіемъ восходитъ къ Сисмонди и имѣло у него еще нѣкоторый смыслъ». У Сисмонди заимствовалъ его Родбертусъ, а у него уже списалъ Дюрингъ. И въ предисловіи къ «Нищетѣ философіи» Энгельсъ подобнымъ же образомъ полемизируетъ съ теоріей кризисовъ Родбертуса.

ство „содержитъ въ себѣ такія независящія отъ доброй или злой воли условія, которыя лишь на моментъ допускаютъ это сравнительное благосостояніе рабочаго класса, и при томъ именно лишь въ качествѣ буревѣстника кризиса" (II т. стр. 406/7). Къ этому Энгельсъ присовокупляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „Ad notam для приверженцевъ Родбертусовой теоріи кризисовъ".

Въ довольно рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ этимъ стоитъ одно мѣсто во второй части 3-го тома „Капитала". Тамъ относительно кризисовъ Марксъ именно и говоритъ: „Основаніемъ хозяйственныхъ кризисовъ въ послѣднемъ счетѣ всегда остаются нищета и недостаточное потребленіе массъ въ противоположность стремленію капиталистическаго производства къ развитію производительныхъ силъ такъ, какъ если бы границу ихъ составляла лишь абсолютная способность общества къ потребленію". (Стр. 21). Это не на много отличается отъ теоріи кризисовъ Родбертуса, такъ какъ и послѣдній не выводитъ кризисовъ изъ одного лишь недостаточнаго потребленія массъ, а какъ въ предыдущемъ, изъ недостаточнаго потребленія, взятаго съ растущей производительностью труда. Но у Маркса въ приведенномъ мѣстѣ недостаточное потребленіе массъ выставляется какъ послѣднее основаніе всякихъ х о з я й с т в е н н ы х ъ кризисовъ даже въ противоположность анархіи въ производствѣ, т. е. несоразмѣрности производства въ различныхъ отрасляхъ и колебанію цѣнъ, которыя вызываютъ на время всеобщіе застои.

Поскольку мы имѣемъ здѣсь существенное отклоненіе отъ взгляда, выраженнаго въ еще раньше приведенной цитатѣ изъ второго тома, объясненіе его надлежитъ искать въ весьма различномъ времени происхожденія обоихъ этихъ заявленій. Между ними лежитъ промежутокъ времени никакъ не меньше, чѣмъ въ 13—14 лѣтъ, причемъ цитата изъ 3-го тома „Капитала" болѣе ранняя. Она написана была уже въ 1864 или 65 г., въ то время какъ цитата второго тома относится къ періоду, во всякомъ случаѣ болѣе позднему, чѣмъ 1878 г. (см. замѣчанія по этому поводу Энгельса въ предисловіи ко второму тому „Капитала"). Вообще второй томъ содержитъ самые поздніе и самые зрѣлые плоды Марксовыхъ изысканій.

Въ другомъ мѣстѣ этого же второго тома, относящемся еще къ 70 году, періодическій характеръ кризисовъ — приблизи-

тельно десятилѣтній производственный циклъ—ставится въ связи съ продолжительностью оборота основного (вложеннаго въ машины и др.) капитала. Развитіе капиталистическаго производства имѣетъ тенденцію, съ одной стороны, растягивать періодъ цѣнности и продолжительность существованія капитала, а съ другой,—сокращать эту продолжительность существованія постоянными переворотами въ способахъ производства. Отсюда „нравственное снашиваніе“ этой части постояннаго капитала еще прежде, чѣмъ она успѣла „физически отжить“. „Въ лицѣ этого обнимающаго рядъ годовъ цикла другъ съ другомъ связанныхъ переворотовъ, на которые капиталъ осужденъ, благодаря основной своей части, создается матеріальная основа періодическихъ кризисовъ, въ которые предпріятіе проходитъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ періодовъ вялости, умѣреннаго оживленія, чрезмѣрнаго расширенія и кризиса. (II т. стр. 164). Хотя бы періоды, въ которые вкладывался капиталъ, и были весьма различные и далеко другъ отъ друга отстоящіе, но кризисъ всегда образуетъ исходный пунктъ новой крупной затраты, а слѣд., разсматривая общество, какъ цѣлое, „и болѣе или менѣе новую матеріальную основу для ближайшаго цикла обращенія“. Къ этой мысли Марксъ возвращается вновь въ томъ же томѣ при анализѣ воспроизводства капитала (т. е. процесса постояннаго возобновленія капиталовъ въ видахъ производства и потребленія на общественномъ базисѣ) и показываетъ, какъ даже при воспроизведеніи на одинаковой ступени и съ неизмѣненной силою производительности труда, появляющіяся иной разъ различія въ продолжительности существованія основного капитала (когда, напр., въ одинъ годъ изнашивается больше составныхъ частей основного капитала, нежели въ предыдущій) должны вести за собою кризисы въ производствѣ. Внѣшняя торговля хотя и можетъ на моментъ выручить, но поскольку она возстановляетъ элементы капитала по цѣнности ихъ, „лишь переноситъ противорѣчія въ болѣе обширную область и открываетъ имъ болѣе широкое поле дѣятельности“. Коммунистическое общество можетъ избѣгнуть этихъ замѣшательствъ, вытекающихъ изъ продолжающагося относительнаго перепроизводства, которое у него „тожественно съ контролемъ общества надъ объективными средствами своего собственнаго воспроизводства“, но въ капиталистическомъ обществѣ такое пе-

репроизводство есть элементъ анархіи. Этотъ примѣръ разстройствъ, происходящихъ отъ однихъ лишь различій въ періодахъ жизни основного капитала, разителенъ. „Несоразмѣрность въ производствѣ основного и оборотнаго капитала составляетъ одно изъ излюбленныхъ основаній экономистовъ для объясненія кризисовъ. Что такая несоразмѣрность можетъ и должна возникнуть при одномъ только поддержаніи основного капитала,—это для нихъ нѣчто новое, т. е. что она должна и можетъ возникнуть при предположеніи идеально-нормальнаго производства, при простомъ воспроизведеніи дѣйствующаго уже общественнаго капитала“ (тамъ же, стр. 468). Въ главѣ о накопленіи и расширенномъ воспроизведеніи перепроизводство и кризисы упоминаются лишь мимоходомъ, какъ само собою понятные результаты возможныхъ комбинацій, связанныхъ съ описаннымъ процессомъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь сильно подчеркивается понятіе о перепроизводствѣ. „Когда, стало быть, Фуллартонъ, напр. говорится на стр. 499, ничего знать не хочетъ о перепроизводствѣ въ обыкновенномъ смыслѣ, а только о перепроизводствѣ капитала, и именно, денежнаго капитала, то онъ лишь этимъ вновь показываетъ, какъ абсолютно мало понимаютъ даже лучшіе буржуазные экономисты въ механизмѣ своей системы“. И на стр. 524 показывается, что когда, какъ даже при капиталистическомъ накопленіи можетъ иной разъ случиться, постоянная часть капитала, назначеннаго для производства средствъ потребленія, больше, нежели перемѣнный капиталъ плюсъ прибавочная цѣнность капитала, назначеннаго для производства средствъ производства, перепроизводство въ первой области „можетъ быть выравнено лишь большимъ крахомъ“.

Мысль, которая была развита выше, а именно, что расширеніе рынка переноситъ противорѣчія капиталистическаго хозяйства въ болѣе обширную область и тѣмъ усугубляетъ ихъ, Энгельсъ по разнымъ поводамъ примѣняетъ въ третьемъ томѣ къ новѣйшимъ явленіямъ. Особенно замѣчательны примѣчанія на стр. 97 въ первой и на стр. 27 во второй части этого тома. Въ послѣднемъ изъ нихъ, гдѣ Энгельсъ повторяетъ и дополняетъ сказанное въ первомъ, онъ, правда, характеризуетъ гигантскій ростъ средствъ сообщеній съ того времени, какъ писалъ Марксъ,—ростъ, который впервые создалъ дѣйствительно всемірный рынокъ, благодаря вступленію новыхъ промышленныхъ странъ въ конкурренцію съ Англіи,—равно какъ

и безпредѣльное расширеніе области приложенія избыточнаго европейскаго капитала, какъ факторы, которые „уничтожили или сильно ослабили большинство старыхъ очаговъ кризисовъ и поводовъ къ образованію ихъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ, охарактеризовавъ картели и трэсты, какъ средство къ ограниченію конкурренціи на внутреннемъ рынкѣ, а охранительныя пошлины, которыми окружаетъ себя не-англійскій міръ, какъ „военныя приготовленія къ окончательному походу, который имѣетъ разрѣшить вопросъ о первенствѣ на міровомъ рынкѣ", онъ заключаетъ: „такимъ образомъ, каждый изъ этихъ элементовъ, противодѣйствующій повторенію старыхъ кризисовъ, носитъ въ себѣ зародышъ гораздо болѣе страшнаго кризиса въ будущемъ". Энгельсъ ставитъ вопросъ, не удлинился ли снова промышленный циклъ, который въ дѣтствѣ міровой торговли (отъ 1815 до 1847 г.) обнималъ приблизительно пятилѣтніе періоды, а между 1847 и 67 г.г. десятилѣтніе, на новый, болѣе длинный промежутокъ, и не находимся ли мы „въ подготовительномъ періодѣ новаго мірового краха неслыханной силы"; тѣмъ не менѣе онъ все-таки допускаетъ возможность альтернативы, а именно, что острая форма періодическаго процесса съ отличавшимъ ее до сихъ поръ десятилѣтнимъ цикломъ „уступила мѣсто болѣе хроническому, распредѣляющемуся между различными странами и (въ различное время) чередованію сравнительно болѣе коротькаго и вялаго коммерческаго оживленія и сравнительно болѣе продолжительнаго и нерѣшительнаго застоя".

Время, истекшее съ того момента, какъ написаны были эти строки, оставило вопросъ все еще не разрѣшеннымъ. Не видать что-то ни признаковъ экономическаго міроваго краха неслыханной силы, ни того, чтобы наступившее за это время коммерческое оживленіе было особенно кратковременно. Скорѣе возникаетъ третій вопросъ, который, впрочемъ отчасти заключается уже во второмъ изъ приведенныхъ вопросовъ: именно, не увеличило ли гигантское расширеніе размѣровъ всемірнаго рынка, въ связи съ необычайнымъ сокращеніемъ потребнаго для сношеній и транспорта времени, возможности „устраненія" кризисовъ и не уменьшило ли страшно возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ странъ, въ связи съ эластичностью современнаго кредита и возникновеніемъ промышленныхъ картелей, „вліянія" мѣстныхъ или частныхъ разстройствъ на общее коммерческое положеніе до такой степени, что, по крайней мѣрѣ,

еще на долгое время коммерческіе кризисы на подобіе прежнихъ должны быть признаны вообще за маловѣроятные.

Этотъ вопросъ, поднятый мною въ статьѣ по поводу соціалистической теоріи катастрофы, подвергся различнаго рода нападкамъ. Между прочимъ, онъ далъ поводъ Dr. Розѣ Люксембургъ прочесть мнѣ въ серіи статей, напечатанныхъ въ „Leipziger Volkszeitung" за сентябрь 1898 г., цѣлый курсъ о кредитѣ и способности капитализма къ приспособленію. Такъ какъ эти статьи, проникшія и въ другія газеты, представляютъ истый образчикъ ложной, но въ то же время и весьма талантливой діалектики, то мнѣ кажется умѣстнымъ здѣсь ихъ вкратцѣ коснуться.

---

*) Статьи эти озаглавлены «Sozialreform oder Revolution?» Г-жа Люксембургъ ставитъ однако этотъ вопросъ не такъ, какъ это до сихъ поръ принято было въ соціалъ-демократіи, т. е. въ видѣ альтернативныхъ путей къ осуществленію соціализма, а какъ противоположеніе въ томъ смыслѣ, что лишь одинъ изъ нихъ—по ея понятіямъ, революція - можетъ привести къ цѣли. Въ ея мнѣніи, «развитіе соціалъ-реформы, какъ и демократіи, не только не пробиваетъ бреши» въ стѣнѣ между капиталистическими и соціалистическими обществами, „но, напротивъ, укрѣпляетъ ее и дѣлаетъ выше". Въ виду этого, соціалъ-демократія, если не хочетъ сама осложнить себѣ свою работу, должна стремиться изъ всѣхъ силъ противодѣйствовать соціальнымъ реформамъ и развитію демократическихъ учрежденій. Статьѣ, заканчивающейся этимъ выводомъ, предпосылается приличествующимъ образомъ замѣчаніе, что сформулированныя мною (и д-ромъ Конрадомъ Шмидтомъ) положенія относительно развитія соціализма суть „исковерканныя отраженія внѣшняго міра". Представьте себѣ теорію о введеніи соціализма при посредствѣ соціальныхъ реформъ въ эру Штумма и Посадовскаго, о контролѣ профессіональныхъ союзовъ надъ процессомъ производства послѣ пораженія англійскихъ механиковъ и о соціалъ-демократическомъ парламентскомъ большинствѣ послѣ пересмотра саксонской конституціи и покушеній на всеобщую подачу голосовъ въ рейхстагъ!" восклицаетъ она. Она, повидимому, думаетъ, что историческія теоріи надобно формулировать не сообразно съ суммою наблюдаемыхъ явленій всей эпохи и всего круга передовыхъ странъ, а на основаніи временныхъ реакціонныхъ движеній въ какой-нибудь одной странѣ, — не на основаніи итога всего того, что до сихъ поръ успѣло достигнуть рабочее движеніе, а лишь съ точки зрѣнія исхода одного какого-нибудь инцидента борьбы. Человѣкъ, который объявилъ оспопрививаніе безполезнымъ потому, что оно не оберегло его отъ паденія съ дерева, аргументировалъ точно такъ же.

Г-жа Люксембургъ утверждаетъ, что кредитъ не только не противодѣйствуетъ кризисамъ, но даже, напротивъ, представляетъ собой средство, которое ихъ обостряетъ. Онъ впервые сдѣлалъ возможнымъ безграничное расширеніе капиталистическаго производства, ускореніе обмѣна товаровъ и оборота производственнаго процесса и является такимъ образомъ средствомъ, заставляющимъ возможно болѣе часто проявляться наружу противорѣчіе между производствомъ и потребленіемъ. Онъ даетъ капиталистамъ возможность располагать чужими капиталами, а потому и импульсъ къ безумнѣйшимъ спекуляціямъ. Когда же наступаетъ застой, онъ обостряетъ своимъ сокращеніемъ кризисъ. Его роль заключается въ томъ, чтобы изгнать изъ всѣхъ капиталистическихъ отношеній остатокъ устойчивости и сдѣлать всѣ капиталистическія силы въ высшей степени растяжимыми, относительными и чувствительными.

Все это не совсѣмъ ново для каждаго, кому хоть сколько-нибудь знакома литература соціализма вообще и марксистскаго въ частности. Спрашивается только, соотвѣтствуетъ ли картина фактическому положенію дѣлъ въ настоящее время и не имѣетъ ли она еще и оборотной стороны. По законамъ діалектики, которою г-жа Люксембургъ такъ охотно играетъ, это и должно было бы быть такъ, и даже не прибѣгая къ ней, можно заранѣе быть увѣреннымъ, что такая вещь, допускающая столько формъ, какъ кредитъ, дѣйствуетъ при различныхъ обстоятельствахъ различно. И самъ Марксъ, вѣдь, не разсматриваетъ кредита исключительно какъ разрушителя. Онъ, между прочимъ, приписываетъ ему (т. III, 1, стр. 429) функцію „переходной формы къ новому способу производства“ и съ этой точки зрѣнія отчетливо выдвигаетъ „дѣйствительный характеръ кредитной системы“. Г-жа Люксембургъ отлично знаетъ это мѣсто и даже приводитъ изъ него цитату, гдѣ Марксъ говоритъ о смѣшанномъ характерѣ—„полу-плутъ, полу-пророкъ“—главныхъ возвѣстниковъ кредита (Джона Ло, Исаака Перейры и др.) Но она относитъ его исключительно къ разрушительной сторонѣ кредитной системы и ни единымъ словомъ не упоминаетъ о ея возстановительно-творческой способности, которую Марксъ ясно указываетъ. Зачѣмъ эта ампутація, откуда это многозначительное замалчиваніе „двойственнаго характера?“ Блестящій діалектическій фейерверкъ, при помощи котораго она представляетъ силу кредитной системы, какъ средство приспособленія, въ видѣ

„однодневной мухи“, превращается въ дымъ и паръ, какъ только ближе разсматривается эта другая сторона, мимо которой г-жа Люксембургъ такъ незамѣтно старается проскользнуть.

Впрочемъ, и отдѣльныя положенія ея аргументаціи не выдерживаютъ ближайшей критики. „Онъ усиливаетъ противорѣчіе между способомъ производства и способомъ обмѣна“, говоритъ она о кредитѣ, „тѣмъ, что онъ напрягаетъ производство до наивысшей степени, а обмѣнъ по малѣйшему поводу парализуетъ“. Это очень остроумно сказано; жаль только, что фразу эту можно повернуть какъ угодно, причемъ она не перестанетъ быть правильной. Перемѣстите во второй ея части ея оба подлежащихъ, и она останется также вѣрною, какъ и раньше. Или скажите, что кредитъ устраняетъ противоположность между способомъ производства и обмѣна тѣмъ, что онъ періодически уравновѣшиваетъ различіе въ напряженіи между производствомъ и обмѣномъ, и вы будете также правы „Кредитъ“, говорится дальше, „усиливаетъ противорѣчіе между отношеніями собственности и производства тѣмъ, что объединяетъ въ немногихъ рукахъ огромныя производственныя средства при помощи вынудительной экспропріаціи многочисленныхъ мелкихъ капиталистовъ“. Если это положеніе заключаетъ въ себѣ истину, то такую же содержитъ и его прямая противоположность. Мы выражаемъ лишь фактъ, многократно констатировавшійся на дѣлѣ, когда говоримъ, что кредитъ устраняетъ противорѣчіе между отношеніями собственности и производства тѣмъ, что превращаетъ черезъ объединеніе многочисленныхъ мелкихъ капиталистовъ огромныя производственныя силы въ коллективную собственность. Въ дѣлѣ акціонерныхъ обществъ въ ихъ простой и квалифицированной формахъ это вполнѣ очевидно, какъ мы видѣли въ отдѣлѣ о движеніи доходовъ. Если г-жа Люксембургъ, вооружаясь противъ этого, захочетъ сослаться на Маркса, который въ упомянутомъ уже мѣстѣ вновь приписываетъ кредитной системѣ функцію все бóльшаго и бóльшаго ограниченія числа лицъ, эксплуатирующихъ общественное богатство, то на это можно будетъ возразить, что Марксъ нигдѣ не приводилъ эмпирическаго доказательства этому утвержденію, да и не могъ, хотя часто ссылался на факты, противорѣчащіе ему, какъ, напр. когда онъ въ 22-й главѣ третьяго тома, обсуждающей тенденцію нормы процента къ пониженію, указываетъ на констатируемое Рамсеемъ ростущее число рантье въ Англіи (III,

1, стр. 346). Но если у Маркса и происходитъ многократно смѣшеніе юридическаго и физическаго лица (въ этомъ именно и коренится въ концѣ концовъ приведенное выше предположеніе), то онъ все-таки не обманываетъ себя насчетъ положительной экономической силы кредита. Это особенно ясно обнаруживается тамъ, гдѣ онъ говоритъ о рабочихъ товариществахъ, наиболѣе характернымъ типомъ которыхъ у него все еще служитъ старое производительное товарищество—онъ называетъ его кооперативною фабрикою,—и о которыхъ онъ говоритъ, что они воспроизводятъ и должны воспроизводить всѣ недостатки существующей системы. Если они являются дѣтищами фабричной системы, покоящейся на капиталистическомъ производствѣ, то они въ одинаковой мѣрѣ и дѣтища покоящейся на немъ кредитной системы, безъ которой они никогда, говоритъ Марксъ, не могли бы развиться и „которая представляетъ средство къ постепенному расширенію кооперативныхъ предпріятій въ болѣе или менѣе національномъ масштабѣ“. („Капиталъ“ III, 1, стр. 428). Здѣсь мы имѣемъ совершенно противоположное тому, что содержится въ положеніи г-жи Люксембургъ.

Что кредитная система облегчаетъ спекуляцію, извѣстно уже, по крайней мѣрѣ, столѣтія. и столь же давно извѣстно, что спекуляція не останавливается передъ производствомъ тамъ, гдѣ его форма и строй достаточно развиты для ея игры. Спекуляція, тѣмъ не менѣе, съ своей стороны обусловлена отношеніемъ между извѣстными и неизвѣстными обстоятельствами. Чѣмъ сильнѣе послѣднія перевѣшиваютъ, тѣмъ пышнѣе она расцвѣтаетъ, и чѣмъ больше они оттѣсняются первыми, тѣмъ больше она теряетъ почву. Оттого безумнѣйшія выходки коммерческой спекуляціи относятся ко времени возникновенія капиталистической эры и ея самыя неистовыя оргіи имѣютъ обыкновенно мѣсто въ странахъ болѣе ранняго капиталистическаго развитія. Въ области промышленности спекуляція процвѣтаетъ теперь наиболѣе пышно въ новыхъ отрасляхъ производства. Чѣмъ старѣе отрасль производства, какъ новѣйшая индустрія, тѣмъ рѣшительнѣе—за исключеніемъ фабрикаціи предметовъ моды въ собственномъ смыслѣ—перестаетъ играть въ ней рѣшающую роль спекулятивный моментъ. Положеніе и измѣненіе рынка обозрѣваются съ большей точностью и принимаются въ соображеніе съ большей безошибочностью

Конечно, эта безошибочность лишь относительна, потому что конкурренція и техническое развитіе исключаютъ абсолютный контроль рынка. Перепроизводство до извѣстной степени неизбѣжно. Но перепроизводство въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности еще не значитъ всеобщій кризисъ. Чтобы оно повело за собой таковой, соотвѣтствующія отрасли промышленности должны либо имѣть такое значеніе въ качествѣ потребителей издѣлій другихъ индустрій, что ихъ пріостановка парализуетъ и послѣднія и т. д., либо же должны лишить ихъ, черезъ посредство денежнаго рынка, т. е. парализаціи всеобщаго кредита, средствъ къ продолженію производства. Но ясно само собою, что чѣмъ богаче страна и чѣмъ развитѣе ея кредитный организмъ—что не должно смѣшиваться съ усиленнымъ хозяйствомъ въ долгъ—тѣмъ меньшую вѣроятность получаетъ подобное явленіе. Ибо здѣсь возможность устраненія затрудненій увеличивается во все растущей степени. Въ одномъ мѣстѣ—въ данный моментъ не могу вспомнить, въ какомъ—Марксъ говоритъ,—и справедливость его словъ можетъ быть доказана безчисленными данными,—что въ центрѣ денежнаго рынка его сокращенія всегда быстрѣе устраняются, чѣмъ въ различныхъ пунктахъ его периферіи. И Марксъ при этомъ имѣлъ даже въ лицѣ Англіи гораздо менѣе свободный денежный рынокъ, нежели какой она представляетъ теперь Такъ, у него все еще говорится (третій томъ „Капитала", вторая часть, стр. 18), что съ расширеніемъ рынковъ кредиты растягиваются на болѣе долгій срокъ и, такимъ образомъ, спекулятивный элементъ долженъ все больше и больше преобладать въ торговыхъ дѣлахъ. Но совершившійся за это время переворотъ въ средствахъ сообщенія больше, чѣмъ уравновѣсилъ въ этомъ отношеніи вліянія отдаленностей разстоянія*). Если эти кризисы денежнаго

*) Энгельсъ исчисляетъ фактическое приближеніе, благодаря Суэцкому каналу, товарнымъ пароходамъ и пр., Америки и Индіи къ промышленнымъ странамъ Европы въ 70—90% и прибавляетъ, что въ виду этого «оба эти великихъ очага кризисовъ съ 1825 до 1857 г.... въ значительной мѣрѣ потеряли свою способность изверженія». («Капиталъ», III т., ч. 1, стр. 45). На стр. 395 того же тома Энгельсъ констатируетъ, что нѣкоторыя спекулятивныя предпріятія, связанныя съ манипуляціями кредита, которыя Марксъ описываетъ тамъ, какъ факторы кризисовъ денежнаго рынка, навсегда прекратили свое существованіе, благодаря трансатлантическому

рынка отъ этого и не упразднились всецѣло, то его сокращенія—о чемъ собственно здѣсь и идетъ рѣчь,—вызываемыя отдаленными и трудно контролируемыми торговыми предпріятіями, въ значительной мѣрѣ ослабли.

Отношеніе денежныхъ кризисовъ къ кризисамъ торговымъ и коммерческимъ далеко еще не на столько выяснено, чтобы изъ какого-нибудь конкретнаго случая, гдѣ тѣ и другіе совпадаютъ, можно было бы съ увѣренностью заключить, что именно коммерческій кризисъ, т. е. перепроизводство непосредственно причинило денежный кризисъ. Въ большинствѣ случаевъ очевидно, что не фактическое перепроизводство, а скорѣе слишкомъ смѣлая спекуляція парализовала денежный рынокъ, а черезъ него и всѣ дѣла. Это столько же вытекаетъ изъ данныхъ, которыя Марксъ сообщаетъ въ третьемъ томѣ „Капитала“ на основаніи оффиціальныхъ изслѣдованій о кризисахъ 1847 и 1857 г.г., сколько подтверждается фактами, которые приводятся проф. Геркнеромъ въ очеркѣ исторіи торговыхъ кризисовъ въ „Handwoerterbuch der Staatswissenschaften“ по поводу этого и другихъ кризисовъ. Г-жа Люксембургъ выводитъ на основаніи приведенныхъ Геркнеромъ фактовъ, что бывшіе до сихъ поръ кризисы вообще еще не были настоящими кризисами, а лишь дѣтскими болѣзнями капиталистическаго хозяйства, явленіями не суженій, а расширеній области капиталистическаго хозяйства, что „мы еще не вступили въ ту фазу совершенной капиталистической зрѣлости, которая предполагается въ марксовой схемѣ періодичности кризисовъ“. По ея мнѣнію, мы находимся „въ фазѣ, когда кризисы уже больше не сопровождаютъ возникновенія капитализма и еще не сопровождаютъ его упадка. Это время наступитъ лишь тогда, когда міровой рынокъ разовьется въ совершенствѣ и не сможетъ уже больше расширяться черезъ внезапныя прибавленія. Тогда антагонизмъ между производственными силами и предѣлами обмѣна станетъ все болѣе и болѣе рѣзкимъ и бурнымъ.

На это можно возразить, что схема кризисовъ у Маркса или для Маркса была картина не будущаго а настоящаго,

---

кабелю. Достойны вниманія для опредѣленія развитія кредита также и тѣ поправки, которыя Энгельсъ формулируетъ на стр. 56 второй части III тома.

отъ которой ожидалось лишь, что она и въ будущемъ повторится въ формахъ, все болѣе и болѣе рѣзкихъ и обостренныхъ. Тѣмъ, что г-жа Люксембургъ отказываетъ ей въ значеніи, какое придавалъ ей Марксъ, для всей предыдущей эпохи и представляетъ ее, какъ выводъ, не соотвѣтствовавшій еще дѣйствительности, какъ логическое построеніе, предваряющее событія на основаніи извѣстныхъ, находящихся еще въ зародышѣ элементовъ, она подвергаетъ сомнѣнію прогнозъ Маркса насчетъ будущаго общественнаго развитія, по скольку онъ опирается на теоріи кризисовъ. Ибо если эта теорія еще не была испытана въ то время, какъ она была выдвинута, если отъ того момента до настоящаго дня она еще не оправдалась, то на какомъ основаніи можно признать ея схему вѣрною для еще болѣе отдаленнаго времени? Отодвигать ее къ тому времени, когда міровой рынокъ разовьется въ совершенствѣ, равносильно теоретическому бѣгству „ins Jenseits“.

Нѣтъ еще никакой возможности предвидѣть, когда міровой рынокъ разовьется въ совершенствѣ. Вѣдь, и самой г-жѣ Люксембургъ не безызвѣстно, что есть не только экстенсивное расширеніе міроваго рынка, но и интенсивное, и что послѣднее въ настоящее время имѣетъ несравненно больше значенія, нежели первое.

Въ торговой статистикѣ крупныхъ промышленныхъ странъ вывозъ въ старыя, давно уже населенныя страны играетъ, несомнѣнно наибольшую роль. Англія во всю Океанію (всѣ австралійскія колоніи, Новую Зеландію и пр.) не вывозитъ столько по цѣнности, сколько въ одну Францію; во всю британскую Сѣверную Америку (Канаду, Британскую Колумбію) не столько, сколько въ одну Россію; въ обѣ эти колоніальныя области, вмѣстѣ взятыя, которыя также, вѣдь, имѣютъ почтенный возрастъ,—не столько, сколько въ Германію. Ея внѣшняя торговля со всѣми ея колоніями, включая и всю огромную индійскую имперію, не составляетъ одной трети ея торговли съ остальнымъ міромъ, а что касается ея пріобрѣтеній за послѣднія двадцать лѣтъ, то экспортъ ея въ эти страны до смѣшнаго незначителенъ *). Экстенсивное расширеніе міроваго рынка

---

*) Вотъ нѣкоторыя цифры за 95 г. 75,6% всего вывоза падаетъ на заграницу, причемъ $^{9}/_{10}$ представляютъ старыя страны, а 24,4%—на британскія колоніи. По цѣнности выве-

совершается слишкомъ медленно, чтобы дать достаточный исходъ фактическому росту производства, который именно и находитъ себѣ все большій и большій рынокъ въ странахъ, давно уже втянутыхъ въ кругъ торговой дѣятельности. Границы такого экстенсивнаго расширенія мірового рынка, идущаго рука объ руку съ территоріальнымъ, не могутъ быть опредѣлены a priori. Если всеобщій кризисъ, дѣйствительно, составляетъ имманентный законъ капиталистическаго производства, то онъ долженъ оправдаться сейчасъ же, въ ближайшемъ будущемъ. Въ противномъ случаѣ доказательство его неизбѣжности виситъ въ воздухѣ абстрактнаго умозрѣнія.

Мы видѣли, что кредитъ подвергается въ настоящее время не больше, а меньше, чѣмъ прежде, судорожнымъ сокращеніямъ, ведущимъ къ всеобщей парализаціи, а потому и отступаетъ въ этомъ смыслѣ на задній планъ, въ качествѣ фактора, обуславливающаго кризисы. Поскольку однако кредитъ является средствомъ, искусственно содѣйствующимъ перепроизводству, такому дутому росту производства въ настоящее время противодѣйствуютъ союзы предпринимателей, все чаще и чаще въ различныхъ странахъ, и иногда даже интернаціонально старающіеся регулировать производство въ качествѣ картеля, синдиката или трэста. Не вдаваясь въ пророчество относительно ихъ конечной жизненности и силы, я считаю ихъ способными на столько воздѣйствовать на отношеніе производственной дѣятельности къ состоянію рынка, что опасность кризисовъ значительно уменьшается. Г-жа Люксембургъ и это оспариваетъ.

Прежде всего она сомнѣвается, чтобы союзы предпринимателей могли когда-либо сдѣлаться всеобщими. Конечно, цѣль и вліяніе союзовъ состоитъ въ томъ, чтобы исключеніемъ конкурренціи въ предѣлахъ какой-нибудь отрасли увеличить долю этой отрасли въ суммѣ прибыли, реализованной на міровомъ

зено было, включая и товары, идущіе транзитомъ: въ британскую Сѣверную Америку на 6,6, въ Россію на 10,7, въ Океанію на 19,3, Францію—на 20,3, Германію—на 32,7 мил. фунтовъ стерлинговъ, во всю британскую западную и восточную Африку - на 2,4 мил., т. е. меньше 1% всего вывоза въ 285,8 милліоновъ. Вывозъ во всѣ британскія владѣнія былъ въ 1895 г. на 64,8,% а въ другія страны на 77,2% выше, нежели въ 1860 г. (Ср. «Constitutional Yearbook» 1897 г.).

рынкѣ. Но одна отрасль промышленности можетъ добиться этого лишь на счетъ другой, и постоянная организація поэтому не можетъ стать всеобщею. „Распространившись на всѣ отрасли производства, она тѣмъ самымъ упраздняетъ свое вліяніе“.

Эта аргументація, какъ двѣ капли воды, похожа на давно уже осмѣянную аргументацію относительно безполезности рабочихъ союзовъ. Ея основаніе еще болѣе шатко, нежели блаженной памяти теорія фонда заработной платы. Это именно лишь предположеніе, недоказанное, недоказуемое или даже ложное, что на міровомъ рынкѣ имѣется всегда лишь опредѣленная сумма прибыли, предназначенная къ дѣлежу. Оно, между прочимъ, предполагаетъ установленіе цѣнъ, независимое отъ измѣненія издержекъ производства. Но даже если допустить опредѣленную цѣну, а сверхъ того еще и опредѣленную технологическую основу производства, то все-таки сумма прибыли въ какой-нибудь отрасли производства можетъ быть увеличена безъ пониженія прибылей другой,— а именно, черезъ уменьшеніе напрасныхъ издержекъ, устраненіе разорительной конкурренціи, лучшую организацію производства и пр. Что союзы предпринимателей представляютъ изъ себя дѣйствительное средство къ этому, очевидно само собою. Вопросъ о дѣлежѣ прибыли составляетъ послѣднее соображеніе, стоящее на пути ко всеобщему распространенію предпринимательскихъ союзовъ.

Другое соображеніе, говорящее противъ способности картелей задержать анархію въ производствѣ, заключается, по мнѣнію г-жи Люксембургъ, въ томъ, что онѣ стараются достигнуть своей цѣли —удержанія нормы прибыли отъ паденія— осужденіемъ накопленнаго капитала на бездѣятельность, т. е. дѣлаютъ то же самое, что въ другой формѣ дѣлаютъ сами кризисы. Лекарство похоже на болѣзнь, какъ двѣ капли воды. Часть обобществленнаго черезъ организацію капитала превращается опять въ частный капиталъ, каждая доля его пытаетъ счастье на свой страхъ и починъ и „организаціи должны лопнуть, какъ мыльные пузыри, и вновь уступить мѣсто свободной конкурренціи, да еще въ усиленной формѣ“.

Это, прежде всего, предполагаетъ, что хирургическое отдѣленіе гангренознаго члена и разрушеніе его гангреною „какъ двѣ капли воды“ похожи одно на другое, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ членъ пропадаетъ. Осуждается ли капиталъ на бездѣятельность стихійнымъ событіемъ, въ родѣ кризиса, или

организаціей индустріи,—составляетъ двѣ вещи разныя, потому что одно означаетъ лишь временную парализацію, а другое—непосредственное разрушеніе. Но нигдѣ не сказано, что капиталъ, ставшій излишнимъ въ какой-нибудь отрасли производства, можетъ быть приложенъ или долженъ искать приложенія лишь въ той же самой отрасли. Здѣсь для разнообразія г-жа Люксембургъ предполагаетъ, что число отраслей производства представляетъ разъ навсегда постоянную величину, что опять-таки противорѣчитъ дѣйствительности.

Лучше обстоитъ съ послѣднимъ возраженіемъ г-жи Люксембургъ. Картели потому не способны пріостановить анархію въ производствѣ, что объединенные предприниматели реализуютъ высшую норму прибыли на внутреннемъ рынкѣ благодаря тому обыкновенно, что часть капитала, не могущую быть приложенною на этомъ рынкѣ, они отправляютъ за границу, довольствуясь тамъ значительно болѣе низкою нормою прибыли. Отсюда слѣдствіе: бо́льшая анархія на міровомъ рынкѣ,—какъ разъ противоположное тому, что имѣлось въ виду.

„Обыкновенно“ этотъ маневръ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ картель пользуется защитою покровительственнаго тарифа, препятствующаго заграничнымъ странамъ отплачивать тою же монетою. Въ сахарной промышленности, на которую г-жа Люксембургъ ссылается, какъ на иллюстрацію своего тезиса, описанныя ею прелести вызваны были именно квалифицированной формою охранительныхъ пошлинъ—преміями на вывозъ. Но замѣчательно, что агитація противъ такого благословеннаго порядка вещей гораздо сильнѣе въ странахъ, которыя пользуются имъ, чѣмъ въ странѣ, которая лишена его и сахарная промышленность которой совершенно не защищена отъ конкурренціи странъ, осчастливленныхъ вывозными преміями и сахарными картелями, а именно въ Англіи. И англичане отлично знаютъ, почему это такъ. Безъ сомнѣнія, эта премированная конкурренція чувствительно повредила англійскимъ сахароварамъ, хотя и далеко не въ такой степени, какъ обыкновенно полагаютъ, такъ какъ и англійскій сахароваръ получаетъ, вѣдь, свой сырой продуктъ,—кассонадъ—со сбавкою вывозной преміи. Оттого въ то время, какъ въ 1864 г., въ Англіи рафинировано было лишь 124,000 тоннъ сахара, въ 1894 г. рафинировано было уже 623,000, а въ 1896 г.—632,000 тоннъ. Въ промежутокъ, правда, производство достигло еще болѣе

высокой цифры (въ 1884 г. 824,000 т); но если оно не удержалось на этой высотѣ, то за то сахаро обработывающая индустрія (конфекты, варенье и консервированные фрукты) обнаружила расцвѣтъ, въ десять разъ перевѣшивающій этотъ упадокъ. Съ 1881 г. до 1891 г. число лицъ, занятыхъ въ сахарной промышленности Англіи, нисколько не пошло назадъ, въ то время какъ конфектная промышленность показываетъ почти двойное число ихъ противъ прежняго *). Къ этому однако присоединяется еще сильно разросшаяся индустрія вареній и мармаладовъ, сдѣлавшихся предметами потребленія массъ и занимающихъ тысячи рабочихъ рукъ. Если бы даже сахарныя преміи и прочіе маневры континентальныхъ сахароваровъ уничтожили всю рафинадную промышленность Англіи, чего, однако, на дѣлѣ нѣтъ, то и тогда потеряннымъ занятіямъ какихъ-либудь 5000 рабочихъ приходилось бы противопоставить выигрышъ въ занятіяхъ для числа, по крайней мѣрѣ, въ восемь разъ большаго. При этомъ еще не принимается въ расчетъ импульсъ, который дешевый сахаръ далъ въ Англіи воздѣлыванію ягодъ и пр. Говорятъ, конечно, что премированный свекловичный сахаръ разорилъ плантатора тростниковаго сахара въ британскихъ колоніяхъ, и дѣйствительно, въ жалобахъ вестъ-индскихъ плантаторовъ недостатка нѣтъ. Но этотъ почтенный классъ имѣетъ удивительное сходство съ тѣми страждущими аграріями, которые погибаютъ по всякому поводу. Фактически, Англія въ настоящее время ввозитъ изъ своихъ владѣній больше сырого сахара, чѣмъ раньше (съ 2,3 милл. центнеровъ въ 1890 г. ввозъ сахара изъ британскихъ владѣній возросъ до 3,1 милл центнеровъ въ 1896 г.); только другія колоніи въ этомъ отношеніи перегнали Вестъ-Индію. Въ 1882 г. на долю Вестъ-Индіи приходилось приблизительно двѣ трети всего экспорта изъ британскихъ владѣній, а въ 1892 г. едва половина. Барыши плантаторовъ, безъ сомнѣнія, пострадали но это еще не значитъ, что они ра-

*) Перепись даетъ слѣдующія цифры:

Лица, занятыя въ		1881	1891	
Сахарныхъ заводахъ:	мужского пола	4285	4682	+ 317
	женскаго пола	122	238	+ 116
Конфектной индустр.:	мужского пола	14,305	20,291	+ 5986
	женскаго пола	15,285	34,788	+ 19,503

зорились, за исключеніемъ случаевъ задолженности со старыхъ временъ.

При всемъ томъ, здѣсь не имѣется въ виду ни отрицать вреднаго вліянія современныхъ охранительныхъ пошлинъ. простыхъ и усиленныхъ, ни защищать предпринимательскіе союзы. Мнѣ никогда въ голову не приходило утверждать, что картели и пр. составляютъ послѣднее слово экономическаго развитія и въ состояніи устранить на продолжительное время антагонизмы современной хозяйственной жизни. Я скорѣе даже убѣжденъ, что тамъ, гдѣ въ новѣйшихъ промышленныхъ государствахъ картели и трэсты поддерживаются и усиливаются охранительными пошлинами, они, на дѣлѣ, должны непремѣнно превратиться въ факторы кризисовъ для данныхъ индустрій, — если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи и для самой „охраняемой“ страны. Такимъ образомъ, спрашивается только, какъ долго еще данныя націи будутъ допускать подобное хозяйство. Покровительственный тарифъ не есть продуктъ экономіи, но вторженіе въ экономію политической власти въ цѣляхъ экономическаго воздѣйствія Другое совсѣмъ представляютъ собою промышленные союзы сами по себѣ. Они выросли на почвѣ самой экономіи, даже если имъ искусственно благопріятствуютъ охранительныя пошлины, и представляютъ однородное съ нею средство приспособленія производства къ движеніямъ рынка. Что они въ то же время составляютъ или могутъ составить средство монопольной эксплуатаціи, стоитъ внѣ сомнѣнія. Но точно такъ же стоитъ внѣ сомнѣнія и то обстоятельство, что они въ первомъ своемъ качествѣ означаютъ усиленіе всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ средствъ противъ перепроизводства. Въ моменты переполненія рынка они могутъ съ гораздо меньшею опасностью. нежели частное предпріятіе, перейти къ временному ограниченію производства. Они могутъ также и разорительную конкурренцію за-границы встрѣтить тверже. Отрицать это значило бы отрицать преимущества организаціи передъ анархической конкурренціей. Но это именно и дѣлаютъ, когда принципіально отрицаютъ, что картели могутъ имѣть видоизмѣняющее вліяніе на характеръ и частое повтореніе кризисовъ. Въ какой степени онѣ это могутъ, покамѣстъ остается лишь догадкою, такъ какъ у насъ еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы можно было отважиться въ этомъ отношеніи на окончательный выводъ. Еще меньше данныхъ, однако, имѣется при такихъ

обстоятельствахъ, для опредѣленія заранѣе будущихъ всеобщихъ кризисовъ, первоначально рисовавшихся Марксу и Энгельсу въ видѣ обостренныхъ повтореній кризисовъ 1825, 1836, 1857 и 1873 г.г. Уже тотъ фактъ, что долгое время въ соціалистическомъ лагерѣ представляли себѣ, въ качествѣ естественнаго результата все увеличивающейся концентраціи капитала, все большее и большее суженіе промышленной орбиты—развитіе въ формѣ спирали, — межъ тѣмъ какъ уже въ 1894 г. Энгельсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ спросить, не предстоитъ ли въ ближайшемъ будущемъ новое растяженіе цикла, т. е. нѣчто, совершенно противоположное прежнему мнѣнію, предостерегаетъ насъ отъ абстрактнаго выведенія, будто эти кризисы обязательно должны повториться въ старой формѣ *).

Исторія отдѣльныхъ индустрій показываетъ, что ихъ кризисы далеко не всегда совпадали съ такъ называемыми всеобщими кризисами. Если внимательно просмотрѣть въ первомъ и третьемъ томѣ „Капитала" данныя, которыя Марксъ приводитъ изъ исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности, то можно убѣдиться—и новѣйшая исторія подтверждаетъ это,—что эта и другія отрасли производства проходятъ черезъ фазы оживленія и застоя, остающіяся безъ особенно глубокаго вліянія на массу прочихъ вѣтвей промышленности. Марксъ, какъ мы видѣли, думалъ найти матеріальную основу періодическихъ кризисовъ **) въ необходимости ускореннаго возобновленія неизмѣннаго капитала (орудій производства и пр.), и что здѣсь, дѣйствительно, кроется важный факторъ созданія кризисовъ, безусловно вѣрно. Но не вѣрно или перестало уже

*) Конечно, здѣсь рѣчь идетъ объ экономическомъ обоснованіи кризисовъ. Кризисы, какъ результаты политическихъ событій (войнъ или серьезныхъ опасностей войны) или значительныхъ недородовъ хлѣба—мѣстные неурожаи больше уже не оказываютъ вліянія въ этомъ отношеніи,—само собою понятно, всегда возможны, какъ на это уже указывалось въ статьѣ о теоріи катастрофы.

**) Употребленіе въ названномъ мѣстѣ (II т. стр. 164) слова „матеріальный" не безъ интереса для опредѣленія того, какъ Марксъ понималъ это слово. Согласно теперешнему обычному пониманію его, объясненіе кризисовъ изъ недостаточнаго потребленія такое же точно матеріалистическое, какъ и выведеніе ихъ изъ измѣненій въ производственномъ процессѣ, т. е. въ орудіяхъ производства.

быть вѣрнымъ, что эти періоды возобновленія совпадаютъ во времени въ различныхъ индустріяхъ,—а этимъ устраняется еще одинъ факторъ большихъ всеобщихъ кризисовъ.

Остается, слѣд., вѣрнымъ лишь то, что способность производства въ современномъ обществѣ гораздо сильнѣе, нежели фактическій, опредѣляемый покупательной силою спросъ на продукты: милліоны живутъ въ неудовлетворительныхъ квартирныхъ условіяхъ, недостаточно одѣваются и питаются несмотря на то, что въ наличности имѣется достаточно средствъ создать удовлетворительныя квартирныя условія и возможность удовлетворительно одѣваться и питаться; въ силу такого несоотвѣтствія въ различныхъ отрасляхъ промышленности постоянно происходитъ перепроизводство въ томъ смыслѣ, что либо тѣ или другіе предметы производятся фактически въ большемъ количествѣ, чѣмъ потребляются — какъ напр., больше пряжи, чѣмъ существующія ткацкія фабрики могутъ обработать— либо данный предметъ производится если и не въ большемъ количествѣ, чѣмъ потребно, то въ большемъ количествѣ, чѣмъ можетъ быть продано; вслѣдствіе этого происходитъ чрезвычайная неправильность въ занятіяхъ рабочихъ, которая дѣлаетъ ихъ положеніе въ высшей степени необезпеченнымъ, низводитъ ихъ постоянно въ положеніе недостойной зависимости и вызываетъ въ одномъ мѣстѣ перерабатываніе, а въ другомъ—безработицу; и, наконецъ, среди употребляющихся нынѣ средствъ противодѣйствія крайнему обостренію этого зла картели капиталистическихъ предпріятій представляютъ монопольные союзы, направленные, съ одной стороны, противъ рабочихъ, а съ другой стороны, противъ большой публики, и имѣющіе своей цѣлью вести, не считаясь съ ихъ интересами и на ихъ счетъ, войны съ подобными же монопольными союзами другихъ индустрій или другихъ странъ, либо приспособить, при помощи международныхъ, и именно, между-индустріальныхъ договоровъ, производство и цѣны къ требованіямъ извѣстныхъ размѣровъ барыша. Потенціально, капиталистическое лекарство противъ кризисовъ носитъ въ себѣ зародышъ новаго и еще большаго закабаленія рабочаго класса, равно какъ и привилегій въ области производства, представляющихъ болѣе яркую форму старыхъ цеховыхъ привилегій. Вмѣсто того, чтобы предсказывать „безсиліе“ картелей и трэстовъ, мнѣ кажется, съ точки зрѣнія рабочихъ, болѣе важно взвѣсить теперь же ихъ силу.

Смогутъ ли они долгое время съ успѣхомъ преслѣдовать первую изъ вышеупомянутыхъ цѣлей—предотвращеніе кризисовъ—является само по себѣ вопросомъ, второстепеннымъ для рабочаго класса. Но оно дѣлается многозначительнымъ вопросомъ, какъ только съ всеобщимъ кризисомъ люди рѣшаютъ связать ожиданія того или другого рода касательно освободительнаго движенія рабочаго класса, ибо тогда мнѣніе, что картели безсильны противъ кризисовъ, можетъ стать причиною важныхъ опущеній и ошибокъ.

Даннаго нами, въ началѣ этого отдѣла, краткаго очерка взглядовъ Маркса и Энгельса на хозяйственные кризисы, равно какъ и приведенныхъ въ связи съ этимъ неоспоримыхъ фактовъ достаточно будетъ, чтобы увидѣть, что вопросъ о кризисахъ не допускаетъ категорическаго отвѣта при помощи двухъ-трехъ изношенныхъ стереотипныхъ фразъ. Мы можемъ лишь констатировать, какіе элементы въ современномъ хозяйствѣ содѣйствуютъ кризисамъ и какія силы имъ противодѣйствуютъ. Опредѣлить же a priori конечное взаимоотношеніе этихъ силъ или ихъ движеній невозможно. Если какія-нибудь непредвидѣнныя в н ѣ ш н і я обстоятельства не вызовутъ всеобщаго кризиса,—а это, какъ выше сказано, можетъ случиться каждый день,—то нѣтъ никакого неопровержимаго основанія выводить его скорое наступленіе изъ чисто хозяйственныхъ причинъ. Мѣстныя и частичныя депрессіи неизбѣжны, но никакъ не всеобщій застой при теперешней организаціи и расширеніи міроваго рынка, а въ особенности, при крупномъ р а с ш и р е н і и п р о и з в о д с т в а ж и з н е н н ы х ъ с р е д с т в ъ. Послѣднее обстоятельство особенно важно для нашей проблемы. Ничто, быть можетъ, въ такой степени не содѣйствовало смягченію коммерческихъ кризисовъ или задержкѣ ихъ интенсификаціи, какъ паденіе рентъ и цѣнъ на жизненныя средства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАДАЧИ и ВОЗМОЖНОСТИ для СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

а) Политическія и экономическія предпосылки соціализма.

Если предложить нѣкоторому числу людей, къ какому бы классу или партіи они не принадлежали, дать въ сжатой формѣ опредѣленіе соціализма, то большинство ихъ окажется въ нѣкоторомъ затрудненіи. Кто не хочетъ повторять наобумъ слышанныя фразы, тотъ долженъ прежде всего уяснить себѣ, какого рода опредѣленія отъ него требуютъ,—опредѣленія ли состоянія, или движенія, знанія или цѣли. Если мы обратимся къ самой литературѣ соціализма, то и здѣсь мы натолкнемся на весьма различныя, относящіяся въ той или другой изъ названныхъ категорій толкованій этого понятія, начиная отъ выведенія его изъ правовыхъ представленій (равенство, справедливость) или суммарнаго обозначенія его, какъ науки объ обществѣ, и кончая отожествленіемъ съ классовой борьбою рабочихъ въ современномъ обществѣ и заявленіемъ, что соціализмъ—это кооперативное хозяйство. Иной разъ въ основѣ этихъ разнообразныхъ объясненій лежатъ совершенно различныя концепціи, но въ большинствѣ случаевъ они лишь результаты разсмотрѣнія или представленія одной и той же вещи съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Самымъ точнымъ опредѣленіемъ соціализма будетъ во всякомъ случаѣ то, которое исходитъ изъ мысли о коопераціи, такъ какъ этимъ одновременно выразится отношеніе какъ

хозяйственное, такъ и правовое. Не требуется никакихъ пространныхъ доказательствъ, чтобъ убѣдиться, что характеристика послѣдняго здѣсь столь же важна, какъ и характеристика формъ хозяйства. Совершенно независимо отъ вопроса, представляетъ ли право — и въ какомъ смыслѣ — первичный или вторичный факторъ общественной жизни, несомнѣнно всетаки, что оно даетъ наиболѣе концентрированную картину ея характера. Мы обозначаемъ общественныя формы не по ихъ технологической или экономической основѣ, а по основному принципу ихъ правовыхъ учрежденій. Мы говоримъ, правда, о каменномъ вѣкѣ, о бронзовомъ вѣкѣ, о вѣкѣ машинъ, электричества и пр., но относительно общественныхъ формъ мы говоримъ: феодальныя, капиталистическія, буржуазныя и пр. Этому соотвѣтствуетъ опредѣленіе соціализма, какъ движенія по направленію къ кооперативному общественному строю или наличности такого строя. Въ этомъ смыслѣ онъ и будетъ употребляться въ нижеслѣдующемъ.

Итакъ, каковы условія осуществленія соціализма? Историческій матеріализмъ видитъ ихъ прежде всего въ развитіи современнаго производства. Съ распространеніемъ крупнокапиталистическихъ предпріятій въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ возникаетъ прочная и постоянно крѣпнущая матеріальная основа стремленія къ соціалистическому перевороту. Въ этихъ предпріятіяхъ производство организовано уже общественно; только руководительство — индивидуально и прибыль присваивается отдѣльными людьми не на основаніи ихъ труда, а на основаніи доли ихъ капитала. Трудящійся рабочій отрѣшенъ отъ собственности на орудія производства, онъ стоитъ въ зависимомъ положеніи наемнаго работника; онъ во всю жизнь не освобождается отъ этого положенія и это иго усиливается вслѣдствіе необезпеченности, связанной съ этой зависимостью отъ предпринимателя, равно какъ и съ колебаніями въ промышленной жизни, — слѣдствіемъ анархіи въ производствѣ. Какъ само производство, такъ и условія существованія прозводителей толкаютъ въ сторону обобществленія и кооперативной организаціи труда. Какъ только этотъ процессъ разовьется въ достаточной степени, осуществленіе соціализма станетъ неотложной потребностью общества въ его дальнѣйшемъ движеніи. Осуществленіе этого есть дѣло класса проле-

таріата, организованнаго въ партію, которая въ видахъ этого должна завоевать политическую власть.

Мы имѣемъ, слѣд., въ качествѣ перваго условія всеобщаго осуществленія соціализма, опредѣленную высоту капиталистическаго развитія, а въ качествѣ второго, — политическое господство классовой партіи рабочихъ, соціалъ-демократіи. Форма этого господства въ переходный періодъ, по Марксу, есть диктатура пролетаріата.

Что касается перваго изъ этихъ условій, то уже въ главѣ о категоріяхъ предпріятій въ производствѣ и распредѣленіи показано было, что если крупное производство въ промышленности нынче, фактически, преобладаетъ уже, то оно, включая и зависящія отъ него предпріятія, даже въ такой высоко развитой странѣ, какъ Пруссія, представляетъ лишь, самое большее, половину занятаго въ производствѣ населенія. Картина нисколько не измѣняется, если взять цифры для всей Германіи, и положеніе дѣлъ въ Англіи, наиболѣе промышленной странѣ Европы, весьма мало отличается отъ нея. Въ прочихъ странахъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Бельгіи, отношеніе крупнаго производства къ мелкому и среднему еще менѣе благопріятно. Въ сельскомъ же хозяйствѣ мы не только видимъ вездѣ, что мелкое и среднее производство значительно преобладаетъ по сравненію съ крупнымъ, но что оно даже въ состояніи упрочить свое положеніе. Въ торговлѣ взаимоотношеніе группъ предпріятій такое же

Что картина, которую голыя цифры промышленной статистики даютъ намъ, нуждается при ближайшемъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ ея частей въ поправкѣ, указано было въ свое время мною самимъ въ статьѣ о „Теоріи катастрофы", послѣ того, какъ я уже въ предыдущихъ статьяхъ серіи: „Проблемы соціализма" подчеркнулъ, что число лицъ, занятыхъ въ какомъ-нибудь предпріятіи, не служитъ еще безошибочнымъ указаніемъ, въ какой степени оно является капиталистическимъ. Возраженія, которыя Парвусъ сдѣлалъ въ „Sächsische Arbeiterzeitung" противъ метода, какимъ я пользовался въ означенномъ мѣстѣ суммарными цифрами, касающимися различныхъ группъ предпріятій, не сказали принципіально ничего, чего бы я раньше многократно не говорилъ самъ, и совершенно не относятся къ дѣлу, разсматриваемому нами здѣсь, а именно, къ

вопросу о вѣроятности близкой экономической катастрофы*). Носитъ ли, среди сотенъ тысячъ мелкихъ предпріятій, нѣкоторое число ихъ капиталистическій характеръ и зависятъ ли другія всецѣло или отчасти отъ крупно-капиталистическихъ предпріятій, измѣняетъ общую картину, рисуемую статистикою предпріятій, не на много. Большое и все увеличивающееся многообразіе предпріятій, постепенное расчлененіе индустріи, этимъ нисколько не опровергается. Если вычеркнуть изъ списка четверть или даже половину всего числа мелкихъ предпріятій, какъ находя-

*) Я не намѣренъ дольше останавливаться на извращеніяхъ, которыя Парвусъ дѣлаетъ въ смыслѣ моихъ замѣчаній, ни на причудливыя антитезы (извозчики, желѣзныя дороги и др.), которыми онъ пытается сдѣлать смѣшнымъ мое указаніе на сравнительную крѣпость мелкихъ и среднихъ предпріятій. Они въ первую минуту могли меня раздражать, такъ какъ исходили отъ человѣка, отъ котораго я ждалъ лучшаго, но серьезнаго опроверженія они не стоятъ.

Но на основаніи указанныхъ въ текстѣ соображеній я не могу придавать значенія для своего тезиса также и тѣмъ фактамъ, которые Генрихъ Куновъ приводитъ противъ меня въ своей вполнѣ серьезной и дѣловой статьѣ о теоріи катастрофы. Что то, что онъ говоритъ тамъ относительно банковъ и торговыхъ агентуръ, мнѣ не было безызвѣстно, онъ повѣритъ мнѣ, если узнаетъ, что я самъ много лѣтъ занимался въ банкахъ и знакомъ также и съ оптовой торговлей изъ опыта. И что касается до подчиненныхъ и филіальныхъ предпріятій въ промышленности, то я самъ въ одной изъ прежнихъ моихъ статей о „проблемахъ соціализма" писалъ: „Подобное подчиненное предпріятіе, которое, быть можетъ, работаетъ съ большимъ постояннымъ и незначительнымъ перемѣннымъ капиталомъ, заносится, такимъ образомъ, согласно принятымъ пріемамъ имперской статистики въ категорію мелкихъ фабрикъ или даже ремесленныхъ заведеній, въ то время какъ оно въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ фабричному типу. . . . Мы можемъ смѣло предположить, что ремесленныя мастерскія и мелкія фабричныя предпріятія представлены въ промышленной статистикѣ гораздо болѣе высокими цифрами, нежели онѣ представляютъ на дѣлѣ". („Neue Zeit", XV. I. стр. 308); а относительно земледѣлія сказано: „Площадь можетъ быть довольно незначительна и все же служитъ основою капиталистическаго хозяйства. Статистика, покоящаяся на размѣрахъ хозяйствъ, все меньше и меньше говоритъ объ ихъ экономическомъ характерѣ" (тамъ же стр 380). Тоже и въ статьѣ о „теоріи катастрофы" стр. 552, XVI, I, по поводу цифръ въ торговой статистикѣ.

щихся въ зависимости отъ среднихъ и крупныхъ, то и тогда въ Германіи въ одной промышленности останется милліонъ предпріятій, начиная отъ гигантскихъ капиталистическихъ и кончая, черезъ все расширяющіеся слои сотнями тысячъ мелко-ремесленныхъ заведеній, которыя хотя и уплачиваютъ медленно свою дань процессу концентраціи, все-таки далеко еще не обнаруживаютъ даже тѣни желанія исчезнуть съ лица земли. Въ добавленіе къ цифрамъ, приведеннымъ нами по этому поводу во второмъ отдѣлѣ третьей главы можно еще упомянуть на основаніи статистики строительныхъ промысловъ, что съ 1882 до 1895 гг. число самостоятельныхъ хозяевъ увеличилось въ нихъ съ 146,175 на 177,015, а число рабочихъ съ 580,121 на 777,705, что хотя и указываетъ на нѣкоторое увеличеніе средняго числа зависящихъ лицъ въ предпріятіи (съ 3,97 на 4,37), всего менѣе означаетъ регрессъ ремесленныхъ предпріятій *).

Поскольку, слѣд., централизованная форма предпріятій составляетъ условіе соціализаціи производства и распредѣленія, эта форма сама еще является въ наиболѣе развитыхъ странахъ Европы лишь частнымъ факторомъ, такъ что если бы въ Германіи государство захотѣло въ ближайшемъ будущемъ экспропріировать, въ видахъ ли полнаго личнаго завѣдыванія, или частичной отдачи на откупъ, всѣ предпріятія изъ двадцати, скажемъ, человѣкъ и выше, то въ торговлѣ и промышленности все еще оставались бы сотни тысячъ предпріятій съ четырьмя слишкомъ милліонами рабочихъ, которыя продолжались бы вестись на частно-хозяйственныхъ началахъ. Въ земледѣліи же, если бы всѣ хозяйства, превышающія двадцать гектаровъ, сдѣлались государственной собственностью,—о чемъ, конечно, никто не мечтаетъ—оставалось бы больше пяти милліоновъ предпріятій частно-хозяйственнаго характера съ девятью милліонами рабочихъ. Относительно же величины задачи, которая представилась бы государству или государствамъ съ экспропріаціей вышеупомянутыхъ предпріятій, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе на основаніи того,

---

*) Ср. Шмеле: „Die Sozialdemokratischen Gewerkschaften in Deutschland“, вторая часть, первый томъ, стр. 1 и слѣд., гдѣ указываются также и тѣневыя стороны мелкаго предпринимательства въ строительномъ промыслѣ.

что въ области промышленности и торговли дѣло идетъ о нѣсколькихъ ста тысячахъ предпріятій съ 5—6 милл. рабочихъ и служащихъ, а въ земледѣліи — о трехъ стахъ съ лишними тысячахъ хозяйствъ съ пятью милліонами рабочихъ рукъ. Какимъ пониманіемъ, знаніемъ дѣла, организаціоннымъ талантомъ должно обладать правительство или національное собраніе, чтобы умѣть управляться хотя бы съ верховнымъ надзоромъ или хозяйственнымъ контролемъ такого гигантскаго организма!

Быть можетъ, укажутъ на большое число интеллигентовъ, которые существуютъ благодаря современному развитію и которые въ переходную эпоху съ удовольствіемъ предложатъ свои услуги. Въ стремленіяхъ и добрыхъ желаніяхъ этого общественнаго слоя я нисколько не сомнѣваюсь; я указывалъ на нихъ уже 18 лѣтъ тому назадъ. Но опасность кроется здѣсь именно въ embarras de richesses, и то, чего не въ состояніи добиться злая воля противниковъ, весьма легко можетъ произойти благодаря доброй волѣ легіоновъ лучшихъ друзей. Добрая воля даже въ нормальныя времена является сомнительнымъ совѣтчикомъ.

Но оставимъ пока этотъ вопросъ въ сторонѣ и констатируемъ прежде всего тотъ фактъ, что для соціализаціи производства и распредѣленія матеріальное условіе — значительная централизація предпріятій—дано лишь отчасти.

Второе условіе, по ученію Маркса, составляетъ завоевываніе политической власти пролетаріатомъ. Можно представить себѣ это завоеваніе различно: путемъ парламентской борьбы— посредствомъ использованія права голоса при выборахъ и другихъ законныхъ пріемовъ — или путемъ насилія посредствомъ революціи *).

Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ вплоть до довольно послѣдняго возраста считали послѣдній путь почти неизбѣжнымъ повсюду, и многимъ различнымъ послѣдователямъ Маркса

*) „Революція“ употребляется здѣсь и далѣе исключительно въ политическомъ значеніи этого слова, какъ равнозначащаяся съ возстаніемъ, т. е. внѣ-законнымъ насиліемъ. Для принципіальнаго же измѣненія общественнаго строя будетъ употребляться слово: „соціальная реорганизація“.—Цѣль этого различенія—исключить всѣ недоразумѣнія и двусмысленности.

онъ и теперь кажется неизбѣжнымъ. Очень часто принимается онъ и за кратчайшій *).

Къ этому приводитъ прежде всего то представленіе, что рабочій классъ—самый многочисленный классъ и, въ качествѣ неимущаго, также и самый энергичный классъ въ обществѣ. Разъ овладѣвъ властью, онъ не успокоится уже до тѣхъ поръ, покуда не замѣститъ основанія теперешней системы такими порядками, что возрожденіе его сдѣлается вещью невозможною.

Мы упоминали уже, что Марксъ и Энгельсъ, при созданіи своей теоріи о диктатурѣ пролетаріата, имѣли въ виду, какъ типическій примѣръ, эпоху террора во французской революціи. Еще въ Анти-Дюрингѣ Энгельсъ называетъ въ высшей степени

---

*) „Но для кого это можетъ быть не ясно, что для большихъ городовъ, гдѣ рабочіе образуютъ подавляющее большинство, разъ они стали бы неограниченными хозяевами государственной власти, администраціи и законодательства, экономическая революція была бы вопросомъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ,—пожалуй даже недѣль?“ (Жюль Гэдъ, „18-е марта (1871) въ провинціи“. „Zukunft“ 1877 г. стр. 87).

„Но мы говоримъ: дайте намъ на полъ-года правительственную власть, и капиталистическое общество принадлежитъ исторіи“. (Парвусъ въ „Sachsische Arbeiterzeitung“ отъ 6 марта 1898).

Послѣдняя фраза стоитъ въ концѣ статьи, гдѣ, между прочимъ, доказывается, что даже послѣ того, какъ соціалъ-революціонное правительство взяло бы на себя регулированіе всего производства, замѣна товарнаго обращенія какою-нибудь искусственно придуманною системою обмѣна была бы невозможна. Другими словами, Парвусъ, который серьезно занимался политической экономіей, съ одной стороны видитъ, что „товарное обращеніе такъ внѣдрилось во всѣ отношенія хозяйственной жизни, что не можетъ быть вытѣснено никакой искусственно придуманной системою обмѣна“, и вопреки этому убѣжденію, которое съ давнихъ поръ и мое (оно выражено уже въ статьѣ о „Соціалъ-политическомъ значеніи пространства и числа“, но будетъ болѣе подробно разработано въ одной изъ ближайшихъ статей серіи „Проблемъ соціализма“), онъ уговариваетъ себя, что соціалъ-революціонное правительство можетъ при данномъ расчлененіи хозяйства „регулировать“ все производство и въ какіе-нибудь полгода вырвать съ самымъ корнемъ выросшую изъ товарнаго производства и тѣсно съ нимъ связанную капиталистическую систему. Читатель видитъ, въ какихъ политическихъ младенцевъ культъ физической силы можетъ превратить даже освѣдомленныхъ людей.

геніальнымъ открытіемъ Сенъ-Симона то, что онъ въ 1802 г. увидѣлъ въ господствѣ террора господство неимущихъ массъ. Это довольно-таки преувеличенная оцѣнка; но какъ бы высоко не ставить это открытіе, вліяніе господства неимущихъ удостаивается у Сенъ Симона не лучшей почти участи, чѣмъ у осуждаемаго нынѣ, какъ архибуржуа, Шиллера. Санкюлоты 1793 г. способны были лишь на то, чтобы превзойти въ бойняхъ другихъ. Они могли властвовать, лишь пока продолжался терроръ. Какъ только онъ исчерпался, — какъ онъ долженъ былъ исчерпаться,—ихъ власть также пришла къ концу. По мнѣнію Маркса и Энгельса, такой опасности для современнаго пролетаріата не было бы. Но что представляетъ изъ себя современный пролетаріатъ?

Если сосчитать всѣхъ неимущихъ, всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ дохода ни съ имущества, ни въ силу привилегированнаго положенія, то онъ, конечно, составитъ абсолютное большинство населенія въ передовыхъ странахъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ „пролетаріатъ“ представитъ изъ себя смѣсь чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ или слоевъ, которые еще больше разнятся между собою, нежели „народъ“ 1789 г. и которые хотя, при существующихъ отношеніяхъ собственности, имѣютъ больше общихъ или, по крайней мѣрѣ, одинаковыхъ интересовъ, нежели противоположныхъ, однако, по устраненіи или экспропріаціи нынѣшнихъ имущихъ и господствующихъ классовъ, весьма скоро сознаютъ различіе своихъ потребностей и интересовъ.

Я уже по другому поводу имѣлъ случай замѣтить, что современный наемный рабочій классъ не представляетъ той однородной, въ одинаковой мѣрѣ отрѣшенной отъ собственности, семьи и пр. массы, какую предвидѣлъ Коммунистическій Манифестъ, а что именно въ наиболѣе развитыхъ фабричныхъ индустріяхъ господствуетъ цѣлая іерархія дифференцированныхъ рабочихъ, между группами которыхъ царитъ лишь весьма умѣренное чувство солидарности. Въ этомъ замѣчаніи Г. Куновъ въ вышеупомянутой статьѣ видитъ подтвержденіе того, что я, когда даже говорю въ общемъ, имѣю будто бы въ виду спеціально англійскія обстоятельства. Въ Германіи-де и другихъ культурныхъ странахъ континента нѣтъ такой отрѣшенности лучше оплачиваемыхъ рабочихъ отъ революціоннаго движенія, какъ въ Англіи. Въ противоположность послѣдней, лучше

оплачиваемые рабочіе стоятъ во главѣ классовой борьбы. Англійскій кастовый духъ не есть результатъ современной соціальной дифференціаціи, а духовное наслѣдіе прежнихъ цеховъ и гильдій и примыкающаго къ ихъ формамъ стараго трэдъюніонистическаго движенія.

Опять я долженъ Кунову отвѣтить, что то, что онъ мнѣ говоритъ, нисколько для меня не ново,—ни ново, поскольку оно вѣрно, ни ново (т. е. чему я и въ свое время не вѣрилъ), по скольку оно невѣрно. Невѣрно, напр., то, что говорится въ концѣ. Теорія, связывающая англійскіе профессіональные союзы съ цехами, покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ. Она упускаетъ изъ виду, что, кромѣ какъ въ Лондонѣ, цехи въ Англіи были уже экспропріированы реформаціей, и что именно въ Лондонѣ трэдъюніонистическому движенію никогда не удалось стать особенной силой, — въ чемъ, конечно, существующія тамъ и понынѣ гильдіи совершенно неповинны. Если англійскому трэдъюніонистическому движенію и присуща нѣкоторая цеховая черта, то она гораздо меньше представляетъ изъ себя наслѣдіе стараго цеховаго строя, который въ Германіи, во всякомъ случаѣ, просуществовалъ гораздо дольше, чѣмъ въ Англіи, нежели продуктъ, главнымъ образомъ, англо-саксонской **свободы**, т. е. того обстоятельства, что англійскій рабочій никогда, ни даже въ періодъ запрещенія коалицій, не состоялъ подъ ферулою полицейскаго государства. При свободѣ развивается сознаніе обособленности или, выражаясь со Штирнеромъ, **Eigenheit**. Оно не исключаетъ признанія другихъ и всеобщихъ интересовъ, но легко становится причиною нѣкоторой угловатости, которая кажется жесткой и узко-сердечною даже тамъ, гдѣ она выступаетъ одностороннею лишь по формѣ. Я, конечно, не хочу умалять нѣмецкаго рабочаго, и вполнѣ умѣю цѣнить идеализмъ, который, напр., въ теченіе десятилѣтій вдохновлялъ гамбургскихъ рабочихъ на подвиги въ пользу общаго дѣла освобожденія пролетаріата, которые не имѣютъ себѣ равныхъ въ исторіи рабочаго движенія. Тѣмъ не менѣе, насколько я знакомъ съ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ и имѣю возможность слѣдить за нимъ, вліянія описанной промысловой дифференціаціи сказываются и въ немъ. Спеціальныя обстоятельства, какъ перевѣсъ политическаго движенія, искусственное подавленіе профессіональныхъ союзовъ, и тотъ фактъ, что различія въ высотѣ

платы и рабочемъ времени въ Германіи вообще менѣе значительны, нежели въ Англіи, мѣшаютъ этимъ вліяніямъ выступить съ особенной рѣзкостью. Но кто внимательно слѣдитъ за органами нѣмецкаго трэдъ-юніонистическаго движенія, тотъ найдетъ достаточно фактовъ, подтверждающихъ сказанное мною. Я не хочу называть примѣры, хотя я много знаю такихъ, и нѣкоторые даже со времени моей дѣятельности въ Германіи. Я прибавлю поэтому еще лишь слѣдующее.

Профессіональные союзы не создаютъ этого явленія, а лишь вызываютъ его на поверхность, какъ неизбѣжный результатъ фактическихъ различій. Оно иначе и не можетъ быть, какъ чтобы существенныя различія въ занятіяхъ и доходностяхъ не вызвали въ концѣ концовъ и разнаго образа жизни и различныхъ требованій жизни. Искусный механикъ и рабочій въ каменноугольныхъ копяхъ, декораторъ и носильщикъ, скульпторъ или модельщикъ и кочегаръ ведутъ, вообще говоря, совершенно различный образъ жизни и имѣютъ весьма различныя потребности. Тамъ, гдѣ борьба за положеніе въ жизни не ведетъ ни къ какимъ столкновеніямъ между ними, тотъ фактъ, что они всѣ наемные рабочіе, можетъ изгнать изъ мысли эти различія, и сознаніе, что они ведутъ одинаковую борьбу съ капиталомъ, можетъ вызвать живую взаимную симпатію. Въ послѣдней нѣтъ недостатка и въ Англіи; наиболѣе аристократическіе изъ аристократическихъ трэдъ-юніонистовъ часто ее обнаруживали по отношенію къ плохо оплачиваемымъ рабочимъ и многіе изъ нихъ въ политикѣ если не соціалисты, то, по крайней мѣрѣ, хорошіе демократы *). Но между такой политической или соціалъ-политической симпатіей и экономической солидарностью — еще большая разница, которую сильное политическое и экономическое давленіе можетъ нейтрализовать, но которая по мѣрѣ того, какъ спадаетъ это давленіе, неизбѣжно выплываетъ, подъ той или другой формой, на поверхность. Большая ошибка думать, что Англія въ этомъ отношеніи принципіально составляетъ исключеніе. Въ другой формѣ тоже явленіе обнаруживается въ настоящее время во Франціи; подобнымъ же

*) Въ соціалистическомъ движеніи Англіи, какъ и повсюду, ядро составляютъ лучше оплачиваемые, т. е. искусные, болѣе развитые духовно рабочіе. Въ членскихъ собраніяхъ соціалистическихъ ферейновъ найдется лишь весьма мало такъ называемыхъ неквалифицированныхъ рабочихъ.

образомъ, въ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и, какъ я говорилъ, до извѣстной степени и въ Германіи.

Но если принять, что эта дифференціація въ промышленномъ рабочемъ классѣ не всегда оказываетъ или даже вовсе не оказываетъ вліянія на образъ мыслей этихъ рабочихъ, то промышленные рабочіе, вѣдь, составляютъ повсюду меньшинство населенія: въ Германіи, напр., вмѣстѣ съ работающими на дому они едва составляютъ семь милліоновъ изъ 19-ти, экономически-самостоятельныхъ лицъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще служащихъ по технической и т. п. части, служащихъ въ конторахъ, сельскихъ рабочихъ и пр.

Здѣсь повсюду дифференціація еще рѣзче выражена, о чемъ ничто такъ ясно не свидѣтельствуетъ, какъ скорбная исторія движеній, имѣвшихъ цѣлью организовать эти категоріи въ профессіональные союзы. Вообще, нѣтъ ничего ошибочнѣе, чѣмъ на основаніи извѣстнаго формальнаго сходства положенія выводить одинаковость образа дѣйствія на дѣлѣ. Служащій въ какой-нибудь торговой фирмѣ стоитъ по отношенію къ своему патрону формально въ томъ же положеніи, что и промышленный рабочій по отношенію къ своему работодателю, а все же, за исключеніемъ низшаго персонала крупныхъ домовъ, онъ будетъ чувствовать себя соціально ближе къ нему, нежели послѣдній—къ своему, не смотря на то, что разница въ доходахъ очень часто значительнѣе. Въ деревняхъ, опять-таки, въ мелкихъ хозяйствахъ образъ жизни и трудъ крестьянина и работника слишкомъ одинаковы, въ большинствѣ среднихъ—дифференціація труда слишкомъ велика, а персоналъ слишкомъ невеликъ, чтобы давать просторъ классовой борьбѣ въ смыслѣ борьбы городскихъ рабочихъ. О какомъ-нибудь развитомъ чувствѣ солидарности между постояннымъ работникомъ, поденщикомъ и пастушкомъ едва ли можетъ быть рѣчь. Остаются, стало быть, крупныя помѣстья, но они, какъ мы видѣли, вездѣ составляютъ меньшинство сельскихъ хозяйствъ, въ которыхъ къ тому еще также существуетъ достаточно принципіальныхъ различій въ трудовыхъ отношеніяхъ разныхъ группъ персонала къ предпринимателю. Совершенно неумѣстно приравнивать къ индустріальнымъ рабочимъ въ смыслѣ соціальныхъ стремленій тѣ 5,6 милліоновъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которые констатируетъ нѣмецкая промышленная статистика по вычетѣ высшаго служащаго персонала, въ родѣ экономовъ и пр.

Лишь у весьма, весьма незначительной части можно встрѣтить серьезное сочувствіе и пониманіе подобныхъ стремленій, идущихъ дальше простого улучшенія условій труда. Для громаднаго большинства ихъ обобществленіе сельско-хозяйственнаго производства можетъ быть лишь немногимъ больше, чѣмъ пустой звукъ. Ихъ идеалъ покамѣстъ все еще заключается въ обладаніи поземельной собственностью.

Въ то же время и стремленіе промышленныхъ рабочихъ къ соціалистическому производству въ значительной степени представляетъ еще больше предположеніе, нежели фактъ. На основаніи роста числа соціалистическихъ голосовъ на выборахъ можно, дѣйствительно, вывести постоянное увеличеніе числа лицъ, симпатизирующихъ соціалистическимъ стремленіямъ; тѣмъ не менѣе никто не станетъ утверждать, что всѣ соціалистическіе голоса исходятъ отъ соціалистовъ. И даже если принять, что несоціалистическіе и непролетарскіе избиратели, подавшіе свой голосъ за соціалъ-демократовъ, уравновѣшиваются тѣми взрослыми соціалистическими рабочими, которые не обладаютъ еще правомъ голоса, то въ Германіи, гдѣ соціалъ-демократія сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, противъ 4,5 мил. взрослыхъ рабочихъ въ промышленности, къ которымъ надобно прибавить еще съ полъ милліона взрослыхъ служащихъ въ торговлѣ, стоятъ все-таки лишь 2,1 мил. соціалистическихъ избирателей. Больше половины индустріальнаго рабочаго класса Германіи относится еще равнодушно, отчасти же даже враждебно.

Кромѣ того, избирательные голоса, поданные за соціалистовъ, являются, прежде всего, выраженіемъ скорѣе неопредѣленныхъ желаній, нежели опредѣленныхъ намѣреній. Въ положительной работѣ за соціалистическую эмансипацію принимаетъ участіе гораздо меньшій процентъ рабочаго класса. Трэдъ-юніонистическое движеніе въ Германіи обнаруживаетъ отрадный прогрессъ. Все же къ концу 1897 г. оно насчитывало въ своихъ рядахъ лишь 420 тысячъ человѣкъ въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ число рабочихъ доходитъ до 6.165,735. (См. „Korrespondenzblatt der Generalkomission der Gewerkschaften Deutschlands“ отъ 1 го и 8-го августа 1898 г.). Если причислить къ нимъ еще, въ круглыхъ цифрахъ, 80 тысячъ членовъ профессіональныхъ союзовъ Гирша, то въ означенныхъ промыслахъ отношеніе организованныхъ

рабочихъ къ неорганизованнымъ будетъ какъ 1 къ 11 *). Число же политически организованныхъ рабочихъ Германіи, за вычетомъ тѣхъ, которые состоятъ одновременно членами профессіональныхъ союзовъ, врядъ ли будетъ выше 200 тысячъ, и если мы присчитаемъ еще столько же рабочихъ, которымъ лишь независящія отъ ихъ воли обстоятельства мѣшаютъ принять то или другое активное участіе въ политической или экономической борьбѣ, то мы получимъ въ общемъ около 900 тысячъ рабочихъ, которые проявляютъ на дѣлѣ живой интересъ въ освободительномъ движеніи своего класса. Они составляютъ 40% соціалъ-демократическихъ избирателей. Межъ тѣмъ, изъ 5½ мил. голосовъ, поданныхъ за несоціалистическихъ кандидатовъ, можно въ настоящее время смѣло отнести отъ одной четверти до одной трети къ сознательнымъ, проникнутымъ **классовымъ** сознаніемъ противникамъ соціалъ-демократіи, что составляетъ почти двойное число душъ.

Я отлично знаю, какое относительное значеніе имѣютъ данныя, подобныя приведеннымъ, гдѣ, напр., совсѣмъ упускается изъ виду важный моментъ мѣстнаго распредѣленія и соціалъ-политическаго значенія группъ. Но дѣло идетъ вѣдь лишь объ отысканіи приблизительно годнаго масштаба для оцѣнки взаимоотношенія массъ тѣхъ элементовъ, у которыхъ предполагающаяся теоріей склонность къ соціализму успѣла вызвать больше, нежели просто случайное и неопредѣленное выраженіе. Что сказать, напр., о таблицѣ соціальныхъ борющихся силъ, составленной на основаніи внѣшнихъ признаковъ, которою Парвусъ въ седьмой своей статьѣ думалъ опровергнуть меня? Какъ будто большой численный перевѣсъ неимущихъ надъ собственниками, который онъ тамъ выставляетъ, былъ кому бы то ни было неизвѣстенъ и вообще составлялъ новый историческій фактъ! И все же нашлись такія соціалистическія газеты, которыя изъ сопоставленія исчисленной Парвусомъ 15 милліонной „арміи пролетаріата“ съ „арміей капитала“, насчитывающей лишь 1,6 мил. (вмѣстѣ съ 3 мил. мелкихъ крестьянъ и ремеслен-

*) Впрочемъ, въ пяти промыслахъ было уже организовано больше трети рабочихъ, а именно, переплетчиковъ 61,8%, скульпторовъ 55,5%, портовыхъ рабочихъ 38%, мѣдниковъ 33,6%, перчаточниковъ 31,7%, всего числа занятыхъ. За ними слѣдуютъ литографы съ 21,8% и рабочіе на фаянсовыхъ фабрикахъ съ 21% всѣхъ занятыхъ.

никовъ, „разоренныхъ капиталомъ“, но еще не вошедшихъ въ пролетаріатъ, и 820 тыс. лицъ, существующихъ сравнительно независимо отъ капитала), выводили близость соціальной революціи. Чисто-азіатское хладнокровіе съ какимъ Парвусъ зачисляетъ въ „армію пролетаріата“ 5,6 мил. лицъ, занятыхъ, согласно промысловой статистикѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, блѣднѣетъ лишь передъ тѣмъ безстрашіемъ, которое позволяетъ ему придумать два милліона „торговыхъ пролетаріевъ“ *). Даже согласившись, что всѣ эти элементы съ восторгомъ привѣтствовали бы революцію, которая привела бы соціалистовъ къ кромилу власти, мы еще не видимъ, чтобъ этимъ хоть сколько-нибудь разрѣшалась основная задача.

О томъ, чтобы государство немедленно взяло на себя все совокупное производство и распредѣленіе продуктовъ, не можетъ быть и рѣчи. Объ этомъ, кажется, не должно и спорить. Государство не въ состояніи было бы взять на себя всю массу среднихъ и крупныхъ предпріятій. Но и общины, какъ посредствующіе члены, мало чѣмъ могли бы помочь. Онѣ могутъ, конечно, превратить въ коммунальныя тѣ предпріятія, которыя производятъ и работаютъ на мѣстѣ и для мѣстнаго потребленія, и этимъ онѣ уже достаточно завалятъ себя работою. Но неужели можно себѣ представить, чтобы тѣ предпріятія, которыя до сихъ поръ работали для большого рынка, также могли внезапно перейти въ завѣдываніе коммуны?

Если даже взять только средній промышленный городъ,—

---

*) Цифры промысловой статистики въ торговлѣ суть:

Самостоятельныхъ и управляющихъ . .	843,556
Купеческій персоналъ	261,907
Комми-вояжеры, домашняя прислуга, извозчики и участвующіе въ дѣлѣ члены семьи.	1 233,045
Всего . .	2.338,508

При всемъ томъ Парвусъ со своей таблицей имѣетъ предшественниковъ. Въ „Zukunft“ Гехберга г. К. А. Шраммъ исчислялъ въ 1877 г., на основаніи обнародованныхъ тогда данныхъ прусской статистики занятій, „соціалистическій контингентъ“ въ 85% населенія Пруссіи — 4,6 мил. потенціальныхъ приверженцевъ соціализма противъ 992.000 классовыхъ противниковъ („Zukunft“, стр. 186 и слѣд.). Только Шраммъ не выводилъ изъ этихъ цифръ смѣлой морали, какъ Парвусъ.

скажемъ, Аугсбургъ, Барменъ, Дортмундъ, Ганау, Маннгеймъ и т. д.,—то ни одинъ человѣкъ не будетъ настолько глупъ, чтобы предположить, что тамошнія коммуны въ состояніи, въ періодъ политическаго кризиса или въ другое время, взять въ свое собственное завѣдываніе всѣ многоразличныя фабричныя и торговыя предпріятія этихъ мѣстъ и вести ихъ съ успѣхомъ. Онѣ либо оставили бы ихъ въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ, либо, если уже надо обязательно экспропріировать послѣднихъ, передали бы дѣла рабочимъ кооперацiямъ на какихъ-нибудь арендныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ сводится фактически къ вопросу объ экономическомъ значеніи коопераціи.

б) Возможное значеніе хозяйственныхъ кооперацій.

Вопросъ о возможномъ значеніи кооперативныхъ обществъ затрагивался въ марксистской литературѣ до сихъ поръ лишь мимоходомъ. За исключеніемъ литературы 60-хъ годовъ и нѣсколькихъ статей Каутскаго, въ ней можно найти относительно коопераціи весьма мало, кромѣ самыхъ общихъ, большею частью отрицательныхъ замѣчаній.

За причинами этого игнорированія ходитъ недалеко.

Прежде всего, марксистская практика, имѣя своей задачей завоевать политическую власть, носитъ, по преимуществу, политическій характеръ, и рядомъ съ этимъ придаетъ принципіальное значеніе, какъ непосредственной формѣ классовой борьбы рабочихъ, развѣ одному профессіональному движенію. Относительно же коопераціи Марксъ въ началѣ былъ того убѣжденія, что въ малыхъ размѣрахъ она безплодна и, самое большее, имѣетъ весьма ограниченное экспериментальное значеніе. Только при общихъ усиліяхъ и средствахъ можно что-нибудь начать. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и выражается въ „18-мъ брюмера“ *)

---

*) „Отчасти кидается онъ (пролетаріатъ) на доктринерскіе эксперименты, мѣновые банки и рабочія ассоціаціи, т. е. въ такое движеніе, которое отказывается преобразовать старый міръ при помощи его же собственныхъ великихъ общественныхъ средствъ“. („18-е брюмера“, стр. 8).

относительно рабочихъ ассоціацій. Позднѣе онъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на кооперативныя общества, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ резолюціи, предложенныя генеральнымъ совѣтомъ на усмотрѣніе женевскаго и лозанскаго конгресса Интернаціонала, равно какъ и исходящее, вѣроятно, отъ Маркса, но во всякомъ случаѣ имъ одобренное мѣсто въ „Возраженіи рабочаго“ Эккаріуса, гдѣ кооперативнымъ обществамъ придается то же значеніе провозвѣстниковъ будущаго, какое цехи имѣли въ Римѣ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, и, наконецъ, упомянутое уже выше мѣсто въ третьемъ томѣ „Капитала“, написанное въ ту же пору, что и вышесказанныя резолюціи и сочиненіе Эккаріуса, гдѣ подчеркивается значеніе коопераций, какъ переходныхъ формъ къ соціалистическому производству. Письмо, однако, о готскомъ проектѣ программы (1875) выражается уже опять болѣе скептически насчетъ кооперативныхъ обществъ, и этотъ скептицизмъ царитъ съ половины 70-хъ годовъ во всей марксистской соціалистической литературѣ.

Отчасти это можно объяснить дѣйствіемъ реакціи, которая наступила послѣ парижской коммуны и придала всему рабочему движенію совершенно другой, сосредоточенный почти исключительно на политикѣ характеръ, но отчасти также и дѣйствіемъ горькаго опыта, который повсюду имѣли съ кооперативными обществами. Окрыленныя надежды, которыя вызваны были расцвѣтомъ англійскаго кооперативнаго движенія, не осуществились. Для всѣхъ соціалистовъ 60-хъ годовъ настоящей коопераціей была производительная кооперація; потребительная же, въ лучшемъ случаѣ, принималась только, такъ сказать, въ придачу Но мнѣніе, которое и Энгельсъ выразилъ въ своихъ статьяхъ по квартирному вопросу, а именно, что распространеніе потребительныхъ обществъ непремѣнно привело бы къ пониженію заработной платы, взяло верхъ. Составленная Марксомъ резолюція женевскаго конгресса гласила:

„Мы совѣтуемъ рабочимъ заняться гораздо больше кооперативнымъ производствомъ нежели кооперативными лавками. Послѣднія касаются лишь поверхности современнаго экономическаго строя въ то время, какъ первое захватываетъ его основы... Дабы воспрепятствовать тому, чтобы кооперативныя общества не выродились въ обыкновенныя буржуазныя акціонер-

ныя компаніи, участвующіе въ нихъ рабочіе должны получать одинаковый пай, независимо отъ того, акціонеры ли они или нѣтъ. Въ качествѣ лишь временной мѣры допускается, чтобы акціонеры получали небольшой процентъ".

Но какъ разъ производительныя общества, основанныя въ 60-хъ годахъ, потерпѣли почти всюду фіаско: они должны были либо совсѣмъ прекратить свое существованіе, либо превратиться въ маленькія компаніи, которыя, если и не совсѣмъ такъ, какъ другія предпріятія, нанимали рабочихъ за плату, тѣмъ не менѣе едва прозябали. Потребительныя же общества, дѣйствительно, какъ будто стали какими-то лавченками. Неудивительно, что въ соціалистическихъ кругахъ кооперативное движеніе все больше и больше забрасывалось. Въ Германіи, гдѣ распря между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ и безъ того волновала еще умы, реакція была наиболѣе яркая. Сильная склонность къ утрированному государственному соціализму, которая замѣчается съ середины 70-хъ годовъ у значительной части нѣмецкой соціалъ-демократіи (а никакъ не у однихъ лассальянцевъ) и которая иной разъ находилась въ странномъ контрастѣ съ политическимъ радикализмомъ партіи, происходила въ значительной степени отъ печальнаго опыта съ кооперативными обществами. Банкротства коопераций, основанныхъ на началахъ самопомощи, теперь констатировались съ какимъ-то тріумфомъ. Въ готской программѣ и даже еще въ проектѣ ея требованію производительныхъ кооперативныхъ обществъ при поддержкѣ государства была придана импоссибилистическая форма. Критика, которую Марксъ въ своемъ письмѣ по поводу этой программы направилъ противъ данныхъ параграфовъ, касалась въ этомъ отношеніи больше формы выраженія, нежели мысли, лежавшей въ основѣ ея. Марксъ не зналъ, что именно „берлинскій Маратъ"—Гассельманъ, котораго онъ, главнымъ образомъ, дѣлалъ отвѣтственнымъ за эти параграфы, былъ насквозь бланкистъ И Гассельманъ, подобно Марксу, назвалъ бы рабочихъ, которые работали въ находившихся подъ покровительствомъ Бюше мастерскихъ, реакціонерами.

То, что у Маркса недостаетъ глубокой критики кооперативныхъ обществъ, произошло по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ моментъ, когда онъ писалъ, еще не было сдѣлано достаточно опыта съ различными формами кооперацій, чтобы

на основаніи его можно было формулировать опредѣленное мнѣніе. Совершенно негодными оказались лишь тѣ мѣновыя лавки, которыя принадлежали къ болѣе раннему періоду. Во-вторыхъ же, Марксъ вообще не относился къ кооперативнымъ обществамъ съ тѣмъ теоретическимъ безпристрастіемъ, которое дало возможность его теоретической прозорливости видѣть дальше средняго соціалиста, довольствовавшагося такими признаками, какъ кооперацiи рабочихъ и мелкихъ хозяевъ. Великой силѣ его анализа стояла тутъ на пути выработанная уже имъ доктрина или, если можно такъ выразиться, формула экспропріаціи. Кооперація была ему симпатична лишь въ той формѣ, гдѣ она представляла прямую противоположность капиталистическому предпріятію. Отсюда совѣтъ рабочимъ напирать на производительныя кооперативныя общества, такъ какъ эти общества „захватываютъ самыя основы“ существующей экономической системы. Это вполнѣ въ духѣ діалектики и соотвѣтствуетъ въ формальномъ отношеніи теоріи общества, исходящей изъ производства, какъ фактора, опредѣляющаго въ послѣднемъ счетѣ форму общества. Оно, повидимому, соотвѣтствуетъ также теоріи, усматривающей въ противоположности между обобществленнымъ уже трудомъ и частнымъ присвоеніемъ коренное, настоятельно требующее разрѣшенія противорѣчіе современной производственной формы. Производительное кооперативное общество является какъ бы практическимъ примиреніемъ этой противоположности въ предѣлахъ единичнаго предпріятія. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и думалъ относительно него, т. е. кооперативнаго общества того рода, гдѣ „рабочіе какъ ассоціація являются своимъ собственнымъ капиталистомъ“ (т. III, стр. 427), что если оно по необходимости и воспроизводитъ всѣ недостатки теперешней системы, то противоположность между капиталомъ и трудомъ въ немъ все-таки „положительнымъ образомъ“ элиминируется и оно является доказательствомъ ненужности капиталистическаго предпринимателя. Межъ тѣмъ, опытъ намъ съ тѣхъ поръ показалъ, что именно такимъ образомъ построенное промышленное производительное общество никогда не было въ состояніи и теперь еще не въ состояніи явить это доказательство, что оно—самая неудачная форма кооперативнаго труда и что Прудонъ по существу былъ вполнѣ правъ, когда онъ по поводу такихъ обществъ, въ противоположность

Луи-Блану, утверждалъ, что подобная ассоціація „не представляетъ изъ себя никакой экономической силы“ *).

Соціалъ-демократическая критика до сихъ поръ искала причинъ экономической неудачи чисто производительныхъ обществъ исключительно въ недостаткѣ капитала, кредита и сбыта и объясняла гибель распавшихся не по экономическимъ причинамъ кооперацій деморализующимъ вліяніемъ окружающаго ихъ капиталистическаго, т. е. индивидуалистическаго міра. Все это въ нѣкоторомъ смыслѣ вѣрно, но оно не исчерпываетъ вопроса. Относительно цѣлаго ряда производительныхъ обществъ, погибшихъ отъ финансовыхъ причинъ, несомнѣнно, что они обладали достаточными средствами производства и не встрѣчали въ дѣлѣ сбыта большихъ затрудненій, нежели средній предприниматель. Если бы производительная ассоціація вышеописаннаго характера дѣйствительно представляла изъ себя экономическую силу, высшую или хотя бы лишь равную капиталистическому предпріятію, то она должна была бы держаться и преуспѣвать, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ и многія частныя предпріятія, начатыя съ весьма скромными средствами, и не подпадать такъ плачевно подъ нравственное воздѣйствіе окружающаго капиталистическаго міра, какъ это съ нею многократно происходило. Исторія производительныхъ кооперативныхъ обществъ, погибшихъ не по финансовымъ причинамъ, говоритъ еще ярче противъ этой формы „республиканской фабрики“, нежели исторія обанкротившихся, ибо она показываетъ, что для первыхъ развитіе означаетъ всегда и повсюду исключительность и привилегію. Не только не захватили они коренныхъ основъ современнаго экономическаго строя, но они скорѣе доказали лишь его сравнительную крѣпость.

Напротивъ же того, потребительное общество, на которое соціалисты 60-хъ годовъ взирали съ такимъ пренебреженіемъ,

*) Если Прудонъ выступаетъ то рѣшительнымъ противникомъ, то защитникомъ ассоціацій, то это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что въ одномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду совершенно иную форму ассоціацій, нежели въ другомъ. Онъ отказывалъ существенно монополистической коопераціи то, что признавалъ за мутуалистической коопераціей, т. е. ассоціаціей, построенной на системѣ взаимности. Его критика, впрочемъ, больше интуитивна, нежели научна, и полна преувеличеній.

оказалось съ теченіемъ времени, дѣйствительно, экономической силою—организмомъ, въ высшей степени, эффективнымъ и способнымъ къ развитію. Въ противоположность жалкимъ цифрамъ, обнаруживаемымъ статистикою чисто производительныхъ обществъ, цифры рабочихъ потребительныхъ обществъ являются какъ бы хозяйствомъ міровой имперіи по сравненію съ хозяйствомъ провинціальнаго городка. И мастерскія, основанныя потребительными обществами и ведущіяся на ихъ счетъ, производятъ уже теперь во сто разъ, по крайней мѣрѣ, больше товаровъ, нежели чисто или приблизительно чисто производительныя общества*).

Болѣе глубокія причины экономическаго, равно какъ и нравственнаго распаденія чисто производительныхъ коопераций были мѣтко указаны, не смотря на нѣкоторыя преувеличенія тамъ и здѣсь г-жею Беатрисою Веббъ въ сочиненіи о британ-

---

*) Добыть цифровыя данныя для производительныхъ товариществъ этого послѣдняго рода чрезвычайно трудно, такъ какъ оффиціальныя статистики кооперативнаго производства не дѣлаютъ различія между ними и гораздо болѣе многочисленными и болѣе крупными рабочими акціонерными обществами въ цѣляхъ производства. По даннымъ британскаго департамента торговли въ 1897 г. цѣнность годового производства тѣхъ кооперативныхъ обществъ, которыя послали въ департаментъ отчетъ, составляла:

Потребит. обществъ въ собств. мастерскихъ	6,100,730	ф. ст.
Мельничныхъ коопераций	1,264,402	„ „
Ирландскихъ молочныхъ фермъ	358,147	„ „
Рабочихъ товарищ. въ цѣляхъ производства	1,625,940	„ „

Мельничныя коопераціи, въ числѣ 9-ти, имѣли 6,373 члена и занимали въ 1895/96 г. (данныхъ за 1897 г. у меня еще нѣтъ) 404 человѣка; ирландскія молочныя фермы и рабочія товарищества въ цѣляхъ производства, вмѣстѣ 214 союзовъ, имѣли 32,133 акціонера и, въ теченіе 95/96 г., 7,635 рабочихъ рукъ. Мы, вѣроятно, преувеличимъ, если скажемъ, что едва двадцатая часть рабочихъ товариществъ можетъ быть представлена, какъ такая, гдѣ занятые рабочіе являются, въ качествѣ ассоціаціи, своимъ собственнымъ капиталистомъ.

За то зарегистрованныя британскія рабочія потребительныя общества имѣли въ 1897 г.:

Членовъ	1,468,955	
Капитала	20,408,743	ф. ст.
Сбыта	56,632,450	„ „
Барыша	6,402,428	„ „

скихъ коопераціяхъ, выпущенномъ еще подъ ея дѣвичьемъ именемъ Поттеръ. Для г-жи Веббъ, какъ для громаднаго большинства англійскихъ кооператоровъ, товарищество, принадлежащее самимъ занятымъ въ немъ рабочимъ, является не соціалистическимъ или демократическимъ, а „индивидуалистическимъ“. Можно не согласиться съ терминомъ, но основная мысль совершенно правильная. Этотъ родъ кооперативныхъ обществъ, дѣйствительно, нисколько не соціалистическій, какъ уже, впрочемъ, объяснялъ Родбертусъ. Онъ именно тамъ, гдѣ рабочіе—исключительно хозяева, является въ устройствѣ живымъ противорѣчіемъ съ самимъ собою. Онъ предполагаетъ равенство въ мастерской, совершенную демократію, республику. Но какъ только онъ достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ, которые относительно могутъ быть еще очень скромны, равенство исчезаетъ, такъ какъ становятся необходимыми дифференціація функцій, а потому и подчиненіе. Если равенство упраздняется, то съ нимъ выпадаетъ краеугольный камень строенія, за нимъ съ теченіемъ времени слѣдуютъ и другіе камни и, наконецъ, наступаетъ разложеніе и превращеніе въ предпріятіе обыкновеннаго типа. Если же равенство удерживается насильно, то отрѣзывается возможность къ расширенію и дѣло остается при „карликовыхъ“ формахъ. Это—альтернатива всѣхъ чисто производительныхъ товариществъ, и въ этомъ столкновеніи всѣ они либо разбиваются, либо уродуются. Они не только не являются соотвѣтствующею современному крупному производству формою вытѣсненія капиталистовъ изъ предпріятій, но представляютъ скорѣе возвратъ къ до-капиталистическому производству Это до такой степени вѣрно, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда они имѣли сравнительный успѣхъ, они вернулись къ предпріятіямъ ремесленнаго типа, и большинство ихъ выпало не на Англію, гдѣ у рабочихъ преобладаетъ духъ крупной индустріи, а на въ сильной степени „мелко-буржуазную“ Францію. Психологи народовъ любятъ рисовать Англію какъ страну, гдѣ народъ ищетъ равенство въ свободѣ, а Францію. какъ такую, гдѣ онъ ищетъ свободу въ равенствѣ. Исторія французскихъ производительныхъ товариществъ, дѣйствительно, являетъ намъ множество страницъ, гдѣ удержанію формальнаго равенства приносились съ трогательной беззавѣтностью величайшія жертвы. Но она не показываетъ ни одного чисто производительнаго общества современ-

наго крупно-промышленнаго типа, хотя крупная индустрія во Франціи достаточно распространена.

Заслугу въ дѣлѣ существеннаго пополненія и дальнѣйшаго развитія изслѣдованій г-жи Поттеръ-Веббъ стяжалъ себѣ д-ръ Францъ Оппенгеймеръ своей книгою: „Die Siedlungsgenossenschaft“. Въ первой главѣ онъ даетъ намъ въ весьма всестороннемъ изложеніи анализъ различныхъ формъ кооперативныхъ обществъ, который въ отдѣльныхъ мѣстахъ едва можетъ быть превзойденъ со стороны критической проницательности. Оппенгеймеръ вноситъ въ классификацію кооперативныхъ товариществъ принципіальное различіе между товариществами покупателей и продавцевъ, значеніе котораго онъ, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ пунктахъ немного преувеличиваетъ, но которое въ общемъ должно быть признано весьма плодотворнымъ, такъ какъ только на основаніи его и возможно чисто научное объясненіе финансоваго, равно какъ нравственнаго распаденія чисто производительныхъ обществъ, объясненіе, при которомъ личная задолженность, недостатокъ капитала и пр. теперь лишь впервые отступаютъ вполнѣ на задній планъ, какъ случайности, которыя могутъ объяснить лишь отдѣльные случаи, но не правило. Лишь въ той степени, въ какой данное товарищество — по существу есть товарищество покупателей, дѣлаютъ его общая цѣль и собственные интересы желательнымъ дальнѣйшее его расширеніе. Но чѣмъ больше товарищество становится товариществомъ продавцевъ и чѣмъ больше оно продаетъ свои же, т. е. имъ самимъ изготовленные продукты (въ случаѣ крестьянскихъ коопераций дѣло нѣсколько измѣняется), тѣмъ острѣе становятся внутреннія противорѣчія. Съ его ростомъ ростутъ и его затрудненія. Рискъ становится больше, борьба за сбытъ — все труднѣе и труднѣе, добываніе кредита — то же самое, и въ одинаковой степени также и борьба за норму прибыли, т е. участіе личностей въ общей массѣ прибыли. Оно поэтому все больше и больше вынуждается къ обособленію. Его интересъ въ прибыли противоположенъ не только интересу покупателя, но и интересу всѣхъ прочихъ продавцевъ. Кооперативное товарищество покупателей, напротивъ того, принципіально выигрываетъ съ ростомъ; его интересъ по отношенію къ прибыли, если и противоположенъ интересу продавца, согласуется съ интересами прочихъ покупателей: оно стремится къ пониженію

нормы прибыли, къ удешевленію продуктовъ, наравнѣ со всѣми другими покупателями, — съ обществомъ, вообще.

Изъ этого различія въ экономическомъ характерѣ обоего рода коопераций выростаетъ различіе въ управленіи ихъ, на которое такъ ясно указала г-жа Поттеръ-Веббъ, а именно, существенно демократическій характеръ всѣхъ настоящхъ покупающихъ товариществъ и стремящійся къ олигархіи характеръ исключительно продающихъ. Надобно при этомъ замѣтить, что потребительный союзъ, который дѣлитъ дивиденды лишь между ограниченнымъ числомъ акціонеровъ, совершенно справедливо причисляется Оппенгеймеромъ къ товариществамъ продавцевъ. Только тотъ потребительный союзъ, который признаетъ за всѣми покупателями въ одинаковой степени право на барышъ, является настоящимъ товариществомъ покупателей *).

Раздѣленіе кооперативныхъ обществъ на товарищества покупателей и продавцевъ важно для теоріи коопераціи именно со стороны ихъ связи съ соціалистическимъ ученіемъ. Кто не согласенъ съ терминами: „купля“ и „продажа“, какъ слишкомъ

---

*) Оппенгеймеръ ужъ потому считаетъ дѣленіе на «покупательскія» и «продавческія кооперативныя общества» лучшимъ, нежели до сихъ поръ господствовавшее дѣленіе на производительныя и распредѣлительныя, что послѣднее вообще исходитъ изъ невѣрнаго опредѣленія понятій. Совершенно ошибочно обозначать подвозъ предмета на рынокъ, т. е. къ покупателю, какъ непроизводительный актъ: оно такое же «*producere*» (производство), какъ созданіе одного предмета (фабриката) изъ другого (сырого матеріала). Слово же „распредѣленіе“ если употребляется для обозначенія не строго распредѣлительныхъ функцій, служитъ причиною сильнѣйшихъ извращеній понятій.

Это послѣднее и наше мнѣніе, и употребленіе различныхъ выраженій для столь различныхъ функцій, какъ доставка и распредѣленіе, имѣетъ за собою много основаній. Съ другой же стороны, соединеніе функцій изготовленія и доставки подъ однимъ общимъ терминомъ „производство“ повело бы лишь къ новымъ недоразумѣніямъ. Что на практикѣ бываютъ случаи, когда ихъ едва можно отдѣлить и отличить одну отъ другой, не есть еще резонъ, почему бы не разграничивать самыхъ понятій. Переходы бываютъ повсюду. Скрывающуюся же у многихъ за этимъ отдѣленіемъ тенденцію разсматривать лишь фабричный трудъ какъ производительный, — можно опровергнуть другимъ путемъ.

выкроенными по образцу капиталистическаго товарнаго производства, тотъ можетъ употреблять вмѣсто нихъ слова: „снабженіе“ и „отчужденіе“, и тогда ему еще яснѣе станетъ, на сколько первое имѣетъ большее значеніе для общества, нежели послѣднее. Снабженіе благами составляетъ основной, всеобщій интересъ. По отношенію къ нему всѣ его члены суть, въ принципѣ, товарищи. Всѣ потребляютъ, но не всѣ производятъ. Даже лучшія производительныя товарищества, по скольку они лишь товарищества продавцевъ, будутъ всегда находиться въ тайномъ антагонизмѣ съ обществомъ и имѣть отдѣльные отъ него интересы. Съ производительнымъ товариществомъ, занимающимся на свой счетъ и рискъ какою-нибудь отраслью производства или общественной службы, общество постоянно будетъ имѣть тѣ же самые пункты различія, какъ съ капиталистическимъ предпріятіемъ, и отъ обстоятельствъ всецѣло зависитъ, будетъ ли соглашеніе съ нимъ дѣломъ болѣе легкимъ.

Возвращаясь однако къ исходному пункту, приведшему насъ къ этому отступленію въ область теоріи коопераціи, мы можемъ на основаніи предыдущаго сказать, что предположеніе, будто современная фабрика воспитываетъ сама собою большую склонность къ кооперативному труду, надобно признать за совершенно ошибочное. Раскройте любую исторію кооперативнаго движенія и вы увидите повсюду, что самоуправляющаяся кооперативная фабрика вездѣ оказалась неразрѣшимой проблемою, что если все другое шло сносно, то она разбивалась о недостатокъ дисциплины. Это такъ, какъ обстоитъ съ республикою и современнымъ централизованнымъ государствомъ. Чѣмъ больше государство, тѣмъ труднѣе задача республиканскаго правленія. Точно такъ же и республика въ мастерской является тѣмъ труднѣйшей проблемой, чѣмъ больше и сложнѣе предпріятіе. Для экстраординарныхъ цѣлей еще можно допустить, чтобы люди сами назначали своего непосредственнаго управляющаго и сохраняли за собою право смѣщать его. Но для задачъ, которыя сопряжены съ веденіемъ фабричнаго предпріятія, гдѣ изо дня въ день, изъ минуты въ минуту приходится принимать прозаическія рѣшенія и возникаютъ поводы къ недоразумѣніямъ, совершенно недопустимо, чтобы управляющій былъ назначаемъ управляемыми и зависѣлъ въ своемъ положеніи отъ ихъ воли и мимолетнаго каприза. Многократно уже обнаруживалась невозможность такого порядка вещей на сколько-нибудь продол-

жительное время и не разъ уже приводила она къ измѣненію формъ кооперативной фабрики. Словомъ, если технологическое развитіе фабрики и создало тѣло для коллективистическаго производства, то оно далеко не въ такой же степени приблизило къ кооперативному хозяйству души. Стремленіе къ передачѣ предпріятій въ кооперативное завѣдываніе при соотвѣтствующей отвѣтственности и рискѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ихъ размѣрамъ. Но затрудненія увеличиваются вмѣстѣ съ ними во все возрастающей пропорціи.

Представьте себѣ дѣло конкретно и возьмите для примѣра какое-нибудь крупное современное промышленное предпріятіе въ родѣ большого машиностроительнаго или электрическаго завода, большой химической фабрики или современнаго гигантскаго магазина со множествомъ отдѣленій. Всѣ эти и другія подобныя предпріятія могутъ отлично вестись на счетъ товариществъ, къ которымъ могутъ принадлежать и сами служащіе; но для кооперативнаго веденія самими служащими они совсѣмъ не подходятъ. Недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между различными отдѣленіями и различнымъ положеніемъ служащихъ не было бы конца. Тогда бы ясно обнаружилось то, что оспариваетъ Куновъ,—а именно, что чувство солидарности между отдѣльными, различающимися степенью образованія, образомъ жизни и пр. группами, весьма умѣренно. То, что обыкновенно понимаютъ подъ кооперативнымъ трудомъ, есть лишь ошибочное перенесеніе чрезвычайно простыхъ формъ товарищескаго труда, какой господствуетъ въ группахъ (напр., артеляхъ) недифференцированныхъ рабочихъ и который въ основѣ своей является лишь формой найма цѣлой группы для выполненія данной работы (Gruppenakkordarbeit *)

Оттого лишь тѣ, которые судятъ на основаніи чисто внѣшнихъ признаковъ, могутъ думать, что съ устраненіемъ капиталистовъ-собственниковъ осуществилось бы самое важное условіе къ превращенію капиталистическихъ предпріятій въ жизнеспособныя соціалистическія учрежденія. Дѣло обстоитъ вовсе

---

*) „Дѣло было не легкое. Рабочихъ, какъ, напримѣръ, хлопчатобумажныхъ, не легко привлечь въ ряды въ достаточной массѣ, требуемой для успѣшнаго веденія кооперативнаго дѣла". (Очеркъ исторіи Бернлейскаго кооперативнаго общества „Self-Help" въ „Cooperative Workshop in Great Britain" стр. 20).

не такъ просто. Эти предпріятія—весьма сложные организмы, и удаленіе центра, къ которому сходятся всѣ прочіе органы, означаетъ для нихъ, если оно не сопровождается совершеннымъ измѣненіемъ организаціи, немедленное разрушеніе.

То, что общество само не въ состояніи прибрать въ свои руки, при посредствѣ ли государства или отдѣльныхъ общинъ, оно отлично сдѣлаетъ, если именно въ моменты перехода и смятенія предоставитъ, какъ предпріятія, самимъ себѣ. Болѣе радикальный съ виду методъ оказался бы вскорѣ совершенно противорѣчащимъ цѣли. Жизнеспособность кооперативныхъ обществъ нельзя создать по заказу, одной лишь командой: они должны вырости. И тамъ, гдѣ почва для нихъ благопріятна, они именно и выростаютъ.

Британскія кооперативныя общества обладаютъ уже въ настоящее время милліонами фунтовъ въ видѣ собственнаго капитала,—сумму, получивъ которую путемъ государственнаго кредита, Лассаль считалъ достаточной для осуществленія своего плана ассоціацій. Въ сравненіи съ британскимъ національнымъ имуществомъ это все еще составляетъ лишь небольшую долю,—быть можетъ, если вычесть капиталъ, помѣщенный заграницею, и капиталъ, сосчитанный дважды, лишь 1/400 часть національнаго капитала. Но это далеко еще не исчерпываетъ того капитала, которымъ располагаютъ британскіе рабочіе. Къ тому же этотъ капиталъ постоянно наростаетъ. Въ десятилѣтіе между 1887 и 1897 г.г. онъ почти удвоился; онъ возросъ быстрѣе, нежели число членовъ. Послѣднее возросло съ 851,211 на 1,468,955, а первый—съ 11,5 мил. на 20,4 мил. фунт. стерлинговъ. Еще быстрѣе развивается за послѣднее время производство кооперативныхъ обществъ. Общая цѣнность его равнялась въ 1894 г. лишь 4,850,000 фунт., между тѣмъ какъ въ 1897 г. она дошла уже до 9,350,000 ф., т. е. стала почти вдвое больше. Отсюда приблизительно двѣ трети приходится на собственное производство потребительныхъ обществъ, а остальное распредѣляется между различными обществами, изъ коихъ значительная часть является лишь видоизмѣненными потребительными обществами или производителями на нихъ. Собственное производство потребительныхъ обществъ за эти три года больше, чѣмъ удвоилось: оно возросло въ цѣнности съ 3,6 мил. на 6,1 мил. фунтовъ.

Эти цифры на столько замѣчательны, что видя ихъ, не-

вольно спрашиваешь себя, гдѣ же граница этого роста. Энтузіасты кооперативныхъ обществъ высчитали, что если бы британскія общества накопляли свои барыши вмѣсто того, чтобы выплачивать ихъ, они въ какія-нибудь двадцать лѣтъ были бы въ силахъ скупить всю земельную собственность страны вмѣстѣ со всѣми ея домами и фабриками. Это, конечно, расчетъ на манеръ удивительнаго расчета съ знаменитой копѣйкой, положенной въ 1-мъ году на сложные проценты. Онъ упускаетъ изъ вида, что существуетъ нѣчто такое, какъ поземельная рента, и предполагаетъ физически невозможную прогрессію наростанія. Онъ не замѣчаетъ, что наиболѣе бѣдные классы почти недоступны для кооперативныхъ обществъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть завоеваны лишь весьма медленно. Онъ забываетъ, что въ деревняхъ для потребительнаго союза существуетъ лишь весьма ограниченное поле дѣйствія, что послѣдній хотя и можетъ уменьшить расходы посреднической торговли, но не въ состояніи совершенно устранить ее, такъ что для частныхъ предпринимателей постоянно возникаетъ возможность приспособляться къ измѣнившимся условіямъ и замедленіе роста его становится съ извѣстнаго момента почти математической неизбѣжностью. Больше же всего онъ забываетъ или упускаетъ изъ вида то, что безъ выплаты дивидендовъ потребительный союзъ вообще пришелъ бы въ застой, что для широкихъ слоевъ населенія именно дивиденды—это грѣховное яблоко, проклинаемое доктринерами коопераціи—составляютъ главную прелесть потребительнаго союза. Если и сильно преувеличено то, что нынче часто утверждаютъ, а именно, что дивидендъ потребительнаго союза не есть масштабъ большей дешевизны его товаровъ, что частная лавка продаетъ большинство товаровъ въ среднемъ такъ же дешево, какъ и потребительный союзъ, и дивидендъ, такимъ образомъ, является лишь итогомъ небольшихъ, незамѣтныхъ надбавокъ на нѣкоторые извѣстные предметы, все-таки это не совсѣмъ и безосновательно. Рабочій потребительный союзъ столько же родъ сберегательнаго банка, сколько средство борьбы противъ той эксплуатаціи, которую паразитическая посредническая торговля означаетъ для трудящихся классовъ*). Такъ какъ, однако,

*) Слово „паразитическій“ относится, конечно, къ дѣлу, а не къ людямъ, занимающимся имъ. Если рѣшиться пере-

импульсъ къ сбереженію у многихъ людей далеко не интенсивенъ, то они предпочитаютъ пользоваться удобствомъ закупки у ближайшаго лавочника, чѣмъ ради дивиденда подвергаться различнымъ неудобствамъ. Это, мимоходомъ говоря, есть одинъ изъ факторовъ, который именно въ Англіи замедлялъ и все еще замедляетъ распространеніе потребительныхъ союзовъ. Англійскій рабочій далеко не склоненъ дѣлать сбереженія. Вообще было бы ошибочно сказать, что Англія съ самаго начала представляла особенно благопріятную почву для потребительныхъ союзовъ. Совершенно напротивъ. Привычки рабочаго класса, широкій ростъ городовъ, сопровождающійся развитіемъ системы коттэджа, въ этомъ отношеніи совершенно перевѣшиваютъ преимущество лучшихъ заработковъ, и что достигнуто было здѣсь, является прежде всего плодомъ упорнаго, безстрашнаго организаціоннаго труда.

И это—дѣло, которое стоило и стоитъ, чтобы надъ нимъ потрудиться. Даже если бы потребительный союзъ не достигъ ничего другого, кромѣ того, что пониженіемъ нормы прибыли въ посреднической торговлѣ онъ постепенно отвоевалъ бы себѣ поле, то и тогда онъ сослужилъ бы чрезвычайно полезную службу для народнаго хозяйства. А что таково его дѣйствіе, не представляетъ никакого сомнѣнія. Здѣсь налицо орудіе, посредствомъ котораго рабочій классъ безъ прямого уничтоженія существующаго, безъ обращенія къ насилію, которое, какъ мы видѣли, является далеко не простымъ дѣломъ, можетъ овладѣть весьма значительной долей общественнаго богатства, которая въ противномъ случаѣ послужила бы на увеличеніе, а потому и на усиленіе класса имущихъ.

О какихъ суммахъ здѣсь идетъ рѣчь, показываетъ статистика кооперативныхъ обществъ. На общій капиталъ въ 18,35 мил. фунт. и общую продажу на 49,15 мил. фунт. 1,483 рабочихъ потребительныхъ обществъ Англіи получили

нести это слово и на послѣднихъ, то придется и весьма многихъ такъ наз. „производительныхъ“ рабочихъ назвать паразитами, такъ какъ то, что они производятъ, безполезно для общества и даже хуже, чѣмъ безполезно.

Паразитична посредническая торговля преимущественно потому, что увеличеніе числа посредниковъ за извѣстнымъ предѣломъ ведетъ за собою не удешевленіе, благодаря усилившейся конкурренціи, а вздорожаніе.

въ 1897 г. 6,15 мил. барыша *). Это даетъ норму прибыли на проданные товары въ 15¼%, а на капиталъ—въ 33½%. Подобнымъ образомъ и булочныя коопераціи, которыя въ сущности также являются лишь потребительными обществами **), на капиталъ въ 250 тыс. фунт. и продажу на 425 тыс. фунт. нажили 60 тыс. фунт. барыша, что составляетъ норму прибыли въ 14% на продажу и 24% на капиталъ. Мельничныя коопераціи, о которыхъ справедливо то же, что и о булочныхъ, дали въ среднемъ 14% прибыли на капиталъ.

Гораздо скромнѣе средняя норма прибыли въ товариществахъ, не производящихъ предметовъ пищи. Здѣсь 120 обществъ съ общимъ капиталомъ въ 725 тыс. фунт. и общей продажей на 1,200,000 фунт. имѣли заработка 33,500 фунт., т. е. 3¼% прибыли на продажу и 5% на капиталъ.

Если бы эти цифры могли служить типичной иллюстраціей отношенія нормъ прибыли въ промышленности и частной продажѣ, то онѣ сильно ограничили бы въ практическомъ значеніи то положеніе, что рабочій эксплуатируется какъ производитель, а не какъ потребитель. И дѣйствительно, оно выражаетъ лишь весьма условную истину. Это видно уже изъ того, что теорія цѣнности, на которой оно покоится, совершенно абстрагируетъ отъ розничной торговли. Она предполагаетъ дальше неограниченную свободу въ торговлѣ товаромъ, именуемымъ „рабочей силою", такъ что каждое удешевленіе въ издержкахъ производства его (т. е. средствъ къ жизни рабочаго и пр.) ведетъ также и къ пониженію его цѣны — заработной платы, — что въ настоящее время уже подверглось для большой части рабочихъ значительному ограниченію, благодаря защитѣ профессіональныхъ союзовъ и законодательства и силѣ общественнаго мнѣнія. И въ третьихъ, она предполагаетъ, что рабочій не въ состояніи добраться до тѣхъ соучастниковъ въ

---

*) Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ два кооперативныхъ общества для оптовой закупки, которыя перепродаютъ свои товары потребительнымъ союзамъ съ весьма умѣренной надбавкою.

**) У нихъ было 230 союзовъ, 7,778 отдѣльныхъ лицъ въ качествѣ акціонеровъ и 1,196 рабочихъ, что обнаруживаетъ характеръ закупающаго общества. Булочныя, находящіяся подъ собственнымъ управленіемъ всеобщихъ потребительныхъ союзовъ, сюда не причисляются.

прибавочномъ продуктѣ, съ которымъ предприниматель вынужденъ дѣлиться,—преимущественно, до поземельныхъ собственниковъ,—что также начинаетъ мало по малу опровергаться фактами. Пока, напр., рабочіе оставались въ виду предпринимательскаго класса неорганизованными и составляли паріевъ законодательства, было совершенно вѣрно, что такіе вопросы, какъ податное обложеніе земельныхъ цѣнностей, являлись скорѣе дѣломъ спора между имущими классами, нежели проблемами, въ которыхъ рабочіе имѣли интересъ *). Но чѣмъ больше это предположеніе падаетъ, тѣмъ сильнѣе ростетъ сознаніе, что паденіе земельныхъ рентъ приводитъ къ повышенію не прибыли на капиталъ, а минимума благосостоянія. Напротивъ же того, безпрепятственное существованіе и развитіе земельной ренты въ концѣ концовъ дѣлаютъ мнимою большую часть преимуществъ, которыя профессіональные союзы, кооперативныя общества и пр. могутъ отвоевать для рабочаго въ смыслѣ поднятія уровня его комфорта.

Но это мимоходомъ. Мы можемъ принять за доказанное, что потребительныя товарищества уже теперь оказались значительной силой, и если другія страны въ этомъ отношеніи еще отстаютъ отъ Англіи, то они, во всякомъ случаѣ, пустили уже крѣпкіе корни и въ Германіи, Франціи, Бельгіи и др. и все шире и шире распространяются. Я не привожу цифръ, такъ какъ фактъ всѣмъ извѣстенъ и цифры, въ концѣ концовъ, лишь утомляютъ. Конечно, законодательныя уловки могутъ задержать ростъ потребительныхъ обществъ и парализовать ихъ внутреннія возможности. и самое процвѣтаніе ихъ зависитъ, опять-таки, отъ извѣстной высоты экономическаго развитія; но здѣсь рѣчь идетъ, прежде всего, о томъ, чтобы показать, что вообще могутъ сдѣлать коопераціи. И если не важно, не возможно, чтобы кооперація, какъ мы ее знаемъ въ настоящее время, когда-либо овладѣла всѣмъ производствомъ и всей доставкой товаровъ, если все болѣе и болѣе расширяющаяся область публичныхъ службъ въ государствѣ и общинѣ ставитъ ей границы съ другой стороны, то въ общемъ ей все-таки открыто такое широкое поле дѣятельности, что, не впадая въ вышеупомянутую кооперативную утопію, можно вполнѣ основа-

*) Я употребляю слово „скорѣе“, такъ какъ и тогда дѣло было не безъ матеріальнаго интереса для рабочихъ.

тельно ожидать отъ нея многаго. Если въ 50 лѣтъ съ небольшимъ изъ движенія, начатаго рочдэльскими ткачами съ 28-ю фунт., выросло движеніе, которое располагаетъ капиталомъ въ 20 мил. ф стерл., то дѣйствительно надо обладать большой смѣлостью, чтобы предсказать, какъ близки мы къ тому моменту, когда достигнутъ будетъ предѣлъ этого роста, и какія формы этого движенія таятся еще въ будущемъ.

Многимъ соціалистамъ потребительное общество потому мало симпатично, что оно слишкомъ „буржуазно". Мы имѣемъ тамъ чиновниковъ на жалованьи, рабочихъ по найму, прибыль, выдачу процентовъ и споры по поводу высоты дивидендовъ. Конечно, если держаться формы, то народная школа, напр., будетъ болѣе соціалистическимъ учрежденіемъ, нежели потребительное общество. Но развитіе публичныхъ службъ имѣетъ свои границы и требуетъ срока, а тѣмъ временемъ потребительное общество является наиболѣе доступной для рабочаго класса формою коопераціи, и именно потому, что оно такъ „буржуазно". Какъ утопично воображать, что общество обѣими ногами сразу можетъ перескочить въ діаметрально противоположную нынѣшней организацію и образъ мышленія, на столько есть или было утопично желаніе начать съ труднѣйшей формы кооперативной организаціи.

Я помню еще, съ какимъ чувствомъ теоретическаго состраданія слушалъ я въ 1881 г. моего друга Луи Бертрана изъ Брюсселя, когда онъ сталъ говорить на конгрессѣ въ Шюръ (Chur) о кооперативныхъ обществахъ. Какъ это могъ такой во всѣхъ отношеніяхъ умный человѣкь ожидать чего-то отъ такого средства! Когда я затѣмъ въ 1883 г. познакомился съ гентскимъ Voornit, булочная показалась мнѣ еще сносною, а что рядомъ съ этимъ продавалось еще немного бѣлья, обуви и пр., такъ это тоже, думалъ я, не мѣшало. Но когда вожаки Voornit стали говорить мнѣ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ, я опять подумалъ: несчастные люди, вѣдь, вы разоритесь. Но они не разорились, а спокойно трудились, сознательно идя по линіи наименьшаго сопротивленія, и выработали соотвѣтствующую условіямъ своей страны форму коопераціи, которая оказалась чрезвычайно цѣнною для рабочаго движенія Бельгіи и дала солидный центръ, вокругъ котораго могли скристаллизоваться до тѣхъ поръ разрозненные элементы этого движенія.

Все, стало быть, зависитъ отъ того, съ какой стороны при-

ступаютъ къ дѣлу, если хотятъ, чтобы обнаружились всѣ его возможности.

Словомъ, кооперативное производство осуществится, хотя, вѣроятно въ другихъ формахъ, чѣмъ какія представляли себѣ первые теоретики кооперацiи. Покамѣстъ оно все еще труднѣйшая форма для осуществленiя идеи кооперацiи. Мы упоминали уже, что англiйскiя кооперативныя общества располагаютъ капиталомъ больше, чѣмъ въ тѣ сто миллiоновъ талеровъ, которые Лассаль требовалъ для осуществленiя своего плана кооперацiи. И если бы вопросъ былъ чисто финансовый, то у нихъ въ распоряженiи были бы еще другiя, совершенно иныя денежныя средства. Кассы взаипомощи и профессiональные союзы не знаютъ. куда дѣвать свои накопленные капиталы. (Послѣднiе требуютъ теперь. чтобы правительсто позволило имъ помѣщать свои фонды въ сберегательныя кассы, гдѣ они получаютъ больше процентовъ, чѣмъ сколько правительство платитъ капиталистамъ). Но въ томъ-то и дѣло, что это вопросъ не только финансовый. Это также и не вопросъ о сооруженiи новыхъ фабрикъ на переполненномъ уже рынкѣ. Нѣтъ недостатка въ удобныхъ случаяхъ выгодно купить уже существующiя и хорошо устроенныя фабрики. Это, главнымъ образомъ, вопросъ организацiи и правленiя, а на этотъ счетъ существуетъ большой недостатокъ.

„Нуждаемся ли мы прежде всего въ капиталѣ?“ читаемъ мы какъ разъ въ одной статьѣ „Cooperative News“, центральнаго органа британскихъ кооперативныхъ обществъ,—и авторъ самъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ „нѣтъ“. „Повидимому, мы въ настоящiй моментъ имѣемъ въ нашемъ распоряженiи нѣсколько десятковъ миллiоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые ждутъ лишь того, чтобы быть употребленными на дѣла кооперацiи, и еще десять миллiоновъ можно было бы несомнѣнно достать, если бы мы были вполнѣ въ состоянiи съ пользою употребить ихъ для нашего движенiя. Не забудемъ поэтому того факта,—ибо это фактъ,—что въ эту самую минуту кооперативный мiръ нуждается гораздо больше въ интеллигенцiи и умѣньи, нежели въ дальнѣйшихъ средствахъ. Кто изъ насъ покупалъ бы, что было бы произведено и распредѣлено не на кооперативныхъ началахъ, если бы возможно было осуществить этотъ идеалъ! Кто только изъ насъ не пробовалъ многократно потреблять изготовленные кооперативнымъ трудомъ товары, не получая пол-

наго удовлетворенія!“ („Cooperative News“ отъ 3-го декабря 1898 г.).

Другими словами, финансовыя средства сами по себѣ еще не разрѣшаютъ вопроса о кооперативномъ трудѣ. Онъ нуждается, независимо отъ другихъ предварительныхъ условій, въ собственныхъ организаціяхъ и въ собственныхъ руководителяхъ, а такія вещи не легко импровизируются. И организаціи, и руководителей надобно отыскать и испытать, а потому болѣе, чѣмъ сомнительно, что моментъ, когда сердца воспламеняются и страсти находятся въ состояніи напряженія, какъ это бываетъ въ революціи, могъ быть благопріятенъ для разрѣшенія проблемы, которая даже въ обыкновенное время является такой трудной. Зная человѣческую натуру, можно ожидать прямо противоположнаго.

Даже тѣмъ мастерскимъ англійскихъ оптово-торговыхъ кооперативныхъ обществъ, которыя снабжены достаточными средствами и располагаютъ значительной возможностью къ сбыту, часто приходится долго ждать, какъ это показываютъ бюллетени и дебаты ихъ членскихъ собраній, пока ихъ продукты въ состояніи справиться съ конкурренціей издѣлій частно-владѣльческихъ предпріятій.

При всемъ томъ, все ростущія цифры собственнаго производства показали намъ, что проблема можетъ быть разрѣшена. Даже нѣкоторыя производительныя общества сумѣли разрѣшить ее по своему. Низкая норма прибыли, на которую мы по поводу нихъ указали, господствуетъ не повсюду. Пробѣгая списокъ ихъ, мы находимъ, что за весьма немногими исключеніями тѣ производительныя общества успѣвали наилучше, которыя, субсидируясь профессіональными или потребительными обществами, производили не для прибыли служащихъ по преимуществу, а для прибыли болѣе обширной коллективной единицы, къ которой служащіе принадлежали или могли принадлежать, еслибъ хотѣли, въ качествѣ членовъ,—т. е. та форма производительныхъ обществъ, которая ближе подходитъ къ соціалистической мысли. Вотъ нѣкоторыя цифры, взятыя изъ отчета 1897 г. союза рабочихъ кооперативныхъ обществъ на паяхъ. Онѣ относятся къ 1896 г.

Названіе общества.	Число пайщик.	Число рабоч.	Акціон. капиталъ въ ф. ст.	Заемный капиталъ въ ф. ст.	Барышъ. Сум. въ ф. с.	Барышъ. Норма.
						%
Бумаз. пряд., Хебденъ Бриджъ	797	294	26417	6971	4829	14,7
Фабрика каминныхъ прибор., Дедли . .	71	70	2040	1568	1155	32
Фабрика обуви, Кеттерингъ	651	(210?)	4890	3786	2001	23
Мастер. готов. платья, Кеттерингъ	487	(50?)	3958	1783	1412	24,6
Фабрика обуви, Лестеръ	1070	—	9879	14,334	2484	$10^1/_4$
Слесарня, Уольсоль . .	87	190	2614	2413	1104	9,24
Фабрика драпов. издѣлій, Лестеръ . . .	660	(250?)	18008	12,327	2802	22

Всѣ эти фабрики платятъ, конечно, плату, установляемую трэдъ-юніонами, и придерживаются нормальнаго рабочаго дня. На фабрикѣ обуви въ Кеттерингѣ введенъ 8 часовой день. Она продолжаетъ рости и теперь опять пристраиваетъ новый корпусъ къ своему фабричному зданію, устроенному согласно новѣйшимъ требованіямъ. Относительно числа акціонеровъ надобно замѣтить, что почти повсюду среди нихъ имѣется большое число юридическихъ лицъ (потребительные и профессіональные союзы и проч.). Такъ напр., члены бумазейной прядильни въ Хебденъ-Бриджѣ распредѣляются такимъ образомъ: 297 рабочихъ, составляющихъ персоналъ фабрики, съ капиталомъ въ 7,398 фунт., 200 постороннихъ лицъ съ капиталомъ въ 7,034 фунт., и 300 союзовъ съ капиталомъ въ 10,415 фунт.

Заемный капиталъ состоитъ большею частью изъ суммъ, слѣдуемыхъ членамъ, которыя послѣдніе оставляютъ въ дѣлѣ, пользуясь 5%. Дѣлежъ барышей происходитъ по довольно разнообразнымъ принципамъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ платится на акціонерный капиталъ нѣсколько большій процентъ, нежели на заемный; но фабрика обуви въ Лестерѣ выплатила за первое полугодіе 1896 г. $7^1/_2$% дивиденда акціонерамъ и 40% (на жалованье) рабочимъ. Тотъ же процентъ получили

на каждый купленный товаръ и покупатели, такъ что общество приближается къ типу покупательскихъ *).

Подобный принципъ дѣлежа принятъ и на одной изъ мелкихъ кооперативныхъ фабрикъ обуви въ Лестерѣ. Большинство производительныхъ товариществъ находятъ значительнѣйшую часть своего сбыта, если не весь сбытъ, среди коопераций.

Относительно другихъ формъ кооперации (кредитныя общества, кооперативные склады сырья, кооперативныя молочныя фермы и пр.) мнѣ нѣтъ надобности здѣсь распространяться, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакого значенія для класса наемныхъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, при той важности, какую имѣетъ для соціалъ-демократіи вопросъ о мелкихъ крестьянахъ, которые, вѣдь, также принадлежатъ къ рабочему классу, хотя и не получаютъ заработной платы, и въ виду того факта, что ремесленные промыслы и мелкое производство все же играютъ еще — по крайней мѣрѣ, по количеству лицъ, занимающихся ими — весьма видную роль, необходимо указать также и на тотъ подъемъ, который обнаружила кооперація въ этихъ областяхъ. Выгоды закупки сообща сѣмянъ, машинъ и пр. и продажи сообща же продуктовъ, такъ же, какъ доступъ къ дешевому кредиту, не въ состояніи спасти разорившихся уже крестьянъ, но могутъ для тысячъ и десятковъ тысячъ мелкихъ крестьянъ быть средствомъ избавленія отъ гибели. Насчетъ этого не можетъ быть никакого сомнѣнія. Относительно цѣнности и эластичности мелко-крестьянскаго хозяйства, которое вовсе не должно быть обязательно карликовымъ, имѣется въ настоящее время богатый матеріалъ, совершенно независимый отъ цифръ, которыя обнаруживаетъ статистика предпріятій. Было бы слишкомъ смѣло сказать, какъ говорятъ нѣкоторые писатели, что въ сельскомъ хозяйствѣ существуетъ по отношенію къ преимуществамъ крупныхъ и мелкихъ предпріятій совершенно обратный законъ, чѣмъ въ промышленности. Но не будетъ

*) Для нагляднаго примѣра привожу цифры. За это полугодіе получили:

Акціонеры (кромѣ процентовъ) . . .	58,2	ф.	ст.
Покупатели	416,25	„	„
Рабочіе	403,5	„	„
Комитетъ правленія	35,0	„	„
Фондъ для воспитательныхъ цѣлей .	26,25	„	„
„ „ вспомоществованія . . .	52,5	„	„

преувеличеніемъ сказать, что разница эта весьма значительна и что преимущества, которыя благоустроенное крупное предпріятіе, снабженное достаточнымъ капиталомъ, имѣетъ передъ мелкимъ, не на столько велики, чтобы мелкое предпріятіе, при достаточномъ развитіи коопераціи, не могло въ значительной степени обладать ими. Пользованіе механическими силами, созданіе кредита, лучшее обезпеченіе сбыта,—все это можетъ сдѣлаться доступнымъ крестьянину черезъ кооперацію, между тѣмъ какъ характеръ его хозяйства позволяетъ ему извернуться въ непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаяхъ легче, нежели это возможно крупному предпріятію. Ибо значительная часть крестьянъ все еще не является исключительно товаропроизводителями, но производитъ значительную долю наиболѣе необходимыхъ средствъ къ жизни для себя.

Во всѣхъ передовыхъ культурныхъ странахъ кооперативныя общества быстро размножаются и развиваются. Бельгія, Данія, Франція, Голландія и, въ самое послѣднее время, также и Ирландія обнаруживаютъ почти то же, что и значительная часть Германіи. Для соціалъ-демократіи важно, вмѣсто того, чтобы выуживать изъ статистики доказательства для своей предвзятой теоріи разрушенія мелкаго крестьянства, внимательно изслѣдовать этотъ вопросъ о кооперативномъ движеніи въ деревняхъ и объ его значеніи. Статистика принудительныхъ продажъ, ипотечной задолженности и пр. во многихъ отношеніяхъ вводитъ въ заблужденіе. Собственность, несомнѣнно, болѣе подвижна въ настоящій моментъ, нежели прежде, но эта подвижность дѣйствуетъ не въ одну только сторону. Прорѣхи, которыя причинялись продажами съ молотка, до сихъ поръ неизмѣнно вновь заштопывались.

Этихъ общихъ замѣчаній, я думаю, будетъ достаточно. Я не имѣю въ виду развивать здѣсь спеціальную аграрную программу. Я однако глубоко убѣжденъ, что такая программа должна въ гораздо большей степени принять въ соображеніе данныя опыта, которыя имѣются относительно сельско-хозяйственныхъ коопераціи, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ; при этомъ дѣло будетъ состоять не столько въ томъ, чтобы доказать, что мелкому крестьянину нельзя надолго помочь, сколько въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ эти коопераціи должны быть развиваемы и дополняемы. Тамъ, гдѣ господствуетъ мелко-крестьянское хозяйство, профессіональная или другая

какая-нибудь организація сельско-хозяйственныхъ рабочихъ во всѣхъ отношеніяхъ химера. Лишь черезъ расширеніе формы кооперацiи возможно ихъ освободить изъ положенія наемныхъ рабочихъ.

Въ высшей степени замѣчательны факты, которые сообщаетъ д-ръ О. Видфельдтъ изъ Дрездена въ 13-мъ номерѣ „Soziale Praxis" (VIII годъ изданія) о дѣятельности и успѣхахъ сельско-хозяйственныхъ синдикатовъ во Франціи. По его словамъ, во Франціи въ то время было приблизительно 1,700 сельско-хозяйственныхъ (крестьянскихъ) синдикатовъ, сгруппированныхъ въ десять союзовъ, которые вмѣстѣ насчитывали больше 700,000 членовъ. „Эти спеціальные союзы составляли вначалѣ организаціи для закупки сельско-хозяйственныхъ кормовыхъ и удобрительныхъ средствъ, и ихъ центры (cooperatives agricoles) успѣли пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе на торговлю этими предметами. Они затѣмъ на общія средства закупили себѣ молотилки, жатвенныя машины и пр. и провели дренажи, водопроводы и т. д. Они устроили у себя скотные дворы, молочныя фермы, сыроварни *), булочныя, мельницы, фабрики консервовъ и т. д. и съ успѣхомъ взяли на себя сбытъ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ". Преслѣдуя эту цѣль, они не довольствовались тѣмъ, что вступили въ сношенія съ потребительными союзами, распространяющимися также и во Франціи, а сами основывали таковые. „Такъ, напр., въ Ля-Рошели, Ліонѣ, Дижонѣ, Торнели и др. Сюда относится также и основаніе такихъ кооперативныхъ обществъ, какъ бойни, мельницы, булочныя, которыя представляютъ на половину сельско-хозяйственныя производительныя товарищества и на половину—потребительные союзы". Въ одномъ департаментѣ Нижней Шаранты имѣется 130 такихъ кооперативныхъ булочныхъ. Затѣмъ синдикаты основали фабрики консервовъ, колбасныя, крахмальныя и макаронныя фабрики, „такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ производится локализація

---

*) Согласно „Emancipation" отъ 15-го ноября 1898 г., во Франціи имѣется 2,000 кооперативныхъ сыроваренъ, большая часть которыхъ находится въ Юрѣ и обѣихъ Савойяхъ.

промышленности, по скольку она связана съ сельскимъ хозяйствомъ". Большинство синдикатовъ принимаютъ своихъ рабочихъ въ качествѣ членовъ: синдикатъ въ Кастельнодарди насчитываетъ среди 1,000 членовъ 600 рабочихъ. Синдикаты занимаются, наконецъ, основаніемъ различныхъ учрежденій взаимопомощи: страховыхъ обществъ, третейскихъ судовъ, народныхъ справочно-юридическихъ бюро, школъ земледѣлія, клубовъ и пр.

Такъ гласитъ отчетъ въ „Soziale Praxis". Возникаетъ вопросъ, каковы фактическія права рабочихъ въ этихъ кооперативныхъ обществахъ? Отчетъ мимоходомъ упоминаетъ о дѣлежѣ барышей между служащими и рабочими; но это допускаетъ много различныхъ толкованій. Во всякомъ случаѣ принятіе рабочихъ въ кооперативныя общества покамѣстъ нисколько не измѣнило того, что эти общества, въ качествѣ сельско-хозяйственныхъ организацій, суть, по существу своему, синдикаты предпринимателей. Это видно уже изъ того, что сколько они ни основывали кооперативныхъ учрежденій, одна область все-таки осталась незатронутою ими: сельское хозяйство само, т. е. земледѣліе и луговое хозяйство и скотоводство, въ собственномъ смыслѣ. Работы, связанныя и примыкающія къ земледѣлію, совершаются на кооперативныхъ началахъ или, по крайней мѣрѣ, для кооперацій; само же оно и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ не поддается кооперативной организаціи труда *). Является ли послѣдняя менѣе выгодною для него, нежели индивидуальное хозяйство? Или поперекъ дороги стоитъ крестьянская собственность?

Что крестьянское землевладѣніе, дробленіе земли между многими владѣльцами, составляетъ сильную помѣху кооперативному земледѣлію, указывалось уже много разъ. Но оно — не единственная помѣха или, выражаясь иначе, оно усугубляетъ его существенныя трудности, но не является всецѣло причиною ихъ. Пространственное разобщеніе работающихъ, равно какъ и индивидуализированный характеръ зна-

---

*) Такъ это, напр., и въ быстро разростающихся ирландскихъ сельско-хозяйственныхъ товариществахъ, которыя начали въ 1889 г. съ небольшого союза въ 50 членовъ, а въ мартѣ 1898 г. насчитывали уже 243 союза съ 27,322 членами, изъ которыхъ многіе были сельскіе рабочіе (cottiers).

чительной части земледѣльческихъ работъ также играютъ при этомъ извѣстную роль. Возможно, что крестьянскіе синдикаты, которые вѣдь еще такъ молоды, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи преодолѣютъ и это препятствіе или, что кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, вынуждены будутъ постепенно выходить за теперешнія границы. Но покамѣстъ на это разсчитывать нельзя.

Даже земледѣльческое производство для кооперативныхъ обществъ въ настоящій моментъ представляетъ еще неразрѣшенную проблему. Англійскія потребительныя товарищества ни въ какихъ другихъ предпріятіяхъ не потерпѣли такого жестокаго фіаско, какъ въ своихъ фермахъ. Третій годичный отчетъ британскаго рабочаго департамента (1896) констатируетъ для 106 производительныхъ товариществъ среднюю прибыль въ 8,4%. Изъ нихъ 6 кооперативныхъ фермъ и хуторовъ имѣли въ среднемъ лишь 2,8% прибыли. Нигдѣ крестьяне не получаютъ большаго дохода съ земли, чѣмъ въ Шотландіи. Цифры урожая пшеницы, овса и пр. на акръ гораздо выше въ Шотландіи, нежели въ Англіи. Между тѣмъ ферма шотландскихъ кооперацій, снабженная хорошими машинами и располагающая капиталомъ въ 12½ тыс. фунт., потерпѣла полную неудачу. Въ 1894 г. она дала 0,6% прибыли, а въ 1895—8,1% убытка. Но какъ обстоитъ съ коопераціями сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ? Подаетъ ли производительное товарищество земледѣльческихъ рабочихъ лучшія надежды, нежели производительное товарищество промышленныхъ?

На этотъ вопросъ тѣмъ труднѣе отвѣтить, что для него не имѣется въ практикѣ достаточно примѣровъ. Классическій образчикъ такого товарищества, знаменитая Ралахайнская ассоціація существовала слишкомъ непродолжительное время (съ 1831 до 1833) и находилась во все продолженіе этого періода слишкомъ подъ вліяніемъ своего основателя Ванделера и его представителя Крэга, чтобы можно было приводить ее какъ достаточное доказательство жизнеспособности самостоятельныхъ кооперацій сельскихъ рабочихъ *). Она показываетъ

*) Конституція ея была, какъ юмористически писалъ въ 1838 г. талантливый оуэнитъ Финчъ, смѣсью всѣхъ преимуществъ торизма, вигизма и радикализма безъ ихъ недостатковъ. «Она обладала всей силой и единствомъ цѣли и

лишь большія преимущества совмѣстнаго хозяйства при опредѣленныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

То же показываетъ и опытъ съ коммунистическими колоніями. Эти послѣднія часто процвѣтаютъ въ фактической или нравственной изолированности болѣе продолжительное время при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Но какъ только онѣ достигаютъ большого благосостоянія и вступаютъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ окружающимъ міромъ, онѣ быстро погибаютъ. Лишь сильная религіозная связь или другой какой-нибудь духъ сектантства, воздвигающій стѣну между ними и окружающимъ міромъ, въ состояніи удержать эти колоніи отъ распаденія даже тогда, когда онѣ уже разбогатѣли. Но ужъ то обстоятельство, что люди для того, чтобы чувствовать себя хорошо въ такихъ колоніяхъ, обязаны въ чемъ-нибудь урѣзывать себя, опроститься, показываетъ, что онѣ никогда не смогутъ стать всеобщей формой кооперативнаго труда. Для соціализма онѣ стоятъ на одинаковой ступени съ чисто индустріальными производительными обществами. Но онѣ дали блестящія доказательства преимуществъ совмѣстнаго хозяйства.

На основаніи этихъ фактовъ и опыта, который интеллигентные землевладѣльцы имѣли съ испольной арендой, съ участіемъ въ прибыляхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и пр., д-ръ Ф. Оппенгеймеръ развиваетъ въ вышеупомянутой уже книгѣ мысль о сельскомъ товариществѣ, которое оно называетъ „поселенческой кооперацiей“. (Siedlungsgenossenschaft). Это должно быть общество сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, — по крайней мѣрѣ, вначалѣ, и соединять индивидуальное хозяйство съ общимъ, т. е. мелкое хозяйство съ кооперативнымъ крупнымъ, какъ это теперь бываетъ въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ сельскимъ рабочимъ сдаются за болѣе или менѣе высокую аренду мелкіе участки, которые они весьма часто обрабатываютъ по истинѣ образцово. Подобное дѣленіе Оппенгеймеръ представляетъ себѣ въ поселенческихъ коопе-

---

дѣйствія монархіи и торизма, всей умѣренностью, изобрѣтательностью предусмотрительностью и осторожностью вигизма и больше чѣмъ свободой и равенствомъ радикализма». М-ръ Ванделеръ былъ „король“, правленіе, состоявшее изъ казначея, секретаря и завѣдывающаго магазиномъ, — „верхняя палата“, а комитетъ рабочихъ — „народное представительное собраніе“.

раціяхъ,—только что здѣсь, естественно, не имѣется въ виду сбавлять цѣны рабочихъ рукъ въ пользу центральнаго хозяйства, вокругъ котораго группируются мелкія, а лишь давать каждому отдѣльному члену возможность испытывать удовлетвореніе отъ обладанія собственнымъ хозяйствомъ на достаточно большомъ земельномъ участкѣ и направлять ту рабочую энергію, которая не нужна центральному хозяйству коопераціи, на культуры, либо обѣщающія ему наибольшій доходъ, либо наилучше соотвѣтствующія его индивидуальности. Въ всемъ прочемъ же кооперація должна использовать всѣ выгоды новѣйшаго крупнаго хозяйства и для удовлетворенія промышленныхъ и др. потребностей членовъ должны быть созданы всѣ, какія только возможны, кооперативныя учрежденія или учрежденія взаимопомощи. Обработкою добываемыхъ продуктовъ и допущеніемъ въ кооперацію ремесленниковъ ей долженъ быть постепенно приданъ все болѣе и болѣе характеръ обнимающаго заразъ земледѣліе и промышленность поселенія, какъ оно представлялось Оуэну въ его внутреннихъ колоніяхъ и другимъ соціалистамъ — въ ихъ коммунистическихъ проектахъ. Разница лишь та, что Оппенгеймеръ старается строго держаться принципа свободной коопераціи. Хозяйственный интересъ одинъ долженъ толкать къ вступленію въ поселенческую кооперацію: онъ одинъ долженъ охранять ее отъ исключительности промышленныхъ производительныхъ товариществъ. Въ противоположность послѣднимъ она не исключительно кооперація продавцевъ, но продавцевъ и покупателей, и это обстоятельство образуетъ основу ея кредита и охраняетъ ее отъ тѣхъ потрясеній, которымъ въ настоящее время подвержено капиталистическое крупное хозяйство въ земледѣліи.

Здѣсь не мѣсто подробнѣе входить въ изложеніе оппенгеймеровскаго проекта и лежащей въ основѣ его теоріи. Одно только я долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, они не заслуживаютъ той пренебрежительной оцѣнки, съ какой отчасти отнеслись къ нимъ нѣкоторыя партійныя газеты Осуществится ли все это или возможно ли, чтобы все это осуществилось какъ разъ въ той формѣ, какую развилъ Оппенгеймеръ, можно сомнѣваться. Но основныя мысли, которыя онъ развиваетъ, такъ всецѣло подтверждаются научнымъ анализомъ хозяйственныхъ формъ, такъ хорошо согласуются со всѣмъ опытомъ кооперативной практики, что можно почти съ увѣренностью ска-

зать, что если кооперативное веденіе сельскаго хозяйства когда-либо вообще осуществится, это врядъ ли произойдетъ въ иной формѣ, чѣмъ какую описываетъ Оппенгеймеръ *).

Великая экспропріація, о которой больше всего думаютъ при критикѣ такихъ проектовъ, не можетъ во всякомъ случаѣ въ одну ночь вызвать изъ-подъ земли органическія созданія, и всемогущему революціонному правительству самому въ концѣ концовъ придется поискать какой-нибудь теоріи кооперативнаго труда въ земледѣліи. Для такой теоріи именно и собралъ Оппенгеймеръ богатѣйшій матеріалъ и подвергъ его проницательному, совершенно согласующемуся съ основными мыслями историческаго матеріализма анализу, который одинъ уже дѣлаетъ „Siedlungsgenossenschaft“ достойною изученія.

Въ связи съ вопросомъ о сельскихъ коопераціяхъ можно замѣтить еще одно. По скольку соціалистъ—человѣкъ политической партіи, онъ съ удовольствіемъ будетъ привѣтствовать современное выселеніе изъ деревень въ города. Оно концентрируетъ рабочія массы, революціонируетъ головы и такъ или иначе содѣйствуетъ политическому освобожденію. Какъ теоретикъ же, который думаетъ не объ одномъ лишь настоящемъ днѣ, соціалистъ вынужденъ будетъ признаться, что того хорошаго, что это выселеніе даетъ, можетъ въ концѣ концовъ оказаться слишкомъ много. Какъ извѣстно, безконечно легче стянуть сельское населеніе въ города, чѣмъ городскихъ жителей пріучить къ деревнѣ и земледѣльческимъ работамъ. Такимъ образомъ, потокъ имиграціи въ города и промышленные центры создаетъ проблемы не для однихъ лишь нынѣ правящихъ. Возьмемъ, напр., случай побѣды рабочей демократіи, которая

---

*) На послѣднемъ конгрессѣ британскихъ кооперативныхъ обществъ (Питерборо, май 1898) одинъ изъ делегатовъ Дж. Грей изъ Манчестера прочелъ рефератъ: „Кооперація и Земледѣліе“, къ которомъ, по объективномъ анализѣ всего сдѣланнаго въ Англіи опыта, онъ приходитъ въ заключеніе къ практическому выводу, который необыкновенно походитъ на проектъ Оппенгеймера. „Земля должна быть кооперативной собственностью, кооперативно должно совершаться производство всего необходимаго и продажа всѣхъ продуктовъ. Но въ дѣлѣ обработки земли должно создать личный интересъ съ надлежащей гарантіей противъ посягательствъ на интересы общины“. („Cooperation and Agriculture“, Манчестеръ 1898, стр. 9).

привела бы соціалистическую партію къ кормилу власти. Судя по всему прошедшему опыту, ея непосредственное вліяніе было бы, вѣроятно, то, что потокъ населенія въ большіе города еще больше усилился бы. Дали ли бы себя затѣмъ „промышленныя арміи для земледѣлія" послать въ деревни охотнѣе, чѣмъ въ 1848 г. во Франціи, до нѣкоторой степени сомнительно. Но независимо отъ этого, созданіе жизне- и работоспособныхъ коопераціі окажется во всякомъ случаѣ проблемой тѣмъ труднѣйшей, чѣмъ дальше зайдетъ къ тому времени процессъ обезлюденія деревни. Преимущество наличнаго существованія прототиповъ такихъ обществъ не было бы слишкомъ дорого куплено даже цѣною нѣсколько болѣе медленнаго роста огромныхъ городовъ *).

---

*) Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что въ своей только-что появившейся работѣ объ аграрномъ вопросѣ К. Каутскій серьезно вводитъ вопросъ о сельскихъ кооперацiяхъ въ кругъ своего изслѣдованія. То, что онъ говоритъ о трудностяхъ, мѣшающихъ преобразованію крестьянскихъ хозяйствъ въ земледѣльческія коопераціи, вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что по этому поводу доказываетъ Оппенгеймеръ. Каутскій ожидаетъ разрѣшенія проблемы со стороны промышленности и завоеванія пролетаріатомъ политическаго господства. Процессъ развитія, думаетъ онъ, уже теперь ставитъ крестьянъ во все большую и большую зависимость отъ капиталистическихъ водочныхъ, пивоваренныхъ, сахарныхъ заводовъ, вальцовыхъ мельницъ, маслобоенъ, сыроваренъ, ренсковыхъ погребовъ и пр. и превращаетъ ихъ въ частичныхъ рабочихъ капиталистическихъ предпріятій другого рода, какъ, напр., кирпичныхъ, горныхъ и др. заводовъ, гдѣ владѣльцы карликовыхъ участковъ ищутъ себѣ временную работу, чтобъ покрыть дефицитъ своего хозяйства. Съ обобществленіемъ всѣхъ этихъ предпріятій крестьяне превратятся въ „общественныхъ работниковъ", въ частичныхъ рабочихъ соціалистически-кооперативныхъ производствъ, въ то время какъ, съ другой стороны, пролетарская революція должна будетъ повести къ превращенію крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, къ которымъ примыкаетъ въ настоящее время значительная часть мелкихъ крестьянъ, въ кооперативныя. Такимъ образомъ мелко-крестьянскія хозяйства теряютъ все больше и больше свою почву и слитіе ихъ въ кооперативныя предпріятія встрѣчаетъ все меньше и меньше трудностей. Превращеніе въ государственную собственность ипотекъ и уничтоженіе милитаризма еще больше облегчатъ это движеніе.

Во всемъ этомъ много правды; все же мнѣ кажется, что Каутскій впалъ въ ошибку, сильно преувеличивъ значе-

Промышленнымъ же рабочимъ кооперація даетъ возможность, съ одной стороны, противодѣйствовать эксплуатаціи торговлею, а съ другой, раздобыть средства, которыя во многихъ отношеніяхъ облегчаютъ дѣло освобожденія. Какую поддержку рабочіе могутъ найти въ потребительныхъ союзахъ въ критическія минуты, при lock-out'ахъ и пр., извѣстно теперь всякому Къ классическому примѣру поддержки, многократно оказанной большими англійскими потребительными обществами страдавшимъ отъ lock-out'а горнымъ рабочимъ, прядильщикамъ и механикамъ, можно прибавить еще, что и производительныя товарищества могутъ оказать большія услуги рабочимъ въ ихъ борьбѣ за свое положеніе. Въ Лестерѣ и Кеттерингѣ

ніе силъ, дѣйствующихъ въ симпатичномъ ему направленіи и столь же сильно умаливъ значеніе силъ, дѣйствующихъ въ другую сторону. Часть промышленныхъ предпріятій, которыя онъ перечисляетъ, находится больше, чѣмъ на полдорогѣ къ тому, чтобы стать не хозяевами крестьянскихъ хозяйствъ, а придатками крестьянскихъ коопераций, между тѣмъ какъ другія, какъ, напр., пивоваренное дѣло, стоятъ въ далеко не столь тѣсной связи съ крестьянскимъ хозяйствомъ, чтобы измѣненіе характера ихъ могло оказать сильное обратное воздѣйствіе на форму послѣдняго. Дальше кажется мнѣ, что Каутскій слишкомъ увлекается сильными словами, которыя онъ въ разныхъ мѣстахъ употребляетъ, и приходитъ къ заключеніямъ, которыя были бы вѣрны, если бы эти слова были повсюду приложимы, но которыя, такъ какъ эти слова приложимы лишь къ одной части дѣйствительности, не имѣютъ общаго значенія. Или точнѣе говоря: у Каутскаго, напр., жизнь мелкихъ крестьянъ является „адомъ". Это со справедливостью можно сказать о значительной части мелкихъ крестьянъ; относительно другой же части это—страшная гипербола, точь въ точь какъ эпитетъ „варваръ," прилагаемый къ мелкому крестьянину въ настоящее время, во многихъ случаяхъ является анахронизмомъ. Подобнымъ же образомъ гипербола называть работу, которою мелкій крестьянинъ занимается на сосѣднихъ усадьбахъ, такъ какъ его помѣстье не всецѣло поглощаетъ его, „рабскимъ трудомъ". Черезъ употребленіе такихъ выраженій создаются представленія, которыя заставляютъ предполагать въ этихъ классахъ такія чувства и наклонности, которыя они въ дѣйствительности питаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Если я не могу согласиться со всѣми выводами Каутскаго относительно вѣроятнаго развитія крестьянскихъ хозяйствъ, то тѣмъ въ большей степени я присоединяюсь къ основнымъ положеніямъ его программы аграрной политики. Объ этомъ, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ.

кооперативныя фабрики обуви удерживаютъ на должной высотѣ норму платы всего округа. То же дѣлаетъ въ Ульсолѣ кооперативная слесарня, и lock-out тамъ невозможенъ. Кооперативная прядильня и ткацкая „Self-Help“ въ Бернли непрерывно работала въ продолженіе всей стачки 1892—93 г.г. и въ союзѣ съ потребительными обществами, такимъ образомъ, содѣйствовала тому, чтобы предприниматели сдались. Словомъ, какъ выражается статья въ „Trade Unionist“ отъ 2-го ноября 1898 г., „тамъ, гдѣ въ странѣ постоянно существуютъ эти (производительныя) общества, люди привыкаютъ къ тому, чтобы вести дѣло не только для прибыли, но и такимъ образомъ, что рабочій не бываетъ вынужденъ отказываться отъ своего человѣческаго достоинства у дверей фабрики и преисполняется тѣмъ чувствомъ свободы, какое гражданская мысль воспитываетъ въ свободномъ, основанномъ на равенствѣ обществѣ“ *).

Жизнеспособными однако до сихъ поръ оказались производительныя общества лишь тамъ, гдѣ они имѣли резервъ въ лицѣ потребительныхъ союзовъ или сами въ своей организаціи приближались къ этой формѣ. Это даетъ указаніе, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать обѣщающее наибольшій успѣхъ развитіе рабочей коопераціи въ ближайшемъ будущемъ.

---

*) „Я не разъ уже публично заявлялъ на конгрессахъ трэдъ-юніонистовъ, что коопераціи, въ общемъ,—лучшіе друзья, какихъ только подмастерья булочниковъ имѣютъ, и я все еще настаиваю на этомъ заявленіи... Съ большими потребительными обществами и ихъ булочными я, равно какъ и мой трэдъ-юніонъ стоимъ въ лучшихъ отношеніяхъ и надѣемся, что и впредь такъ будетъ.“ Дж. Дженкинсъ, секретарь союза британскихъ подмастерьевъ булочниковъ въ „Labour Copartnership“, ноябрь 1898 г.

в) Демократія и соціализмъ.

„24-го февраля 1848 г. занялась первая заря новаго историческаго періода".

„Кто говоритъ о всеобщей подачѣ голосовъ, тотъ призываетъ къ примиренію".

Ф. Лассаль, „Рабочая Программа".

Профессіональные союзы для нормы прибыли въ производствѣ являются тѣмъ же, чѣмъ потребительныя общества для нормы прибыли въ торговлѣ. Борьба профессіонально организованныхъ рабочихъ за поднятіе уровня своего положенія есть съ точки зрѣнія капиталистовъ борьба нормы заработной платы противъ нормы прибыли. Несомнѣнно, слишкомъ смѣлое обобщеніе говорить, что измѣненія въ высотѣ заработной платы и рабочемъ времени не оказываютъ вовсе никакого вліянія на цѣны. Сумма труда, которую требуется затратить на единицу какого-нибудь товара, остается, конечно, неизмѣнною, пока производственная техника остается та же, какъ бы заработная плата ни падала или ни поднималась. Но сумма труда, въ основѣ которой не лежитъ цѣна его, составляетъ для рынка пустое понятіе, такъ какъ тамъ рѣчь идетъ не объ абстрактной цѣнности общественнаго производства, а объ относительной цѣнности различнаго рода товаровъ между собою, для которой высота платы — факторъ не безразличный. Съ повышеніемъ платы рабочихъ въ нѣкоторыхъ индустріяхъ повышается въ соотвѣтствующей пропорціи и цѣнность данныхъ продуктовъ по сравненію съ цѣнностью продуктовъ всѣхъ индустрій, не испытавшихъ такого повышенія въ заработной платѣ, и если при этомъ не удается уравновѣсить это повышеніе черезъ усовершенствованіе техники, данный слой предпринимателей вынужденъ либо повысить въ соотвѣтствующей пропорціи цѣну продукта, либо потерпѣть пониженіе нормы прибыли. Но въ этомъ отношеніи различныя индустріи находятся въ различномъ положеніи. Есть индустріи, которыя по самой природѣ продукта или въ своей монополистической организаціи довольно независимы отъ мірового рынка. Тамъ повы-

шеніе платы сопровождается обыкновенно повышеніемъ цѣнъ, такъ что нормѣ прибыли не только нѣтъ надобности падать, но она сама можетъ одновременно повышаться *). Въ индустріяхъ же мірового рынка, какъ и вообще во всѣхъ индустріяхъ, гдѣ конкуррируютъ между собою продукты, производимые при различныхъ условіяхъ и условіемъ побѣды на рынкѣ является наибольшая дешевизна, повышенія заработной платы почти всегда вліяютъ на пониженіе нормы прибыли. То же происходитъ, когда попытка уравновѣсить вызванное борьбою за сбытъ пониженіе цѣнъ черезъ пропорціональное уменьшеніе заработной платы разбивается о сопротивленіе организованныхъ рабочихъ. Выравниваніе черезъ усовершенствованіе техники означаетъ обыкновенно большія сравнительно затраты капитала на машины и другія средства труда, а это, въ свою очередь, означаетъ соотвѣтствующее паденіе нормы прибыли. Наконецъ, и при борьбѣ рабочихъ за плату можетъ фактически дѣло идти лишь о томъ, чтобъ воспрепятствовать повышенію нормы прибыли на счетъ нормы заработной платы, какъ ни мало сознается это въ данный моментъ борющимися.

Что борьба за рабочее время есть на ряду съ другими подобными борьба за норму прибыли, не требуетъ здѣсь спеціальнаго доказательства. Если укороченіе рабочаго дня и не ведетъ за собою непосредственно уменьшенія той суммы труда, которая до сихъ поръ давалась за данную плату—во многихъ случаяхъ, какъ извѣстно, происходитъ совершенно обратное—то оно все-таки ведетъ косвенно къ повышенію жизненныхъ запросовъ рабочихъ и такимъ образомъ дѣлаетъ повышеніе платы неизбѣжнымъ.

Повышеніе заработной платы, ведущее къ повышенію цѣнъ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ и не быть ущербомъ для общества, но часто также бываетъ и болѣе вреднымъ, нежели полезнымъ. Для общества, напр., въ сущности не важно, выжимаетъ ли какая-нибудь индустрія монопольныя цѣны исключительно въ пользу горсти предпринимателей, или рабочіе этой индустріи также получаютъ нѣкоторый пай въ подобной отнятой у общества добычи: монопольная цѣна все же остается

---

*) На эту истину, относящуюся къ отдѣльнымъ случаямъ, натолкнулся, между прочимъ, Кэри въ своемъ ученіи о гармоніи. Примѣрами служатъ нѣкоторыя добывающія индустріи, горные промыслы и т. д.

столь же достойною осужденія, сколько удешевленіе продуктовъ, которое можетъ быть достигнуто лишь черезъ пониженіе платы ниже средняго минимума *). Но повышеніе платы, которое за-

*) Вышесказанное было уже написано, когда до меня дошла статья К. Каутскаго въ № 14 „Neue Zeit,“ въ которой онъ характеризуетъ появившіеся за послѣднее время въ графствахъ средней Англіи и описанные мною въ одной изъ прежнихъ статей промысловые союзы, какъ трэдъ-юніоны, которые „соединяются съ капиталистическими синдикатами для эксплуатаціи публики“, какъ „средство англійскихъ фабрикантовъ деморализовать трэдъ-юніонистическое движеніе“. Вмѣсто борьбы противъ капитала они „борются противъ общества рука объ руку съ капиталомъ“ („Neue Zeit“, XVII, 1, стр. 421). Какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ моихъ замѣчаній въ текстѣ и выводовъ относительно кооперацін, я вполнѣ признаю существованіе тенденціи, которую осуждаетъ Каутскій, и столько же, сколько онъ, принципіально протестую противъ коалицій, направленныхъ противъ публики, все равно, состоятъ ли онѣ изъ капиталистовъ или рабочихъ. Все же я считаю его критику преувеличенною. Я не могу à priori осуждать, какъ союзы въ цѣляхъ эксплуатаціи публики, подобныя промысловыя организаціи противъ разорительной конкурренціи и безграничнаго сбиванія цѣнъ, каковыми являются промысловые союзы. Даже у значительной части трэстовъ до сихъ поръ мало можно было примѣтить слѣдовъ такой эксплуатаціи. Скорѣе, по моему мнѣнію, далеко не ничтожная эксплуатація производителей заключается весьма часто въ разорительной конкурренціи въ видахъ сбиванія цѣнъ. Словомъ, я усматриваю въ промысловыхъ союзахъ, которые, повидимому, все больше и больше распространяются (въ настоящее время идутъ переговоры о введеніи ихъ въ стеклянной и гончарной промышленности) и которые имѣютъ свой pendant въ нѣмецкихъ тарифныхъ союзахъ, явленіе, которое, конечно, не безъ недостатковъ, но которое, подобно своимъ предшественникамъ (смѣшанные комитеты по опредѣленію заработной платы, подвижныя скалы заработной платы и пр.), должно разсматриваться, какъ закономѣрный продуктъ реакціи противъ анархіи въ промышленности. Они не больше угрожаютъ интересамъ общества, нежели цѣлый рядъ другихъ средствъ трэдъ-юніонистической политики, которыми пользуются организованные рабочіе, и которыя, благодаря лишь тому, что они формально,—не фактически,—направлены противъ капитала, до сихъ поръ молча признавались, если не защищались, соціалъ-демократіей.

Впрочемъ, Каутскій ошибается, если думаетъ, что англійскіе профессіональные союзы въ настоящее время принципіально обратились противъ подвижныхъ скалъ заработной платы. Они борются лишь противъ „бездонныхъ“ („bot-

трагиваетъ одну только норму прибыли, можетъ при настоящихъ условіяхъ быть въ общемъ лишь выгоднымъ для общества. Я именно говорю: въ общемъ, такъ какъ и здѣсь бываютъ случаи, когда справедливо противоположное. Если въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности норма прибыли понижается далеко ниже общаго минимума, то для данной страны это можетъ означать потерю этой индустріи и перенесеніе послѣдней въ другія страны, гдѣ рабочая плата на много ниже и условія труда гораздо хуже. Съ точки зрѣнія мірового хозийства можно все это считать неважнымъ, такъ какъ въ концѣ концовъ равновѣсіе такъ или иначе возстановится; но для лицъ заинтересованныхъ это малое утѣшеніе, такъ какъ такая экспатріація означаетъ и для нихъ, и для общества, прежде всего, положительный убытокъ на долгое время.

Къ счастью, такіе крайніе случии весьма рѣдки. Обыкновенно рабочіе хорошо знаютъ, какъ далеко они могутъ заходить со своими требованіями. И высота прибыли также способна выдержать порядочное давленіе. Прежде, чѣмъ отказаться отъ своего предпріятія, капиталистъ охотнѣе испробуетъ всевозможныя средства, чтобы возмѣстить добавочный расходъ на заработную плату инымъ путемъ. Большія фактическія различія нормъ прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства показываютъ, что всеобщая средняя норма прибыли скорѣе можетъ конструироваться теоретически, нежели осуществиться хотя бы приблизительно. Бываютъ вѣдь нерѣдко случаи, когда даже новый капиталъ, выступающій на рынокъ и нуждающійся въ реализаціи, ищетъ приложеніе не тамъ, куда манитъ наивысшая норма прибыли, а поддается, подобно человѣку при выборѣ профессіи, вліянію различныхъ соображеній, при которыхъ высота прибыли отступаетъ на задній планъ. Такимъ образомъ, даже этотъ могущественный факторъ въ дѣлѣ выравниванія нормъ прибыли дѣйствуетъ неправильно. Капиталъ же, который вложенъ уже въ дѣло,—а вѣдь, онъ составляетъ въ каждый данный моментъ подавляюще большую часть національнаго капитала,—не въ состояніи уже по чисто

tomless“) подвижныхъ тарифовъ. Противъ подвижныхъ скалъ съ минимальной платой, достаточной для приличной жизни, въ качествѣ „дна“ и дѣленіями, принимающими въ соображеніе техническія измѣненія въ производствѣ, они не имѣютъ рѣшительно ничего.

матеріальнымъ причинамъ слѣдовать за движеніемъ высоты нормы прибыли изъ одной сферы производства въ другую. Словомъ, дѣйствіе повышенія цѣны человѣческаго труда влечетъ за собою въ значительномъ большинствѣ случаевъ отчасти техническое усовершенствованіе и лучшую организацію индустріи, отчасти болѣе равномѣрное распредѣленіе продуктовъ труда. И то, и другое одинаково выгодно для общаго благосостоянія. Съ извѣстными ограниченіями можно для капиталистическихъ странъ измѣнить извѣстное выраженіе Дестюта де-Траси въ томъ смыслѣ, что низкія нормы прибыли указываютъ на высокое благосостояніе народной массы.

По своему соціалъ-политическому положенію профессіональные союзы вносятъ въ промышленность демократическій элементъ. Тенденція ихъ заключается въ томъ, чтобы сломить абсолютизмъ капитала и дать рабочему непосредственное вліяніе на веденіе индустріи. Естественно, чтобы по поводу желательной степени этого вліянія существовали сильнѣйшія разногласія. Лицамъ извѣстнаго образа мыслей можетъ казаться оскорбленіемъ принципа уже одно то, если для профессіональнаго союза не требуютъ по меньшей мѣрѣ безусловнаго права контроля въ индустріи. Сознаніе, что при данныхъ условіяхъ подобное право такъ же утопично, какъ оно безсмыслено было бы въ соціалистическомъ обществѣ, привело другихъ къ тому, чтобы отрицать за рабочими союзами какую бы то ни было постоянную роль въ хозяйственной жизни и признать въ нихъ лишь наименѣе крупное изъ различныхъ неизбѣжныхъ золъ. Есть соціалисты, въ чьихъ глазахъ профессіональный союзъ является лишь предметомъ демонстраціи, служащимъ для практическаго доказательства безполезности всякой другой борьбы, кромѣ политически-революціонной. Фактически, профессіональный союзъ имѣетъ выполнить въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ весьма важныя промышленно-политическія задачи, которыя однако нисколько не требуютъ съ его стороны всемогущества и даже не обусловливаютъ его.

Заслуга по выясненію истиннаго характера профессіональныхъ союзовъ, какъ необходимыхъ органовъ демократіи, а не только какъ преходящихъ коалицій, принадлежитъ ряду англійскихъ писателей. Это, мимоходомъ говоря, не удивительно, если принять въ соображеніе, что они пріобрѣли значеніе въ Англіи раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что Англія въ послѣдней

трети нашего столѣтія пережила трансформацію изъ олигаргически управляемаго въ почти демократическое государство. Послѣдняя и наиболѣе основательная работа по этому предмету— „Теорія и практика британскихъ профессіональныхъ союзовъ“ Сиднея и Беатрисы Веббовъ—справедливо названа ея авторами изслѣдованіемъ о промышленной демократіи. До нихъ покойный Торольдъ Роджерсъ въ своихъ лекціяхъ объ экономическомъ истолкованіи исторіи (которое, впрочемъ, имѣетъ мало общаго съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, соприкасаясь съ нимъ лишь въ отдѣльныхъ пунктахъ) назвалъ профессіональный союзъ рабочимъ товариществомъ на паяхъ — Labour Partnership, — что принципіально сводится къ тому же, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ границы, до которыхъ можетъ быть расширена функція профессіональныхъ союзовъ въ демократіи и за которыми она не имѣетъ мѣста въ демократическомъ обществѣ. Независимо отъ того, является ли предпринимателемъ государство, община или классъ капиталистовъ, профессіональный союзъ въ качествѣ организаціи всѣхъ лицъ, занятыхъ въ тѣхъ или другихъ промыслахъ, можетъ до тѣхъ поръ охранять интересы своихъ членовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать общему благу, пока онъ довольствуется ролью какъ бы пайщика. Дальше этой роли онъ постоянно подвергается опасности выродиться въ замкнутую корпорацію со всѣми дурными свойствами монополіи. Здѣсь дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ съ кооперацією. Профессіональный союзъ, въ качествѣ хозяина цѣлой отрасли индустріи,—этотъ идеалъ различныхъ соціалистовъ старой школы,—былъ бы фактически лишь монопольнымъ производительнымъ обществомъ, и какъ только онъ сослался бы на свою монополію или злоупотребилъ бы ею, онъ сталъ бы въ противорѣчіе съ соціализмомъ и демократіей, каково бы ни было его внутреннее устройство. Почему онъ противорѣчилъ-бы соціализму, видно безъ дальнѣйшихъ поясненій. Организація товарищества, противорѣчащая интересамъ общества, столь же мало заключаетъ въ себѣ соціализма, сколько государственное предпріятіе въ олигаргической общинѣ. Но почему такой профессіональный союзъ противорѣчитъ демократіи?

Этотъ вопросъ влечетъ за собою другой: что такое демократія?

Отвѣтъ на него кажется весьма простымъ: на первый

взглядъ его можно ограничить переводомъ: „народное правленіе“. Но уже послѣ небольшого размышленія видно, что это опредѣленіе —чисто поверхностное и формальное и что почти всѣ, употребляющіе слово демократія, разумѣютъ подъ нимъ нѣчто большее, чѣмъ просто форму правленія. Мы ближе подойдемъ къ предмету, если выразимся отрицательно и переведемъ: „демократію—отсутствіе классоваго господства“, обозначая тѣмъ такое состояніе общества, въ которомъ ни одинъ классъ не пользуется специальными привилегіями по сравненію съ цѣлымъ обществомъ. Этимъ самымъ дается уже объясненіе, почему монополистическая корпорація, по существу, антидемократична. Это отрицательное объясненіе имѣетъ еще и то преимущество, что оно менѣе, нежели выраженіе „народное правленіе“, даетъ мѣсто мысли о подавленіи личности большинствомъ, которому современное сознаніе безусловно противится. Мы нынче признаемъ подавленіе меньшинства большинствомъ „недемократическимъ“, хотя первоначально оно считалось вполнѣ совмѣстимымъ съ народнымъ правленіемъ *). Въ понятіи демокра-

*) Прямолинейные представители бланкизма вначалѣ всегда представляли себѣ демократію въ видѣ подавляющей силы. Такъ, Ипполитъ Кастиль предпосылаетъ своей исторіи второй республики введеніе, которое заканчивается настоящимъ апоѳеозомъ господства террора. „Самымъ совершеннымъ обществомъ“, говорится тамъ, „было бы то, гдѣ тиранія была бы дѣломъ коллективнаго цѣлаго. А это въ сущности значитъ, что самымъ совершеннымъ обществомъ было бы то, гдѣ было бы наименѣе свободы въ сатанинскомъ (т. е. индивидуалистическомъ) смыслѣ этого слова... То, что называютъ политической свободой, есть лишь красивое имя для украшенія справедливой тираніи массы. Политическая свобода есть лишь принесеніе въ жертву нѣкотораго числа индивидуальныхъ свободъ деспотическому богу человѣческихъ обществъ, соціальному разуму, договору“.—„Къ этой эпохѣ (ко времени между октябремъ 1793 г., когда жирондисты, гебертисты, дантонисты одни за другими обезглавливались) восходитъ, по настоящему, возрожденіе принципа авторитета, эта несокрушимая броня человѣческихъ обществъ. Освободившись отъ умѣренныхъ и крайнихъ и обезпечившись противъ всякаго конфликта властей, комитетъ общественнаго спасенія пріобрѣтаетъ черезъ посредство обусловленной обстоятельствами формы правленія необходимую силу и единство для упроченія положенія вещей и охраненія Франціи отъ опасностей надвигающейся анархіи... Нѣтъ, не правительство убила первая французская республика, а парламентеровъ, измѣнни-

тія заключается для современнаго міровоззрѣнія извѣстное правовое представленіе объ одинаковыхъ правахъ всѣхъ членовъ общества, и въ немъ-то находитъ свои границы господство большинства, къ которому сводится въ каждомъ конкретномъ случаѣ народное правленіе. Чѣмъ глубже это представленіе внѣдрено и чѣмъ шире оно владѣетъ общественнымъ сознаніемъ, тѣмъ въ большей степени становится демократія равнозначущей съ наибольшей возможной свободой для всѣхъ.

Само собой разумѣется, что демократія и беззаконіе не одно и то же. Не отсутствіемъ всякихъ законовъ демократія можетъ отличаться отъ другихъ политическихъ системъ, а лишь отсутствіемъ такихъ, которые создаютъ или допускаютъ изъятія, основывающіяся на собственности, происхожденіи и исповѣданіи,—не совершеннымъ отсутствіемъ законовъ, ограничивающихъ права отдѣльныхъ лицъ, а устраненіемъ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ всеобщее правовое равенство, т. е. одинаковыя права всѣхъ. Если демократія и анархія, такимъ образомъ, двѣ вещи совершенно разныя, то было бы неумѣстной игрою понятій, при которой исчезла бы всякая разница, примѣнять такія выраженія, какъ деспотизмъ, тиранія и пр., къ демократіи, какъ общественному строю, потому лишь, что въ ней вопросы рѣшаются заключеніями большинства и отъ каждаго требуется, чтобы онъ признавалъ законы, проведенные большинствомъ. Конечно, демократія не есть абсолютная гарантія противъ законовъ, которые тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ лицамъ могутъ

ковъ термидора. Анархистскіе и либеральные республиканцы, чье копошащееся племя покрываетъ Францію, напрасно изрыгаютъ старыя клеветы. Робеспьеръ остается значительнымъ человѣкомъ,—не благодаря своимъ талантамъ и добродѣтелямъ, которые имѣютъ здѣсь второстепенное значеніе, а благодаря своему чувству авторитета, своему политическому инстинкту".

Этому культу Робеспьера не суждено было пережить второй имперіи. Для болѣе молодого поколѣнія бланкистскихъ соціалъ-революціонеровъ, которые выступили на сцену въ серединѣ 60-хъ г.г. и были, прежде всего, анти-клерикалы, Робеспьеръ былъ изъ-за своего деизма слишкомъ буржуазенъ. Они клялись Геберомъ и Анахарсисомъ Клоотсомъ. Но въ другихъ отношеніяхъ они разсуждали какъ Кастиль, т. е. доводили, подобно ему, до крайности совершенно вѣрную мысль о подчиненіи индивидуальныхъ интересовъ общимъ.

показаться тираническими. Но въ наше время можно быть почти всецѣло увѣреннымъ, что большинство въ демократическомъ обществѣ не издастъ никакого закона, который нарушилъ бы личную свободу на продолжительное время, такъ какъ сегодняшнее большинство можетъ завтра сдѣлаться меньшинствомъ и законъ, угнетающій меньшинство, будетъ угрожать самимъ членамъ теперешняго большинства. То, что всегда совершала тиранія большинства въ эпохи настоящей гражданской войны, существенно отличается отъ господства большинства въ новѣйшей демократіи. На практикѣ скорѣе обнаружилось то, что чѣмъ дольше просуществовали въ современномъ государствѣ демократическіе порядки, тѣмъ въ большей степени возросло уваженіе и вниманіе къ правамъ меньшинства и тѣмъ болѣе потеряла партійная борьба свою прежнюю остроту *). Люди, которые не могутъ представить себѣ осуществленія соціализма безъ актовъ насилія, увидятъ, пожалуй, въ этомъ аргументъ противъ демократіи, и въ соціалистической литературѣ дѣйствительно не было недостатка въ подобныхъ голосахъ. Но тотъ, кто не обольщаетъ себя утопическимъ представленіемъ, будто современныя націи распадутся подъ вліяніемъ продолжительной революціонной катастрофы на рядъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга группъ, увидитъ въ демократіи нѣчто большее, нежели политическое средство, годное лишь до тѣхъ поръ, пока оно служитъ для рабочаго класса орудіемъ для того, чтобъ покончить съ капиталомъ. Демократія есть въ одно и то же время и средство, и цѣль. Она — средство завоеванія соціализма и вмѣстѣ съ тѣмъ форма его осуществленія. Она, правда, не въ состояніи совершить чудеса. Она не въ состояніи въ странѣ, подобно Швейцаріи, гдѣ промышленный пролетаріатъ образуетъ мень-

*) Съ этой точки зрѣнія достойно замѣчанія, что сильнѣйшіе нападки на мои прегрѣшенія противъ идеи диктатуры пролетаріата вышли изъ среды подданныхъ наиболѣе деспотически управляемаго государства въ Европѣ—Россіи и нашли себѣ наибольшій откликъ въ . . Саксоніи, гдѣ правящіе классы пожертвовали въ интересахъ порядка сноснымъ демократическимъ избирательнымъ правомъ въ ландтагъ въ пользу избирательнаго безправія по трехклассной системѣ, между тѣмъ какъ у соціалистовъ болѣе демократическихъ странъ мои статьи встрѣтили либо безусловное одобреніе, либо значительное признаніе.

шинство населенія (онъ не составляетъ еще и половины двухъ милліоновъ взрослыхъ), передать этому пролетаріату политическую власть. Она не въ состояніи также и въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ пролетаріатъ составляетъ многочисленнѣйшій классъ населенія, сдѣлать этотъ пролетаріатъ владыкою промышленности, когда онъ отчасти вообще не обнаруживаетъ къ тому никакой склонности, а отчасти не чувствуетъ еще себя въ силахъ справиться со связанными съ этимъ господствомъ задачами. Но и въ Англіи, и въ Швейцаріи, а также во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ скандинавскихъ государствахъ и т. д. она оказалась могучимъ рычагомъ соціальнаго прогресса. Тотъ, кто обращаетъ вниманіе не на ярлыкъ, а на сущность, найдетъ, если прослѣдитъ законодательство Англіи съ выборной реформы 1867 г., давшей право голоса городскимъ рабочимъ, весьма выдающійся прогрессъ въ сторону соціализма, если не въ соціализмѣ самомъ. Публичная народная школа существуетъ въ трехъ четвертяхъ страны вообще лишь съ этого времени: до того имѣлись лишь частныя и церковныя школы. Въ 1865 г. посѣщало школу 4,38% населенія, а въ 1896 г.—уже 14,2%; въ 1872 г. государство расходовало на элементарныя школы лишь 750 тыс. фунт. въ годъ, а въ 1896—6,35 мил. Администрація графствъ и общинъ, школъ и общественнаго призрѣнія бѣдныхъ перестала быть монополіей имущихъ и привиллегированныхъ классовъ: рабочая масса пользуется въ ней такимъ же голосомъ, какъ и крупнѣйшій землевладѣлецъ и богатѣйшій капиталистъ. Косвенные налоги постоянно понижаются, а прямые постоянно повышаются: въ 1866 г. поступило подоходнаго налога 6 мил. фунт. въ круглыхъ цифрахъ, въ 1898—16,5 мил. фунт., къ чему надобно прибавить еще приростъ дохода съ повышеннаго налога на наслѣдства, равняющійся, по крайней мѣрѣ, 4—5 мил. фунтовъ. Аграрное законодательство перестало благоговѣть передъ имущественнымъ абсолютизмомъ землевладѣльца и право экспропріаціи, признававшееся до сихъ поръ лишь въ цѣляхъ путей сообщенія и санитарныхъ, принципіально распространилось и на область хозяйственныхъ измѣненій. Существенно измѣнившаяся политика государства по отношенію къ работающимъ на него непосредственно и посредственно рабочимъ извѣстна всѣмъ, равно какъ и расширенія и дополненія, которымъ подверглось фабричное законодательство съ

1870 г. Все это, а также и подражаніе, которое оно нашло себѣ въ той или другой степени на континентѣ, приходится поставить въ счетъ, если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ демократіи или осуществившейся долѣ демократіи, которою располагаютъ данныя государства. И если по отдѣльнымъ вопросамъ законодательство наиболѣе политически-развитыхъ странъ движется не такъ быстро, какъ въ политически отсталыхъ сравнительно государствахъ подъ вліяніемъ дѣятельныхъ монарховъ или ихъ министровъ, то въ странахъ, гдѣ демократія пустила глубокіе корни, не происходитъ зато въ этомъ отношеніи никакого регресса.

Демократія есть принципіально уничтоженіе классоваго господства, если оно фактически еще не значитъ уничтоженіе классовъ. Часто говорятъ о кооперативномъ характерѣ демократіи и, въ извѣстномъ смыслѣ, съ полнымъ правомъ. Абсолютизмъ или полу-абсолютизмъ обманываетъ своихъ носителей, равно какъ и противниковъ, относительно объема ихъ власти. Оттого мы встрѣчаемся въ странахъ, гдѣ онъ господствуетъ или еще существуютъ его традиціи, съ непомѣрно широкими планами, съ напыщенной рѣчью, съ „зигзагообразной“ политикой, съ боязнью переворотовъ и надеждою на подавленіе. Въ демократіи партіи и стоящіе за ними классы вскорѣ узнаютъ предѣлы своей власти и берутся всякій разъ лишь за такія предпріятія, какія при данныхъ обстоятельствахъ они благоразумно могутъ надѣяться осуществить. Даже если они формулируютъ свои требованія въ нѣсколько болѣе крайней формѣ, чѣмъ какою они въ сущности готовы удовольствоваться, дабы быть въ состояніи сбавить ихъ при неизбѣжномъ компромиссѣ— а демократія есть высшая школа компромисса,—то это происходитъ при соблюденіи надлежащей мѣры. Такимъ образомъ, въ демократіи даже крайняя лѣвая носитъ какъ бы консервативный характеръ, и реформы, благодаря равномѣрности своего движенія, кажутся болѣе медленными, нежели онѣ суть на дѣлѣ. Все же относительно ихъ направленія ошибиться трудно. Избирательное право въ демократіи дѣлаетъ каждаго члена ея, потенціально, пайщикомъ въ обществѣ, и это потенціальное участіе должно въ концѣ концовъ привести къ фактическому пайщичеству. У неразвитаго по численности и образованію рабочаго класса всеобщая подача голосовъ можетъ долго служить лишь правомъ лично выбирать своего господина; съ ростомъ

же численности и образованія рабочихъ она становится орудіемъ къ превращенію народныхъ представителей изъ господъ въ настоящихъ слугъ народа. Если англійскіе рабочіе подаютъ на парламентскихъ выборахъ свои голоса за членовъ старыхъ партій и съ формальной стороны, такимъ образомъ, являются лишь хвостомъ буржуазныхъ партій, то скорѣе этотъ хвостъ заставляетъ вилять голову—особенно, въ промышленныхъ округахъ,—нежели наоборотъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что расширеніе избирательнаго права въ 1884 г. въ связи съ реформою муниципальнаго представительства дало англійской соціалъ-демократіи право гражданства, въ качествѣ политической партіи.

А въ другихъ странахъ развѣ обстоитъ, въ сущности, иначе? Всеобщее избирательное право въ Германіи могло временно служить Бисмарку орудіемъ; но въ концѣ концовъ оно заставило Бисмарка сдѣлаться своимъ орудіемъ. Оно на время могло оказать услугу остъ-эльбскимъ юнкерамъ, но оно давно уже сдѣлалось грозою ихъ. Оно могло дать Бисмарку возможность въ 1878 г. выковать себѣ оружіе въ видѣ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, но это оружіе также и притупилось и надломилось объ это право, пока не было при его помощи выбито у Бисмарка изъ рукъ Если бы Бисмаркъ съ своимъ тогдашнимъ большинствомъ создалъ въ 1878 г. вмѣсто полицейскаго исключительнаго закона законъ политическій, поставившій рабочихъ опять внѣ избирательнаго права, онъ нанесъ бы соціалъ-демократіи болѣе продолжительный и сильный ударъ, нежели первымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ нанесъ бы тогда ударъ и другимъ партіямъ. Всеобщее избирательное право есть обоюдоострая альтернатива переворота.

Но всеобщее избирательное право есть лишь часть демократіи, хотя именно такая, которая въ концѣ концовъ должна повлечь за собою и другія, подобно магниту, притягивающему къ себѣ разсѣянныя желѣзныя частицы. Это, правда, совершается медленнѣе, чѣмъ иной разъ хочется, но оно все-таки совершается. И соціалъ-демократія не можетъ споспѣшествовать этому процессу лучше, чѣмъ когда она безъ оговорокъ—даже и въ теоріи—становится всецѣло на почву всеобщаго избирательнаго права и демократіи со всѣми вытекающими отсюда для ея тактики слѣдствіями.

На практикѣ, т. е. въ жизненныхъ отношеніяхъ, она въ сущности всегда такъ поступала. Но въ своихъ заявленіяхъ ея литературные представители часто протествовали, да и теперь еще часто протестуютъ противъ этого. Фразы, которыя составлены были въ эпоху, когда повсюду въ Европѣ неограниченно царила привилегія собственности, и которыя при такихъ обстоятельствахъ были понятны и до извѣстной степени даже справедливы, но нынѣ являются лишь мертвымъ баластомъ, окружаются какимъ-то благоговѣніемъ, какъ если бы прогрессъ движенія зависѣлъ отъ нихъ, а не отъ живого сознанія того, что можно и должно сдѣлать. Имѣетъ ли, напр., смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата въ такое время, когда во всевозможныхъ учрежденіяхъ представители соціалъ-демократіи практически становятся на почву парламентской работы, пропорціональнаго представительства и народнаго законодательства, противорѣчащихъ диктатурѣ? *) Она въ настоящее время на столько пережита, что иначе нельзя согласовать ее съ дѣйствительностью, какъ путемъ отнятія у слова „диктатура“ его фактическаго значенія и придачи ему какого-нибудь смягченнаго смысла. Вся практическая дѣятельность соціалъ-демократіи сводится къ тому, чтобы создать такія обстоятельства и условія, которыя сдѣлали бы возможнымъ и необходимымъ переходъ современнаго общественнаго строя въ высшій безъ конвульсивныхъ потрясеній. Въ сознаніи того, что они піонеры высшей культуры, ея приверженцы черпаютъ безконечное вдохновеніе и воодушевленіе, и на немъ покоится также въ послѣднемъ счетѣ и нравственное оправданіе стремленія къ общественной экспропріаціи. Но классовая диктатура принадлежитъ къ болѣе низкой культурѣ, и независимо отъ вопроса о цѣлесообразности и осуществимости, надобно признать за шагъ назадъ, за политическій атавизмъ мысль о томъ, будто переходъ изъ капиталистическаго общества въ соціалистическое долженъ непремѣнно совершиться подъ формами развитія эпохи, которой еще незнакомы были или зна-

*) Ср., напр., протестъ оффенбахскихъ соціалистовъ противъ принужденія не-соціалистическаго меньшинства въ коммунальныхъ представительныхъ учрежденіяхъ и одобреніе, которое онъ встрѣтилъ на съѣздѣ соціалистическихъ коммунальныхъ представителей провинціи Бранденбургъ. („Vorwärts“ 28 декабря 1898 г.)

комы были лишь въ самой несовершенной формѣ современные методы пропаганды и проведенія законовъ и недоставало необходимыхъ къ тому органовъ.

Я именно говорю: переходъ изъ капиталистическаго общества въ соціалистическое, а не „изъ буржуазнаго (bürgerlich *) общества“, какъ выражаются теперь часто. Это употребленіе слова „bürgerlich“ является скорѣе атавизмомъ и, во всякомъ случаѣ, фразеологической двумысленностью, которая должна быть признана за недостатокъ терминологіи нѣмецкой соціалъ-демократіи и образуетъ отличную почву для недоразумѣній у друга и недруга. Вина отчасти лежитъ на сторонѣ нѣмецкаго языка, который не имѣетъ подходящаго слова для обозначенія равноправнаго гражданина общества отдѣльно отъ привилегированнаго гражданина. Такъ какъ всѣ попытки придумать и ввести въ употребленіе спеціальное выраженіе для того или другого понятія о гражданинѣ до сихъ поръ были неудачны, то, мнѣ кажется, лучше употреблять для обозначенія привилегированнаго гражданина иностранное слово: буржуа, нежели переводомъ его словомъ „Bürger“ или „bürgerlich“ давать поводъ всевозможнымъ недоразумѣніямъ и искаженіямъ мысли.

Нынче всякій знаетъ, что имѣютъ въ виду, когда говорятъ о борьбѣ противъ буржуазіи и упраздненіи буржуазнаго общества. Но что значитъ борьба или упраздненіе гражданскаго (bürgerlich“) общества? Что значитъ оно именно въ Германіи, въ наикрупнѣйшемъ и самомъ вліятельномъ государствѣ которой, въ Пруссіи, рѣчь все еще идетъ о томъ, чтобъ избавиться какъ-нибудь отъ значительной доли феодализма, стоящаго на пути гражданскаго развитія? Никто не думаетъ о томъ, чтобы желать исчезновенія современнаго общества, какъ граждански благоустроенной формы общежитія. Напротивъ. Соціалъ-демократія не имѣетъ въ виду упразднять это общество и превращать его членовъ въ пролетаріевъ: она скорѣе стремится къ тому, чтобы поднять рабочаго съ соціальнаго положенія пролетарія на уровень гражданина и такимъ путемъ сдѣлать гражданство всеобщимъ. Она не хочетъ

---

*) „Bürger“ по-нѣмецки значитъ и „гражданинъ“ и „буржуа“. Этимологически это одинаково съ русскимъ „гражданинъ“ и французскимъ „citoyen“; Burg—городъ—cité.

Прим. пер.

на мѣсто гражданскаго (bürgerlich) поставить пролетарское общество, а лишь замѣнить капиталистическій общественный строй соціалистическимъ. Было бы хорошо, если бы вмѣсто двумысленныхъ выраженій перваго рода употребляли совершенно недвумысленные термины второго рода. Этимъ была бы устранена добрая половина другихъ противорѣчій между фразеологіей и практикой соціалъ-демократіи, на которыя не безъ основанія указываютъ наши противники. Нѣкоторыя соціалистическія газеты любятъ нынче употреблять дѣланный противубюргерскій языкъ, который былъ бы уже умѣстенъ, если бы мы жили отшельническою сектою, но который совершенно безмысленъ въ настоящее время, когда никто не считаетъ за оскорбленіе соціалистическаго образа мысли устроить свою частную жизнь вполнѣ „буржуазно“ *).

Наконецъ, можно еще порекомендовать соблюдать мѣру при воинственныхъ выходкахъ противъ „либерализма“. Совершенно вѣрно, что великое либеральное движеніе новаго времени оказало большія услуги, прежде всего, капиталистической буржуазіи, и партіи, которыя присвоили себѣ имя либеральныхъ, были или сдѣлались съ теченіемъ времени тѣлохраните-

---

*) Въ этомъ пунктѣ Лассаль былъ гораздо логичнѣе, чѣмъ мы. Правда, было чрезвычайно односторонне съ его стороны выводить понятіе „буржуа“ исключительно изъ политической привилегіи вмѣсто того, чтобы его выводить одновременно, по крайней мѣрѣ, и изъ экономической. Но въ остальномъ онъ былъ достаточно реалистъ, чтобъ съ самаго начала въ корнѣ подрѣзать вышеуказанную нелѣпицу, заявивъ въ „Рабочей программѣ“: „Въ нѣмецкомъ языкѣ слѣдовало бы перевести слово „буржуазія“ черезъ Bürgerthum (бюргерство). Но у меня оно не то значитъ. Граждане (Bürger) мы всѣ: рабочіе, мѣщане, горожане и пр. Слово „буржуазія“ пріобрѣло съ теченіемъ времени значеніе, указывающее на совершенно опредѣленное политическое направленіе“ (Полное собраніе сочиненій, II, стр. 27 нѣм. изд.). То, что Лассаль затѣмъ говоритъ объ извращенной логикѣ санкюлотизма, можно порекомендовать именно тѣмъ беллетристамъ, которые „натуралистически“ изучаютъ бюргерство въ кофейнѣ и затѣмъ судятъ о цѣломъ классѣ по его пустоцвѣту, точь въ точь какъ филистеръ думаетъ видѣть типъ современнаго рабочаго въ трактирномъ завсегдатаѣ. Я не колеблюсь заявить, что я считаю буржуазію, не исключая и нѣмецкой въ общемъ довольно здоровою не только въ экономическомъ но и въ нравственномъ отношеніи.

лями капитализма. Между этими партіями и соціалъ-демократіей можетъ естественно царить лишь одна вражда. Но что касается до либерализма, какъ всемірно-историческаго движенія, то соціализмъ не только хронологически, но и по духовному содержанію своему является его законнымъ наслѣдникомъ, какъ это, впрочемъ, обнаруживается и практически при каждомъ принципіальномъ вопросѣ, по отношенію къ которому соціалъ-демократія становится въ то или другое положеніе. Тамъ, гдѣ осуществленіе какого-нибудь экономическаго требованія соціалистической программы возможно было лишь при такихъ условіяхъ или такимъ путемъ, что развитіе свободы подверглось бы серьезной опасности, соціалъ-демократія никогда не колебалась занять враждебное къ вопросу положеніе. Обезпеченіе гражданской свободы было для нея всегда важнѣе, нежели осуществленіе какого-нибудь хозяйственнаго постулата. Развитіе и обезпеченіе свободной личности составляетъ цѣль всѣхъ соціалистическихъ мѣропріятій,—даже такихъ, которыя извнѣ кажутся принудительными. Ближайшее изслѣдованіе всегда показываетъ, что дѣло идетъ о такомъ принужденіи, которое „увеличиваетъ“ сумму свободы въ обществѣ и дастъ „больше“ свободы „большему“ кругу, нежели оно отнимаетъ. Устанавливаемый закономъ нормальный рабочій день, напр., есть фактически установленіе минимальной свободы, т. е. запрещеніе отчуждать свою свободу больше, чѣмъ на опредѣленное число часовъ ежедневно, и стоитъ принципіально на той же почвѣ, что и одобряемый либералами запретъ отчуждать себя на продолжительное время въ личную кабалу. Въ этомъ смыслѣ нисколько не случайность, что страна, которая впервые осуществила максимальный нормальный день, была самое демократически развитое государство Европы— Швейцарія, а демократія есть лишь политическая форма либерализма. Будучи движеніемъ, направленнымъ противъ подчиненія народовъ учрежденіямъ, навязаннымъ извнѣ либо черпающимъ свой raison d'être въ традиціи, либерализмъ старался войти въ жизнь, прежде всего, въ видѣ принципа суверенитета временъ и народовъ. Эти оба принципа служили предметомъ нескончаемыхъ споровъ у философовъ государственнаго права XVII и XVIII вв., пока Руссо въ своемъ „Общественномъ Договорѣ“, не сдѣлалъ ихъ основными условіями правовой силы всякаго общественнаго строя, а французская ре-

волюція, въ проникнутой духомъ Руссо демократической конституціи 1793 г, не провозгласила ихъ неотъемлемыми правами человѣка *).

Конституція 1793 г. была послѣдовательнымъ выраженіемъ либеральныхъ идей эпохи, и какъ мало она является помѣхой соціализму, показываетъ бѣглый взглядъ на ея содержаніе. Самъ Бабефъ и „равные“ видѣли въ ней отличный исходный пунктъ для осуществленія своихъ коммунистическихъ стремленій и выставили возстановленіе конституціи 1793 г. во главѣ своихъ требованій. То, что впослѣдствіи выдавалось за политическій либерализмъ, было лишь ограниченія и приспособленія, соотвѣтствовавшія или достаточныя для потребностей капиталистической буржуазіи по низверженіи стараго режима, точь въ точь какъ манчестерская доктрина была лишь смягченнымъ выраженіемъ и односторонней формулировкою основныхъ положеній, провозглашенныхъ классиками хозяйственнаго либерализма. Фактически нѣтъ ни одной либеральной мысли, которая не входила бы также и въ идейное содержаніе соціализма. Даже принципъ личной хозяйственной отвѣтственности, который, повидимому, всецѣло принадлежитъ къ манчестерской доктринѣ, не можетъ быть, по моему мнѣнію, ни теоретически отвергаемъ соціализмомъ, ни практически устраняемъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Безъ отвѣтственности нѣтъ свободы; мы можемъ быть какого угодно теоретическаго мнѣнія относительно свободы дѣйствія, но практически мы должны исходить изъ нея, какъ изъ основы нравственнаго закона, такъ какъ лишь при этомъ условіи возможна общественная мораль. И точно такъ же невозможна здоровая соціальная жизнь въ вѣкъ обмѣна въ нашихъ государствахъ, насчитывающихъ милліоны, если не предполагается личная хозяйственная отвѣтственность всѣхъ способныхъ къ труду. Признаніе личной хозяйственной отвѣтственности есть эквивалентъ, платимый личностью обществу за оказанныя ей услуги.

Я позволю себѣ привести нѣкоторые отрывки изъ упомя-

---

*) „Суверенитетъ принадлежитъ народу. Онъ нераздѣленъ, неприкосновененъ, неотъемлемъ“. Ст. 25. „Народъ имѣетъ право во всякое время пересмотрѣть, передѣлать и измѣнить свою конституцію. Ни одно поколѣніе не можетъ обязать своими законами другое“. Ст. 28.

нутой уже выше статьи моей о „Соціалъ-политическомъ значеніи пространства и числа“.

„Лишь постепенно можетъ въ ближайшемъ будущемъ измѣниться что-либо въ личной хозяйственной отвѣтственности работоспособныхъ. Рабочая статистика можетъ весьма значительно развиться, рабочее посредничество – весьма усовершенствоваться, перемѣна занятій — облегчиться, а трудовое право сложиться такъ, что каждому индивиду будутъ обезпечены средства къ существованію и легкость выбора профессіи въ несравненно большей степени, нежели въ настоящее время. Наиболѣе развитые органы хозяйственной самопомощи — большіе профессіональные союзы — указываютъ уже въ этомъ отношеніи путь, по которому, вѣроятно, пойдетъ развитіе.... Въ томъ, что уже теперь сильные профессіональные союзы обезпечиваютъ своимъ работоспособнымъ членамъ извѣстное право на занятіе и дѣлаютъ для предпринимателей весьма неудобнымъ разсчитывать члена профессіональнаго союза безъ основательной, признаваемой также и союзомъ причины, въ томъ, что при составленіи реестровъ рабочихъ, ищущихъ занятія, они соединяютъ порядокъ, въ какомъ поступили заявленія, и нужды, заключаются указанія на развитіе демократическаго трудового права“. („Neue Zeit“, XV, 2, стр. 141). „Другія начинанія въ этомъ смыслѣ имѣются въ настоящее время въ видѣ промышленныхъ третейскихъ судовъ, рабочихъ камеръ и др. подобныхъ учрежденій, въ которыхъ нашло себѣ выраженіе, хотя и не всегда полное, демократическое самоуправленіе. Съ другой же стороны, расширеніе публичныхъ службъ и въ особенности учрежденій воспитательныхъ и взаимопомощи (страхованій и пр.), безъ сомнѣнія, содѣйствуетъ въ значительной степени тому, чтобы отнять у личной хозяйственной отвѣтственности всѣ ея жесткія стороны. Но право на трудъ въ томъ смыслѣ, что государство каждому гарантируетъ занятіе въ его профессіи, совершенно невѣроятно въ близкомъ будущемъ, да и нежелательно. То, что имѣютъ въ виду его поборники, можетъ съ пользою для общества быть достигнуто лишь вышеописаннымъ путемъ, т. е. объединеніемъ различныхъ органовъ; точно такъ же и всеобщая трудовая цѣнность можетъ быть осуществлена безъ мертвящей бюрократіи лишь указаннымъ способомъ. Въ крупныхъ и сложныхъ организмахъ, подобно современнымъ культурнымъ госу-

дарствамъ и ихъ промышленнымъ центрамъ, абсолютное право на работу дѣйствовало бы лишь дезорганизующимъ образомъ; его можно себѣ представить лишь какъ источникъ самаго отвратительнаго произвола и безконечныхъ распрей“ (тамъ же).

Либерализмъ имѣлъ своей исторической задачей разбить оковы, которыя налагали на развитіе общества стѣсненное хозяйство и соотвѣтствующій правовой порядокъ среднихъ вѣковъ. То обстоятельство, что онъ вскорѣ принялъ прочную форму буржуазнаго либеразлизма, не опровергаетъ того, что онъ выражаетъ гораздо болѣе широкій общественный принципъ, завершеніемъ котораго будетъ соціализмъ. Соціализмъ не хочетъ создать никакихъ новыхъ оковъ. Личность должна быть свободною,—не въ метафизическомъ смыслѣ, какъ мечтаютъ анархисты, т. е. свободною отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ обществу, а свободною отъ всякаго экономическаго принужденія въ своемъ движеніи и выборѣ профессіи. Подобная свобода для всѣхъ возможна лишь черезъ посредство организаціи. Въ этомъ смыслѣ соціализмъ можно было бы назвать также и организаціоннымъ либерализмомъ, такъ какъ если ближе разсмотрѣть организаціи, которыхъ соціализмъ требуетъ и при томъ въ той формѣ, въ какой онъ ихъ требуетъ, то окажется, что то, что прежде всего отличаетъ ихъ отъ схожихъ по внѣшности феодальныхъ учрежденій,—это именно либерализмъ, т. е. ихъ демократическое устройство, ихъ доступность. Оттого профессіональные союзы, стремящіеся къ исключительности, напоминающей цехи, представляютъ хотя понятный соціалисту продуктъ борьбы противъ тенденціи капитализма переполнять рабочій рынокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ являются, именно въ силу своего стремленія къ обособленности и въ той мѣрѣ, въ какой оно имъ свойственно, несоціалистическими корпораціями. То же самое было бы справедливо относительно профессіональныхъ союзовъ, какъ полныхъ хозяевъ тѣхъ или другихъ отраслей производства, такъ какъ они съ естественной необходимостью пришли бы къ обособленности, точь въ точь, какъ „чисто“ производительныя общества*).

---

*) Согласно указанному критерію надобно, по моему мнѣнію, разсматривать и обсуждающійся въ настоящее время такъ горячо вопросъ о свободномъ выборѣ врача въ больничныхъ кассахъ. Какія бы мѣстныя условія ни побуждали больничныя кассы ограничивать выборъ врача, принципіально

Въ связи съ этимъ да позволено мнѣ будетъ привести одно мѣсто изъ „Системы пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаля, которое всегда казалось мнѣ отличнымъ разъясненіемъ занимающаго насъ вопроса. „То, противъ чего направлены глубокія теченія нашего времени“, говоритъ Лассаль, „и обо что они все еще разбиваются, не есть моментъ индивидуальнаго—онъ скорѣе явился бы съ такимъ же правомъ союзникомъ ихъ, какъ и моментъ всеобщаго,—а духъ обособленности, который восходитъ къ среднимъ вѣкамъ и все еще живетъ въ насъ“. („Система“ 2-е нѣм. изд., I ч., стр. 22). Въ примѣненіи къ тому, о чемъ мы говорили выше, мы можемъ сказать, что организація должна быть соединяющимъ, а не разъединяющимъ звеномъ между индивидомъ и обществомъ. Если Лассаль въ вышеприведенномъ мѣстѣ упрекаетъ либерализмъ въ томъ, что онъ желаетъ провозглашаемыя имъ права не для индивида, какъ таковаго, а лишь для индивида, находящагося въ извѣстномъ положеніи, то это направлено, какъ оно, впрочемъ, ясно и точно выражено въ непосредственно передъ этимъ стоящемъ мѣстѣ, противъ тогдашней либеральной партіи, „противъ нашего такъ-называемаго либерализма“, а не противъ теоретическаго либерализма.

Вопросъ, намѣченный предыдущими замѣчаніями, не простъ. Политическое равенство само по себѣ до сихъ поръ нигдѣ не оказалось достаточнымъ для обезпеченія здороваго развитія такихъ обществъ, въ которыхъ центръ тяжести лежалъ въ большихъ городахъ Какъ показываетъ примѣръ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, оно далеко не непогрѣшимое средство противъ распространенія всякаго рода паразитизма и испорченности. Не будь такого необыкновеннаго запаса силъ въ значительной части французскаго народа и не находись страна въ такомъ благопріятномъ географическомъ положеніи. Франція давно уже пошла бы ко дну отъ чумы чиновничества, такъ сильно внѣдрившагося въ ней. Во всякомъ случаѣ эта

такое ограниченіе, безъ сомнѣнія, не соціалистично. Врачъ долженъ быть слугою не замкнутой корпораціи, а всего общества; въ противномъ случаѣ мы мало по малу дойдемъ до того, что вынуждены будемъ существенно передѣлать фразу въ Коммунистическомъ Манифестѣ; „Буржуазія превратила врача, юриста, человѣка науки въ своего наемнаго работника“.

язва составляетъ одну изъ причинъ, почему, не смотря на высокую духовную подвижность французовъ, промышленное развитіе Франціи все больше и больше отстаетъ отъ сосѣднихъ государствъ. Чтобы демократія не превзошла еще въ пріумноженіи бюрократовъ централизованнаго абсолютизма, она должна быть построена на широко развѣтвляющемся самоуправленіи съ соотвѣтствующей личной хозяйственной отвѣтственностью всѣхъ административныхъ единицъ, равно какъ и всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ. Ничто не можетъ быть вреднѣе для нормальнаго развитія, какъ принудительное единообразіе и излишнее количество протекціонизма. Они затрудняютъ или мѣшаютъ всякому раціональному различенію между жизнеспособными и паразитическими учрежденіями. Когда государство, съ одной стороны, устраняетъ всѣ законодательныя препятствія къ организаціи производителей и вручаетъ профессіональнымъ союзамъ подъ извѣстными условіями, не дающими имъ вырождаться въ монолистическія корпораціи, извѣстныя права и полномочія въ дѣлѣ контроля индустріи, такъ что въ наличности существуютъ всѣ гарантіи противъ пониженія заработной платы и перерабатыванія, и когда, съ другой стороны, при помощи описанныхъ выше учрежденій приняты мѣры къ тому, чтобъ никто не принуждался внѣшней нуждою отчуждать свой трудъ на недостойныхъ условіяхъ,— когда все это такъ, общество можетъ равнодушно относиться къ тому, существуютъ ли еще рядомъ съ публичными и кооперативными предпріятіями такія, которыя ведутся частными лицами для своей собственной прибыли. Они сами собою съ теченіемъ времени примутъ кооперативный характеръ.

Создать или, если они уже существуютъ, содѣйствовать дальнѣйшему развитію описанныхъ учрежденій есть необходимое предварительное условіе того, что мы называемъ обобществленіемъ производства. Безъ нихъ такъ-называемое присвоеніе средствъ производства имѣло бы своимъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ лишь безмѣрную трату производственныхъ силъ, безсмысленное экспериментированіе и безцѣльное насиліе, и политическое господство рабочаго класса осуществилось бы на дѣлѣ лишь въ формѣ дикгаторско-революціонной центральной власти, подкрѣпляемой террористической диктатурой революціонныхъ клубовъ.

Въ такомъ видѣ оно и проиосилось передъ взорами блан-

кистовъ и такимъ оно изображалось еще въ Коммунистическомъ Манифестѣ и сочиненіяхъ его авторовъ, принадлежащихъ къ періоду его изданія. Но „въ виду практическаго опыта февральской революціи, а еще больше—парижской коммуны, гдѣ пролетаріатъ впервые владѣлъ политической властью въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“, изображенная въ Манифестѣ революціонная программа „мѣстами устарѣла“. „Именно коммуна показала, что рабочій классъ не въ состояніи просто овладѣть государственной машиной и привести ее въ движеніе ради своихъ собственныхъ цѣлей“.

Такъ говорятъ Марксъ и Энгельсъ въ 1872 г. въ предисловіи къ новому изданію Манифеста. При этомъ они отсылаютъ къ „Гражданской войнѣ во Франціи“, гдѣ это развито подробнѣе. Взявъ однако указанное сочиненіе и раскрывъ соотвѣтствующій отдѣлъ (третій), мы находимъ въ немъ программу, которая по своему политическому содержанію во всѣхъ существенныхъ чертахъ чрезвычайно походитъ на федерализмъ . . . Прудона.

„Единство націи имѣло быть не надломлено, а напротивъ организовано черезъ уничтоженіе той государственной власти, которая выдавала себя за воплощеніе этого единства, но на дѣлѣ стремилась стать въ независимое и господствующее положеніе по отношенію къ народу, на тѣлѣ котораго она была лишь паразитическимъ наростомъ. Въ то время, какъ просто притѣсняющіе органы старой правительственной власти надлежали быть отрѣзанными, ея законныя функціи должны были быть отняты у власти, стремившейся стать выше общества, и переданы отвѣтственнымъ слугамъ его Вмѣсто того, чтобы рѣшать одинъ разъ въ три года или шесть лѣтъ, какой членъ правящихъ классовъ долженъ представлять и обманывать народъ въ парламентѣ, всеобщее избирательное право должно было служить организованному въ коммуны народу (какъ индивидуальное избирательное право служитъ каждому любому работодателю) на то, чтобы подыскать для своего дѣла рабочихъ, надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ“.

„Антагонизмъ между коммуною и государственной властью разсматривался иными какъ утрированная форма старой борьбы противъ чрезмѣрной централизаціи . . . Коммуна, напротивъ, возвратила бы общественному организму всѣ тѣ соки, которые успѣлъ до сихъ поръ высосать паразитическій наростъ—

„государство“, питающійся на счетъ общества и мѣшающій его свободному развитію. Этимъ однимъ она положила бы начало возрожденію Франціи.“

Такъ говоритъ Марксъ въ „Гражданской войнѣ во Франціи“.

Послушаемъ теперь Прудона. Такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою его книги о федерализмѣ, то я позволю себѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненія о политическихъ способностяхъ рабочихъ классовъ, въ которомъ онъ мимоходомъ проповѣдуетъ организацію рабочихъ въ особую политическую партію.

„Въ демократіи, организованной соогласно истиннымъ понятіямъ о народномъ суверенитетѣ, т. е. согласно основнымъ принципамъ договорнаго права, какое бы то ни было угнетающее или деморализующее дѣйствіе центральной власти на націю абсолютно невозможно: простое допущеніе таковаго нелѣпо“.

„И почему?“

„Потому что въ истинно свободной демократіи центральное правительство не есть нѣчто отличное отъ собранія делегатовъ, естественныхъ органовъ мѣстныхъ интересовъ, созванныхъ для объединенія. Потому что каждый депутатъ есть прежде всего человѣкъ своей мѣстности, которая назначила его своимъ представителемъ, ея посолъ, ея согражданинъ, ея спеціальный уполномоченный, которому поручено защищать ея спеціальные интересы, т. е. по возможности согласовать ихъ передъ великимъ жюри (націи) съ всеобщими интересами Потому что соединенные делегаты, когда избираютъ изъ своей среды центральный исполнительный комитетъ, не различаютъ между нимъ и собою и не дѣлаютъ его своимъ господиномъ, который можетъ вступить съ ними въ конфликтъ“.

„Средняго не можетъ быть: коммуна будетъ либо державною, либо простымъ отдѣленіемъ (государства). Все или ничего. Дайте ей все, что хотите: съ того момента, какъ она перестаетъ черпать свое право въ самой себѣ, какъ она должна признать высшій законъ, какъ большая группа, къ которой она принадлежитъ, провозглашается ея владыкою и не является выраженіемъ ея федеративныхъ отношеній,—съ того момента, говоримъ мы, становится неизбѣжнымъ, чтобы они въ одинъ прекрасный день очутились въ противоположныхъ лагеряхъ и

пришли въ столкновеніе“. Тогда однако логика и сила будутъ на сторонѣ центральной власти. „Идея объ ограниченіи государственной власти группами тамъ, гдѣ господствуетъ принципъ подчиненія и централизаціи самихъ этихъ группъ, не послѣдовательна, чтобы не сказать противорѣчива“. Она—муниципальный принципъ буржуазнаго либерализма. „Федерированная же Франція,—режимъ, который воплощаетъ идею независимости и котораго первый актъ состоитъ въ томъ, чтобы воротить коммунамъ ихъ полную самостоятельность, а провинціямъ—ихъ самоуправленіе“—есть та муниципальная свобода, которую рабочій классъ долженъ начертать на своемъ знамени. („Capacite Politique des classes ouvrieres“ стр. 224, 225, 231, 235). И если въ „Гражданской войнѣ“ значится, что „политическое господство производителя не можетъ существовать рядомъ съ его общественнымъ закрѣпощеніемъ на вѣки“, то въ „Capacite Politique“ мы читаемъ: „разъ дано политическое равенство и проведено въ жизнь при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права, тенденція націи склоняется въ сторону экономическаго равенства. Именно въ такомъ смыслѣ понимали это рабочіе кандидаты. Но это также и то, чего не желали ихъ буржуазные соперники“ (тамъ же стр. 214). Словомъ, при всѣхъ прочихъ различіяхъ между Марксомъ и „мелко-буржуазнымъ“ Прудономъ, ихъ мысли по этимъ пунктамъ совпадали такъ близко, какъ это только возможно.

Не только не подлежитъ никакому сомнѣнію, но, напротивъ, многократно уже обнаруживалось на дѣлѣ, что общее развитіе современнаго общества сопровождается постояннымъ ростомъ задачъ муниципалитетовъ и расширеніемъ муниципальныхъ вольностей и что коммуна становится все болѣе и болѣе важнымъ рычагомъ соціальной эмансипаціи. Должно ли быть упраздненіе современной государственности и совершенное переустройство ея организаціи, какъ это рисовали себѣ Марксъ и Прудонъ (т. е. образованіе національнаго собранія изъ делегатовъ провинціальныхъ или областныхъ собраній, которыя, въ свою очередь, составлены были изъ делегатовъ коммуны), первымъ дѣломъ демократіи, кажется мнѣ сомнительнымъ. Современное развитіе вызвало къ жизни слишкомъ много учрежденій, объемъ которыхъ переросъ контроль муниципалитетовъ и даже областей и провинцій, чтобы переустройство ихъ организаціи могло обойтись безъ контроля центральнаго

правительства. Да и абсолютный суверенитетъ общинъ и пр. для меня не идеалъ. Община есть составная часть націи и имѣетъ такія же обязанности по отношенію къ ней, какъ и права на нее. Общинѣ такъ же мало можно предоставить безусловное и исключительное право, напр., на землю, какъ и личности. Цѣнныя регаліи, лѣса, рѣки и пр. принадлежатъ въ послѣдней инстанціи не общинамъ или областямъ, которыя имѣютъ лишь право на пользованіе ими, а націи. Оттого представительство, при которомъ на первомъ планѣ, т. е. первою обязанностью представителей служитъ защита національныхъ, а не провинціальныхъ или мѣстныхъ интересовъ, является именно въ переходную эпоху абсолютно необходимымъ. Рядомъ съ нимъ, однако, будутъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе другія собранія и представительныя учрежденія, такъ что, революціоннымъ путемъ или нѣтъ, функціи центральныхъ учрежденій будутъ постоянно уменьшаться, а вмѣстѣ съ ними и опасность этихъ представительныхъ собраній или административныхъ центровъ для демократіи. Въ передовыхъ странахъ она и теперь уже весьма незначительна.

Но суть дѣла заключается здѣсь не столько въ критикѣ отдѣльныхъ пунктовъ этой программы, сколько въ томъ, чтобы отмѣтить, какъ энергично подчеркивается въ ней самоуправленіе, какъ необходимое условіе соціальной эмансипаціи, съ какой настойчивостою указывается на демократическую организацію снизу вверхъ, какъ на путь къ осуществленію соціализма, какъ близко противники Прудонъ и Марксъ сходятся тѣмъ не менѣе въ . . либерализмѣ.

Какъ управятся при полной демократіи общины и прочіе центры самоуправленія со своими задачами и въ какой степени они будутъ заниматься ими, покажетъ само будущее. Одно только ясно: они тѣмъ больше и тѣмъ опрометчивѣе будутъ экспериментировать, а потому подвергаться тѣмъ большему риску и неудачамъ, чѣмъ внезапнѣе они придутъ во владѣніе своихъ правъ, и они тѣмъ осторожнѣе и практичнѣе будутъ подвизаться и тѣмъ больше споспѣшествовать благу общества, чѣмъ дольше упражнялась рабочая демократія въ школѣ самоуправленія.

Какъ ни проста кажется демократія на первый взглядъ, но ея задачи въ развитомъ обществѣ, подобно нашему, далеко не такъ легко поддаются разрѣшенію. Стоитъ только почитать

въ теоріи трэдъ-юніоновъ Вебба, сколько экспериментовъ пришлось и все еще приходится продѣлывать англійскимъ трэдъ-юніонамъ, чтобы лишь найти подходящую форму своего управленія, и какъ много значитъ для нихъ этотъ вопросъ организаціи. Англійскіе трэдъ-юніоны могли въ этомъ отношеніи развиваться совершенно свободно въ теченіе больше 70 лѣтъ. Они начали съ элементарнѣйшей формы самоуправленія и должны были изъ практики убѣдиться, что эта форма и годится только для элементарнѣйшихъ организмовъ, для совсѣмъ маленькихъ мѣстныхъ союзовъ. По мѣрѣ того, какъ они росли, они шагъ за шагомъ отбрасывали, какъ тормозящія ихъ успѣшное развитіе, извѣстныя излюбленныя идеи доктринерскаго демократизма (обусловленный мандатъ, чиновники безъ жалованья, лишенное власти центральное представительство) и взамѣнъ этого сумѣли выработать жизнеспособную демократію съ представительными собраніями, оплачиваемыми служащими и уполномоченнымъ центральнымъ правленіемъ. Эта страничка изъ исторіи развитія „индустріальной демократіи“ необыкновенно поучительна. Если и не все, что касается трэдъ-юніоновъ, приложимо къ единицамъ національныхъ административныхъ центровъ, то многое все-таки примѣнимо къ нимъ. Соотвѣтствующая глава книги Вебба составляетъ страницу изъ ученія о демократическомъ управленіи, которая, впрочемъ, во многихъ пунктахъ сходится съ выводами Каутскаго въ его книгѣ о прямомъ народномъ законодательствѣ. Исторія развитія трэдъ-юніоновъ показываетъ, какимъ образомъ возникло исполнительное центральное правленіе—ихъ правительство—исключительно изъ раздѣленія труда, которое обусловлено было пространственнымъ расширеніемъ организма и ростомъ числа его членовъ. Возможно, что съ соціалистическимъ развитіемъ общества и эта централизація впослѣдствіи сдѣлается излишнею. Покамѣстъ же и въ демократіи невозможно будетъ обходиться безъ нея. Какъ уже показано было въ заключеніи перваго отдѣла этой главы, общинамъ крупныхъ городовъ или индустріальныхъ центровъ совершенно невозможно будетъ перенять въ свое собственное завѣдываніе всѣ мѣстныя производственныя и торговыя предпріятія. Невѣроятно поэтому уже на основаніи практическихъ соображеній—не говоря уже о соображеніяхъ дешевизны, которыя говорятъ противъ этого,—чтобы въ какомъ-нибудь революціонномъ возстаніи они сум-

марно „экспропріировали“ эти предпріятія всѣ вмѣстѣ и порознь взятыя. Но даже если бы они это сдѣлали (причемъ въ большинствѣ случаевъ они получили бы лишь пустыя скорлупы), они вынуждены были бы сдать значительнѣйшую часть дѣлъ на откупъ кооперативнымъ обществамъ—индивидуальнымъ ли обществамъ или профессіональнымъ союзамъ,—для личнаго кооперативнаго веденія ихъ *).

Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ, равно какъ и въ противоположность мѣстнымъ и національнымъ предпріятіямъ, приходилось бы защищать извѣстные интересы всѣхъ отдѣльныхъ профессій, въ совокупности взятыхъ, и такимъ образомъ постоянно оставалось бы мѣсто для верховнаго контроля профессіональныхъ союзовъ. Въ переходныя эпохи, въ особенности, чрезвычайно важно разнообразіе имѣющихся въ наличности органовъ.

Впрочемъ, намъ до этого момента еще далеко, и я не имѣю въ виду изображать картины будущаго. Меня занимаетъ не то, что произойдетъ въ далекомъ будущемъ, а то, что можетъ и должно быть сдѣлано въ настоящее время для него самого и для ближайшаго будущаго. И вотъ, выводомъ изъ всѣхъ этихъ замѣчаній является то весьма банальное положеніе, что завоеваніе демократіи, выработка политическихъ и хозяйственныхъ органовъ демократіи есть необходимое условіе осуществленія соціализма. Если мнѣ возразятъ, что надежды на достиженіе этого безъ политической катастрофы въ Германіи чрезвычайно малы,—даже больше, почти не существуютъ, что нѣмецкое бюргерство становится все болѣе и болѣе реакціоннымъ, то для даннаго момента оно, быть можетъ, и вѣрно, хотя и опровергается нѣкоторыми явленіями. Но долго продолжаться такъ дѣло не можетъ. То, что именуется буржуазіей, представляетъ весьма разношерстный классъ, состоящій изъ всевозможныхъ слоевъ съ разнообразнѣйшими и разнородными интересами. Эти слои въ концѣ концовъ держатся вмѣстѣ лишь тогда, когда они видятъ себя либо одинаково притѣсняемыми, либо въ одинаковой опасности. Въ данномъ случаѣ

*) Причемъ, безъ сомнѣнія, возникнутъ весьма сложныя проблемы. Стоитъ только подумать о многочисленныхъ комбинированныхъ предпріятіяхъ новѣйшаго времени, въ которыхъ работаютъ лица всевозможныхъ промысловъ и профессій.

рѣчь, естественно, можетъ идти лишь о послѣднемъ. Буржуазія образуетъ однородно-реакціонную массу потому, что всѣ ея элементы чувствуютъ себя въ одинаковой опасности со стороны соціалъ-демократіи,—одни въ своихъ матеріальныхъ, а другіе — въ идеологическихъ интересахъ, т. е. ихъ религіи, патріотизмѣ и желаніи избавить родину отъ ужасовъ насильственнной революціи.

Но это совершенно лишне. Соціалъ-демократія не угрожаетъ ей, каждому въ одинаковой степени, и ужъ навѣрное, никому, какъ личности. Она сама вовсе ужъ не такъ бредитъ насильственной революціей противъ всего не-пролетарскаго міра. Чѣмъ яснѣе это будетъ сказано и доказано, тѣмъ скорѣе исчезнетъ этотъ своеобразный страхъ, такъ какъ многіе элементы буржуазіи, чувствуя себя притѣсняемыми съ другой стороны, скорѣе возстанутъ противъ этихъ притѣсненій, распространяющихся также на рабочую массу, нежели противъ рабочихъ: они охотнѣе вступятъ въ союзъ съ рабочими, нежели съ этими притѣснителями. Быть можетъ, эта вспомогательная армія не вполнѣ надежная; но ужъ навѣрное нельзя воспитать хорошихъ союзниковъ, заявляя имъ, что мы, дескать, поможемъ вамъ слопать врага, но вслѣдъ затѣмъ мы слопаемъ васъ. Такъ какъ рѣчь никоимъ образомъ не идетъ о всеобщей и одновременной насильственной экспропріаціи, а лишь о постепенномъ упраздненіи путемъ организаціи и закона, то демократическое развитіе, навѣрное, не пострадаетъ отъ того, что мы съ этою фактически уже устарѣвшей легендою распростимся и въ фразеологіи.

Феодализмъ съ его застывшими и неизмѣнными порядками пришлось почти повсюду разбивать силою. Либеральные порядки современнаго общества именно тѣмъ и отличаются отъ тѣхъ, что они гибки и доступны перемѣнамъ и развитію. Ихъ нѣтъ надобности разбивать: ихъ надобно лишь развивать дальше. Для этого нужны организаціи и энергическое дѣйствіе, а не необходимо революціонная диктатура. „Такъ какъ классовая борьба имѣетъ своей цѣлью упразднить классовыя различія вообще“, писалъ нѣкоторое время тому назадъ (октябрь 1897 г.) соціалъ-демократическій органъ Швейцаріи, базельскій „Vorwäts“, „то надобно логически установить періодъ, когда должно начаться осуществленіе этой цѣли, этого идеала. Это начало, эти одинъ за другимъ слѣдующіе періоды содер-

жатся уже въ нашемъ демократическомъ развитіи, которое помогаетъ намъ постепенно замѣнить классовую борьбу созданіемъ соціальной демократіи и, такъ сказать, растворить ее въ ней“. „Буржуазія, какого бы бы оттѣнка она ни была“, недавно заявилъ испанскій соціалистъ Пабло Иглезіасъ, „должна убѣдиться въ томъ, что мы не желаемъ насильственно овладѣть властью при помощи тѣхъ средствъ, которыми она когда-то пользовалась, т. е. насилія и кровопролитія, и желаемъ достичь этого законными средствами, приличествующими цивилизаціи“ („Vorwärts“, 16 окт. 1898). Въ такомъ же смыслѣ безусловно присоединился главный органъ англійской независимой рабочей партіи „Labour Leader“ къ замѣчаніямъ Фольмара относительно парижской коммуны. Никто вмѣстѣ съ тѣмъ не попрекнетъ этой газеты недостаткомъ энергіи въ дѣлѣ борьбы съ капитализмомъ и капиталистическими партіями. Другой же органъ соціалистической англійской рабочей демократіи „Clarion“ присовокупилъ къ перепечатанной выдержкѣ изъ моей статьи о теоріи катастрофы, къ которой онъ присоединяется, слѣдующіе комментаріи:

„Созданіе настоящей демократіи—такова, я убѣжденъ, настоятельнѣйшая и существеннѣйшая задача, которая намъ предстоитъ. Таковъ урокъ, преподанный намъ нашей десятилѣтней соціалистической кампаніей. Таково ученіе, вытекающее изъ всего моего знанія и опыта въ области политики. Прежде, чѣмъ соціализмъ можетъ осуществиться, необходимо выработать націю демократовъ“.

г) Ближайшія задачи соціалъ-демократіи.

„И тѣмъ, что она есть, пусть она имѣетъ смѣлость казаться“.
Шиллеръ, „Марія Стюартъ“.

Задачи партіи опредѣляются множествомъ факторовъ: состояніемъ общаго экономическаго, политическаго, умственнаго и нравственнаго развитія въ странѣ, гдѣ она дѣйствуетъ, характеромъ борющихся рядомъ или противъ нея партій, характеромъ находящихся въ ея распоряженіи средствъ и рядомъ субъективныхъ идеологическихъ факторовъ,—прежде всего, ея

общей цѣлью и ея представленіемъ о наилучшемъ пути къ достиженію этой цѣли. Извѣстно, какія огромныя различія существуютъ еще въ этомъ отношеніи между разными странами. Даже въ странахъ приблизительно одинаковой высоты промышленнаго развитія находимъ мы весьма значительныя политическія различія и большую разницу въ духовномъ укладѣ народныхъ массъ. Особенности географическаго положенія, вкоренившіяся привычки народной жизни, дошедшія по наслѣдству учрежденія и преданія всякаго рода создаютъ различія въ идеологіи, которыя лишь въ весьма медленной степени подчиняются вліянію этого развитія. Даже тамъ, гдѣ соціалистическія партіи брали за исходную точку своей дѣятельности одинаковыя условія, онѣ съ теченіемъ времени бывали вынуждены приспособить свою дѣятельность къ спеціальнымъ жизненнымъ отношеніямъ своей страны. Въ каждый данный моментъ поэтому можно еще, пожалуй, установить общіе принципы политики соціалъ-демократіи съ притязаніями на дѣйствительность и пригодность ихъ для всѣхъ странъ, но никакъ не общую для нихъ всѣхъ программу дѣйствія.

Какъ показано было въ предыдущемъ отдѣлѣ, демократія является условіемъ осуществленія соціализма въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ; другими словами, она является не только средствомъ, но и сущностью. Безъ демократическихъ учрежденій или традицій извѣстныхъ размѣровъ современное соціалистическое ученіе было бы, вообще, невозможно: могло бы быть, пожалуй, рабочее движеніе, но не соціалъ-демократія. Современное соціалистическое движеніе, каково бы ни было его теоретическое объясненіе, является фактически продуктомъ вліянія, которое правовыя понятія, выработанныя великой французской революціей и получившія, благодаря ей, всеобщее распространеніе, оказали на движеніе промышленныхъ рабочихъ въ пользу повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени. Это послѣднее могло бы существовать и безъ нихъ, какъ существовалъ безъ нихъ и до нихъ народный коммунизмъ въ связи съ первобытнымъ христіанствомъ *). Но этотъ народный коммунизмъ былъ весьма

*) Многократно случалось со мною (а конечно и съ другими) въ прежніе годы, когда заканчивалось агитаціонное собраніе, что ко мнѣ подходили рабочіе или ремесленники,

неопредѣленъ и полу-мистиченъ, и рабочее движеніе, не имѣя за собою, въ качествѣ основанія, упомянутыхъ правовыхъ учрежденій и понятій, являющихся по крайней мѣрѣ въ значительной степени сопутствующими идеологіями капиталистическаго развитія, не имѣло бы внутренней связи. Такъ, приводя болѣе или менѣе близкій примѣръ, обстоитъ въ настоящее время въ восточныхъ государствахъ. Политически безправный рабочій классъ, выросшій въ суевѣріи и съ недостаточнымъ образованіемъ, можетъ иной разъ бунтовать и даже въ небольшихъ размѣрахъ конспирировать, но соціалистическаго движенія онъ не разовьетъ. Нужна извѣстная дальнозоркость, нужно извѣстное развитіе правового самосознанія, чтобы сдѣлать соціалиста изъ рабочаго, который время отъ времени бунтуетъ. Оттого политическія права и школа стоятъ повсюду на видномъ мѣстѣ въ соціалистической програмѣ дѣйствія.

Все это — вообще говоря. Въ планъ этой работы не входитъ дѣлать оцѣнку отдѣльныхъ пунктовъ соціалистической программы. Что, въ частности, касается ближайшихъ требованій эрфуртской программы нѣмецкой соціалъ-демократіи, то я не имѣю никакого намѣренія предложить какія-либо измѣненія въ нихъ. Какъ и всякій другой соціалъ-демократъ, я не всѣ пункты считаю одинаково важными или цѣлесообразными. По моему мнѣнію, напр., безвозмездную юридическую помощь можно рекомендовать при настоящихъ условіяхъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ: хотя и необходимо принять мѣры, которыя бы дали возможность также и неимущему искать правосудія, но нѣтъ никакой настоятельной нужды свалить всю массу современныхъ имущественныхъ процессовъ на государство и сдать адвокатуру въ завѣдываніе государства. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что современные законодатели, хотя бы и по другимъ соображеніямъ, не хотятъ и слышать про подобныя мѣропріятія, а соціалистическое законодательство не можетъ приступить къ осуществленію ихъ безъ коренной реформы всего правового строя, а если можетъ, то лишь по мѣрѣ созданія новыхъ правовыхъ учрежденій въ родѣ существующихъ уже профессіональныхъ судовъ, это требованіе можетъ остаться въ программѣ въ

слышавшіе соціалистическую рѣчь въ первый разъ, и заявляли, что все, что я говорилъ, находится слово въ слово въ Св. Писаніи, и что они могутъ мнѣ указать всѣ соотвѣтствующія мѣста.

качествѣ указателя того развитія, котораго имѣется въ виду достигнуть.

Свое сомнѣніе относительно цѣлесообразности этого требованія въ его теперешней формѣ, я, впрочемъ, очень ясно выразилъ уже въ 1891 г. въ статьѣ по поводу разбиравшихся тогда проектовъ программы, заявивъ, что этотъ пунктъ даетъ „слишкомъ много и слишкомъ мало" („Neue Zeit" IX, 2, стр. 821). Статья эта принадлежитъ къ серіи по вопросу о программѣ, которую К. Каутскій и я сообща написали тогда, причемъ первыя три статьи были почти исключительно духовнымъ дѣтищемъ Каутскаго, а четвертая была составлена мною. Я приведу оттуда еще два мѣста, опредѣляющія точку зрѣнія, съ которой я тогда смотрѣлъ на практику соціалъ-демократіи, и дающія возможность судить, на сколько измѣнились съ тѣхъ поръ мои взгляды.

„Просто, безъ дальнихъ разговоровъ, требовать содержанія всѣхъ безработныхъ на государственныя средства значитъ отсылать къ государственному корыту не только тѣхъ, кто не можетъ найти работу, но и тѣхъ, кто не хочетъ ее находить.... Право, не надо быть анархистомъ, чтобы найти всѣ эти вѣчныя указанія на всеблагое государство слишкомъ ужъ частыми. .. Мы придерживаемся того основного воззрѣнія, что новѣйшій пролетарій, хотя и бѣденъ, не есть однако нищій, нуждающійся въ милостынѣ. Въ этой разницѣ кроется цѣлый міръ, въ ней заключена сущность нашей борьбы, надежда на нашу окончательную побѣду".

„Формулу „замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ" вмѣсто „народное ополченіе взамѣнъ постоянной арміи" мы предлагаемъ потому, что она опредѣляетъ цѣль и въ то же время даетъ партіи возможность уже въ настоящее время, когда рѣчь еще вовсе не можетъ идти объ упраздненіи постоянной арміи, требовать ряда мѣръ, которыя, по крайней мѣрѣ, уменьшаютъ насколько возможно противоположеніе между арміей и народомъ, какъ, напр., отмѣны особыхъ военныхъ судовъ, уменьшенія срока службы и т. д." (стр. 819, 824, 825).

Такъ какъ вопросъ о „постоянной арміи либо милиціи" сдѣлался въ настоящій моментъ предметомъ оживленныхъ споровъ, то умѣстно будетъ вставить здѣсь нѣсколько замѣчаній на этотъ счетъ.

Мнѣ кажется, прежде всего, что въ указанной формулировкѣ вопросъ поставленъ невѣрно. Онъ долженъ гласить: правительственная армія или народная армія. Этимъ сразу опредѣлилась бы ясно политическая сторона вопроса: должна ли армія служить орудіемъ правящихъ или вооруженнымъ охраннымъ ополченіемъ народа, должна ли она получать рѣшающія указанія отъ короны или отъ народнаго представительнаго собранія, должна ли она присягать стоящему во главѣ націи лицу или конституціи и палатѣ? Отвѣтъ на эти вопросы не можетъ быть для соціалъ-демократа двоякій. Конечно, въ виду того, что палата не состоитъ еще изъ соціалистовъ и конституція еще не демократична, армія, подчиненная собранію представителей, можетъ при случаѣ всегда быть направлена на подавленіе меньшинства или даже фактическаго большинства, которые однако въ парламентѣ составляетъ меньшинство; но противъ такихъ возможныхъ казусовъ вообще нѣтъ никакой спасительной формулы, пока часть націи находится подъ оружіемъ и должна повиноваться существующему въ данный моментъ представительству націи. Даже такъ - называемое „всеобщее народное вооруженіе" было бы, въ моемъ мнѣніи при настоящемъ состояніи техники весьма недѣйствительной защитою противъ организованной вооруженной силы и причиняло бы лишь всякій разъ, если уже составъ этой силы не охраняетъ народа отъ насилія — что, впрочемъ, при всеобщей воинской повинности все рѣже и рѣже имѣетъ мѣсто — ненужныя жертвы съ обѣихъ сторонъ. Тамъ, гдѣ нынче оно было бы еще полезно, на него никогда не согласятся по политическимъ причинамъ, а тамъ, гдѣ его можно было-бы имѣть, оно было бы излишне. Какъ я ни желаю воспитанія сильнаго и безстрашнаго племени, но всеобщее народное вооруженіе для меня совсѣмъ не соціалистическій идеалъ. Мы, къ счастью, все больше и больше привыкаемъ къ тому, чтобы разрѣшать наши политическіе споры иными средствами, чѣмъ пули.

Такова политическая сторона вопроса. Что же касается до технической (организаціи, срока дѣйствительной службы и пр.), то я откровенно сознаюсь, что я недостаточно освѣдомленъ по этой части, чтобы выразить опредѣленное и рѣшительное мнѣніе. Примѣры изъ прошлаго, говорящіе въ пользу быстро обученныхъ армій (войны революціи, освободительныя войны), не могутъ безъ оговорокъ быть

перенесены на совершенно измѣнившіяся условія современнаго веденія войны, и сдѣланный въ послѣднее время, за греко-турецкую и испано-американскую войны, опытъ съ волонтерами также не кажется мнѣ вполнѣ примѣнимымъ къ возможностямъ, съ которыми Германіи приходится считаться. Ибо если, по моему мнѣнію, опасность со стороны Россіи въ нашихъ кругахъ иной разъ и преувеличивается или ищется тамъ, гдѣ она, быть можетъ, наименѣе угрожаетъ, то я все-таки признаю, что страна, подавляющая масса населенія которой состоитъ изъ политически безвольныхъ и весьма невѣжественныхъ крестьянъ, постоянно можетъ стать опасностью для ея сосѣдей. Въ данномъ случаѣ поэтому суть дѣла заключается въ томъ, чтобы быть въ состояніи какъ можно быстрѣе перенести войну на непріятельскую территорію и тамъ вести ее, такъ какъ въ современныхъ странахъ война на собственной территоріи означаетъ уже половину пораженія. Вопросъ такимъ образомъ сводится къ тому, будетъ ли въ достаточной степени обладать милиція готовностью къ войнѣ, увѣренностью и сплоченностью, чтобы достичь подобныхъ результатовъ, или какъ долго должна длиться для этого подготовка подъ знаменами По этому пункту, мнѣ кажется, можно контатировать съ увѣренностью лишь то, что при толковомъ обученіи молодежи въ употребленіи оружія и упраздненіи всѣхъ остатковъ и пережитковъ фронтовой службы возможно весьма значительное сокращеніе срока службы безъ малѣйшаго ущерба для военной силы націи. При этомъ, конечно, играетъ большую роль добрая воля тѣхъ, которые въ данный моментъ стоятъ во главѣ арміи; но этой доброй волѣ можетъ уже теперь значительно помочь народное представительство давленіемъ на военный бюджетъ. Какъ при фабричномъ законодательствѣ, такъ и здѣсь вынужденное сокращеніе срока службы сдѣлаетъ возможными кой-какія вещи, которыя педантизмъ и кастовые интересы считаютъ теперь „невозможными“. Такимъ образомъ, по скольку вообще придаютъ значеніе содержанію военной силы, готовой столько же къ нападенію, сколько къ оборонѣ, рядомъ съ необходимымъ измѣненіемъ въ политическомъ положеніи арміи первымъ вопросомъ является не то, лучше ли имѣть милицію или нѣтъ, а то, какое сокращеніе въ срокѣ службы возможно сейчасъ и—постепенно—въ будущемъ безъ того, чтобы Германія осталась позади своихъ сосѣдей.

Но имѣетъ ли соціалъ-демократія, какъ партія рабочаго класса и мира, интересъ въ поддержаніи въ народѣ способности владѣть оружіемъ? Съ разныхъ точекъ зрѣнія дѣлаются попытки отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно,—въ особенности, исходя изъ положенія Коммунистическаго Манифеста, гласящаго, что „у пролетарія нѣтъ отечества". Между тѣмъ это положеніе могло еще имѣть смыслъ въ примѣненіи къ безправнымъ, выключеннымъ изъ публичной жизни рабочимъ сороковыхъ годовъ, а никакъ не для настоящаго времени: теперь, не смотря на гигантски развившіяся сношенія націй одна съ другою, его примѣнимость въ значительной степени уже ограничилась и ограничится еще больше по мѣрѣ того, какъ благодаря вліянію соціалъ-демократіи рабочій все больше и больше станетъ изъ пролетарія... гражданиномъ (Bürger). Рабочій, который является равноправнымъ избирателемъ въ государствѣ, общинѣ и пр., а потому и соучастникомъ въ общемъ достояніи націи, чьихъ дѣтей общество воспитываетъ, чье здоровье оно охраняетъ, будетъ имѣть отечество, не переставая изъ-за этого быть гражданиномъ міра, подобно тому, какъ народы сближаются, не переставая изъ-за этого вести собственную жизнь. Можетъ казаться, что было бы весьма удобно, если бы люди въ одинъ прекрасный день стали говорить однимъ языкомъ. Но что за очарованіе, что за источникъ духовнаго наслажденія пропалъ бы вмѣстѣ съ этимъ для людей будущаго! Совершенное исчезновеніе націй — далеко не заманчивая мечта и во всякомъ разѣ не можетъ ожидаться въ обозримомъ будущемъ. Но подобно тому, какъ мало желательно, чтобы какая нибудь другая великая культурная нація потеряла свою самостоятельность, такъ мало можетъ быть для соціалъ-демократіи безразлично, чтобы нѣмецкій народъ, который, вѣдь, внесъ и понынѣ вноситъ свою замѣтную долю въ культурную работу націй, отошелъ въ совѣтѣ народовъ на задній планъ.

Нынче много говорятъ о завоеваніи соціалъ-демократіей политической власти, и при той силѣ, которой она достигла въ Германіи, вещь не невозможная, чтобы ей, благодаря какому-нибудь политическому событію, выпала въ ближайшемъ будущемъ рѣшающая роль. Но именно тогда въ виду того, что сосѣдніе народы недалеко еще ушли, ей придется, подобно индепендентамъ Англіи и якобинцамъ французской революціи,

быть національною, такъ какъ она должна утвердить свою власть: ей придется оправдать свои притязанія на положеніе руководящей партіи, т. е. руководящаго класса тѣмъ, что она покажетъ себя достаточно зрѣлою для задачи по охранѣ въ одинаковой мѣрѣ интересовъ классовыхъ и національныхъ.

Я пишу это безъ всякаго шовинистическаго чувства, къ которому я, право, не имѣю ни склонности, ни причины; я пишу это исключительно въ видахъ объективнаго изслѣдованія обязанностей, которыя предстанутъ передъ соціалъ-демократіей въ подобномъ случаѣ. Для меня интернаціональность еще столько же дорога теперь, какъ она была раньше, да я и не думаю, чтобы мысли, развитыя въ предыдущихъ строкахъ, какимъ бы то ни было образомъ умаляли ее. Я говорю лишь, что если бы соціалъ-демократія ограничивалась пропагандою своего ученія и соціалистическими экспериментами, она могла бы сохранять, по отношенію къ націоналъ-политическимъ вопросамъ, исключительно критическую позицію. Но уже политическое дѣйствіе есть само по себѣ компромиссъ съ не-соціалистическимъ міромъ и вынуждаетъ къ мѣрамъ, которыя вовсе не соціалистичны. Между тѣмъ въ дальнѣйшемъ національное станетъ столько же соціалистическимъ, сколько муниципальное. Называютъ же себя уже теперь соціалисты демократическихъ государствъ націоналистами и недвумысленно говорятъ о націонализаціи земли и пр. вмѣсто того, чтобы ограничиваться выраженіемъ „обобществленіе“, которое гораздо неопредѣленнѣе и является скорѣе суррогатомъ, нежели улучшеніемъ этого слова.

Въ вышеизложенномъ уже намѣчена принципіально та точка зрѣнія, съ какой при существующихъ условіяхъ соціалъ-демократія должна относиться къ вопросамъ внѣшней политики. Если рабочій еще не полный гражданинъ, то онъ уже все-таки не безправенъ до такой степени, чтобы національные интересы могли для него быть безразличны. И если соціалъ-демократія еще и не въ силѣ, то она занимаетъ уже такое положеніе, которое налагаетъ на нее извѣстныя обязанности. Ея слова имѣютъ большой вѣсъ. При теперешнемъ составѣ арміи и полной неизвѣстности насчетъ нравственнаго вліянія мелкокалиберныхъ орудій имперское правительство десять разъ подумаетъ прежде, чѣмъ отважится на войну, которая имѣетъ соціалъ-демократію своимъ рѣшительнымъ противникомъ. Даже

безъ пресловутой всеобщей стачки соціалъ-демократія можетъ сказать въ пользу мира такое вѣское, если не рѣшающее слово и, будетъ дѣлать это, согласно старому девизу Интернаціоналя, столь часто и энергично, сколько это всякій разъ будетъ нужно и возможно. Она, согласно своей программѣ, выступитъ также за разрѣшеніе спора третейскимъ судомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о столкновеніи съ другими народами и нѣтъ возможности уладить его непосредственно. Но ничто не велитъ ей поддерживать отказъ блюсти настоящіе или будущіе интересы Германіи, потому что англійскимъ, французскимъ или русскимъ шовинистамъ не нравятся данныя мѣропріятія. Тамъ, гдѣ дѣло со стороны Германіи идетъ не только о капризахъ или особыхъ интересахъ отдѣльныхъ круговъ, совершенно безразличныхъ или даже вредныхъ для народнаго благополучія, тамъ, гдѣ на картѣ фактически стоятъ важные интересы націи, интернаціональность не можетъ служить основаніемъ для малодушной податливости по отношенію къ притязаніямъ иностранныхъ интригановъ.

Этотъ взглядъ не новый; скорѣе, это—сводка мыслей, лежащихъ въ основѣ почти всѣхъ заявленій Маркса, Энгельса и Лассаля по вопросамъ иностранной политики. И положеніе, которое рекомендуется ими, нисколько не угрожаетъ миру. Народы нынче не такъ охотно идутъ уже на войну, и рѣшительный образъ дѣйствій можетъ иной разъ быть полезнѣе для мира, нежели постоянная уступчивость.

Доктрина о европейскомъ равновѣсіи многими считается нынче уже отжившею, и въ своей старой формѣ она, дѣйствительно, уже отжила. Но въ измѣненномъ видѣ равновѣсіе державъ все еще играетъ большую роль при разрѣшеніи международныхъ недоразумѣній. Время отъ времени дѣло все еще сводится къ тому, какъ сильна каолиція державъ, выступающая за извѣстное мѣропріятіе, чтобы провести или помѣшать его осуществленіе. Обезпеченіе за собою права голоса въ подобныхъ случаяхъ я считаю законною задачею политики Германской имперіи, а принципіальную оппозицію ведущимъ къ этимъ мѣрамъ—дѣломъ, лежащимъ внѣ круга задачъ соціалъ-демократіи.

Я приведу конкретный примѣръ. Занятіе бухты Кіао-чоу въ свое время подверглось со стороны соціалистической нѣмецкой прессы весьма суровой критикѣ. Поскольку эта крити-

ка касалась обстоятельствъ, при которыхъ произошло это занятіе, она составляло право,—даже больше, обязанность соціалъ-демократической прессы. Не менѣе правильно было оппонировать самымъ рѣшительнымъ образомъ политикѣ раздѣленія Китая, такъ какъ такое раздѣленіе вовсе не въ интересахъ Германіи. Но когда нѣкоторыя газеты пошли еще дальше и заявили, что партія должна принципіально и при всякихъ обстоятельствахъ осуждать пріобрѣтеніе бухты, то я никоимъ образомъ не могу присоединиться къ нимъ.

Нѣмецкій народъ не имѣетъ никакого интереса въ томъ, чтобы Китай былъ подѣленъ и Германія получила кусокъ Китайской имперіи. Но нѣмецкій народъ имѣетъ большой интересъ въ томъ, чтобы Китай не сдѣлался добычей другихъ націй; онъ имѣетъ большой интересъ въ томъ, чтобы торговая политика Китая не была подчинена интересамъ одной какой-нибудь иностранной державы или коалиціи иностранныхъ державъ,—словомъ, чтобы во всѣхъ вопросахъ, касающихся Китая, Германія имѣла возможность подать рѣшающій голосъ. Ея торговля съ Китаемъ требуетъ такого права голоса. Поскольку, слѣд., пріобрѣтеніе бухты Кіао-чоу служитъ средствомъ къ обезпеченію и укрѣпленію этого права, а—что оно содѣйствуетъ этому, врядъ ли оспоримо, постольку, въ моемъ мнѣніи, есть основаніе для соціалъ-демократіи не возставать противъ него принципіально. Независимо отъ способовъ, какими достигнуто было это пріобрѣтеніе, и отъ прекрасныхъ рѣчей, которыми оно сопровождалось, оно, дѣйствительно, не было уже вовсе такимъ плохимъ шагомъ иностранной политики Германіи.

Дѣло идетъ объ обезпеченіи свободной торговли съ Китаемъ и въ Китаѣ. Ибо не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что и безъ этого пріобрѣтенія Китай все больше и больше былъ бы втянутъ въ кругъ капиталистическаго хозяйства, что и безъ него Россія продолжала бы свою политику захвата и при первомъ удобномъ случаѣ заняла бы манджурскія гавани. Вопросъ поэтому заключался лишь въ томъ, должна ли была Германія спокойно созерцать, какъ черезъ созданіе одного факта за другимъ Китай все больше и больше подпадалъ въ зависимость отъ Россіи, или она должна была обезпечить себѣ положеніе, на основаніи котораго она и при нормальныхъ условіяхъ могла когда угодно давать чувствовать свое вліяніе на положеніе вещей въ Китаѣ вмѣсто того, чтобы

быть вынужденной довольствоваться одними запоздалыми протестами. Въ этомъ смыслѣ пріобрѣтеніе бухты Кіао-чоу сводилось и сводится къ пріобрѣтенію оплота для защиты будущихъ интересовъ Германіи въ Китаѣ—какъ оно, впрочемъ, такъ и провозглашалось—и въ этомъ смыслѣ также соціалъ-демократія могла его одобрить, нисколько не поступаясь своими принципами.

Впрочемъ, при неотвѣтственности веденія иностранной политики Германіи, рѣчь не можетъ идти о положительной поддержкѣ ея, а лишь о правильномъ обоснованіи отрицательнаго положенія, занимаемаго соціалъ-демократіей. Безъ ручательства за то, что подобныя предпріятія не будутъ за спиною народныхъ представителей использованы ради другихъ цѣлей, помимо тѣхъ, о которыхъ было заявлено, — какъ нѣкоторое средство добиться небольшого минутнаго успѣха, жертвуя тѣмъ временемъ большими интересами будущаго—безъ такихъ гарантій соціалъ-демократія не можетъ брать на себя никакой доли отвѣтственности за мѣропріятія внѣшней политики.

Такимъ образомъ, читатель видитъ, намѣченное здѣсь правило отношенія къ вопросамъ внѣшней политики совпадаетъ въ общемъ съ положеніемъ, которое соціалъ-демократія до сихъ поръ занимала на практикѣ. На сколько оно въ своихъ основныхъ положеніяхъ совпадаетъ со взглядами, господствующими въ партіи,—рѣшать не мнѣ.

Въ общемъ, въ такихъ вещахъ традиція играетъ гораздо большую роль, чѣмъ мы думаемъ. Всѣмъ прогрессирующимъ партіямъ свойственно не придавать большого значенія совершившимся уже измѣненіямъ. Ихъ взглядъ постоянно направленъ на то, что еще не измѣнилось,—тенденція, для извѣстныхъ цѣлей—для постановки конечнаго пункта стремленія—вполнѣ оправдываемая и полезная. Но проникнутыя ею подобныя партіи легко привыкаютъ дальше, чѣмъ необходимо или полезно, держаться пережитыхъ мнѣній, въ основныхъ посылкахъ которыхъ весьма многое уже измѣнилось. Онѣ не замѣчаютъ или умаляютъ эти измѣненія, онѣ постоянно ищутъ скорѣе фактовъ, чтобы заставить эти мнѣнія казаться вѣрными, чѣмъ изслѣдовать на основаніи совокупности соотвѣтствующихъ данныхъ вопросъ о томъ, не обратилось ли тѣмъ временемъ это мнѣніе въ предразсудокъ.

Подобный политическій апріоризмъ, кажется мнѣ, играетъ еще часто роль при обсужденіи вопроса о колоніяхъ.

Принципіально, для соціализма или рабочаго движенія въ настоящее время совершенно безразлично, имѣютъ ли новыя колоніи успѣхъ или нѣтъ. Представленіе о томъ, что развитіе колоній задержитъ осуществленіе соціализма, покоится въ послѣднемъ счетѣ на совершенно устарѣвшей идеѣ, будто осуществленіе соціализма зависитъ отъ все большаго и большаго суженія круга состоятельныхъ и возрастанія нищеты массъ. Что первое — басня, показано было уже въ предыдущихъ отдѣлахъ; теорія же нищеты въ настоящее время настолько уже потеряла повсюду престижъ, если и не во всѣхъ своихъ слѣдствіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, по формѣ, что ее стараются всяческими способами истолковать въ переносномъ смыслѣ *). Но если бы даже она была правильна, то колоніи,

*) Попытку на такого рода истолкованіе дѣлаетъ г. Куновъ въ своей статьѣ о теоріи катастрофы. Когда Марксъ, пишетъ онъ, въ заключеніи перваго тома „Капитала", говоритъ о „растущей массѣ нищеты", которою сопровождается развитіе капиталистическаго производства, то подъ этимъ надлежитъ понимать „не просто абсолютный регрессъ въ хозяйственномъ положеніи существованія рабочаго", а „лишь регрессъ всего его общественнаго положенія по сравненію съ прогрессирующимъ культурнымъ развитіемъ, т. е. по сравненію съ ростомъ производительности и возрастаніемъ общихъ культурныхъ потребностей". Понятіе нищеты не есть-де неизмѣнное. „То, что одному рабочему извѣстной категоріи, котораго отдѣляетъ отъ его „хозяина" глубокая разница въ образованіи, кажется завиднымъ положеніемъ, то для искуснаго рабочаго другой категоріи, который въ духовномъ отношеніи, быть можетъ, превосходитъ своего „хозяина", можетъ казаться такой „нищетой и гнетомъ", что онъ склоненъ возстать и противъ него". („Neue Zeit". XVII, 1, стр. 402—403).

Къ сожалѣнію, Марксъ въ своей фразѣ говоритъ не только объ увеличивающейся массѣ нищеты и гнета, но также и о „рабствѣ, вырожденіи и эксплуатаціи". Должны ли мы и эти послѣднія понимать лишь въ переносномъ, пиквикскомъ смыслѣ? Должны ли мы принимать такого рода вырожденіе, которое является лишь относительнымъ вырожденіемъ по сравненію съ повышеніемъ общей нравственности? Я къ этому не склоненъ, вѣроятно, также и Куновъ. Нѣтъ, Марксъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ совершенно точно: „постоянно уменьшающееся число капиталистовъ-магнатовъ", которое „узурпируетъ всѣ преимущества" процесса капиталистическаго обращенія, и ростъ „массы нищеты, гнета" и т. д. („Капиталъ", т. I, гл. 24,7). На этомъ противоположеніи еще можно обосновать теорію катастрофы, но на нравственномъ

о которыхъ нынче въ Германіи идетъ рѣчь, даже приблизительно не въ состояніи настолько оказать обратное воздѣйствіе на соціальныя условія родины, чтобы отодвинуть ту или другую катастрофу хотя бы на годъ. Въ этомъ отношеніи соціалъ-демократіи абсолютно нечего было бы опасаться колоніальной политики Германской имперіи. Именно потому, что это такъ, именно потому, развитіе колоній, которыя Германія пріобрѣла, (а то же самое справедливо относительно такихъ, которыя она сумѣетъ еще пріобрѣсти въ будущемъ), потребуетъ столько времени, что еще долго не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь замѣтномъ вліяніи на соціальныя условія Германіи, — именно поэтому нѣмецкая соціалъ-демократія можетъ обсуждать вопросъ объ этихъ колоніяхъ безъ предвзятыхъ мнѣній. Даже о серьезномъ вліяніи колоніальныхъ владѣній на политическія отношенія Германіи не можетъ быть и рѣчи. „Флотскій“ шовинизмъ, напр., несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ колоніальнымъ шовинизмомъ и въ значительной степени питается имъ. Но онъ существовалъ бы безъ него, какъ существовалъ флотъ въ Германіи еще задолго до того, какъ кто нибудь думалъ о колоніяхъ. Все же надобно признать, что эта связь служитъ отличнымъ оправданіемъ для принципіальной оппозиціи колоніальной политикѣ.

Въ общемъ, хотя постоянно есть резонъ, при пріобрѣтеніи колоній, критически разбирать ихъ значеніе и виды и строго контролировать соглашенія и обращеніе съ туземцами, равно какъ и администрацію вообще, но нѣтъ никакого основанія считать подобное пріобрѣтеніе за нѣчто предосудительное съ самаго же начала. Политическая позиція, занимаемая соціалъ-демократіей въ силу господствующей системы правленія, запрещаетъ ей становиться въ такихъ дѣлахъ въ иное положеніе, кромѣ критическаго, и на вопросъ, нуждается ли Гер-

---

страданіи по поводу духовно ниже стоящаго начальства, какъ оно встрѣчается въ каждой конторѣ, во всѣхъ іерархическихъ организаціяхъ, — нельзя.

Къ слову сказать, мнѣ доставляетъ нѣкоторое удовольствіе видѣть, какъ Куновъ только тѣмъ въ состояніи примирить съ дѣйствительностью фразы, на которыхъ покоится теорія катастрофы, что внезапно выдвигаетъ на сцену рабочихъ различныхъ категорій съ существенно разными соціальными понятіями. И это также „англійскіе рабочіе“?

манія въ колоніяхъ, можно по отношенію къ колоніямъ, которыя вообще еще можно пріобрѣсти, отвѣтить съ достаточнымъ основаніемъ отрицательно. Но и будущее имѣетъ на насъ свои права. Когда мы видимъ, что Германія ежегодно ввозитъ весьма большія количества колоніальныхъ продуктовъ, мы должны себѣ сказать, что можетъ наступитъ моментъ, когда, пожалуй, покажется желательнымъ ввозить хотя бы часть такихъ продуктовъ изъ собственныхъ колоній. Мы можемъ рисовать себѣ ходъ развитія Германіи наивозможно скорымъ, но мы не можемъ скрыть отъ себя то, что для цѣлаго ряда другихъ странъ потребуется еще порядочно времени, пока онѣ перейдутъ къ соціализму. А если не предосудительно употреблять продукты тропическихъ плантацій, то не можетъ быть предосудительнымъ также и самимъ заниматься такими плантаціями. Вопросъ здѣсь не въ томъ, с л ѣ д у е т ъ л и, а въ томъ, к а к и м ъ о б р а з о м ъ э т о в о з м о ж н о. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы заселеніе тропическихъ странъ европейцами приносило вредъ туземцамъ въ ихъ существованіи, да это и не всегда такъ уже было. Къ тому еще, за дикарями можно признать лишь весьма ограниченное право на занимаемую ими территорію. Въ крайнихъ случаяхъ и здѣсь высшая культура имѣетъ высшее право. Не завоеваніе, а культивированіе земли даетъ историческое право на пользованіе ею *).

Таковы существенные пункты, которые, въ моемъ мнѣніи, должны быть рѣшающими для отношенія соціалъ-демократіи къ вопросамъ колоніальной политики. И они на практикѣ не вносятъ никакихъ значительныхъ измѣненій въ рѣшеніяхъ партіи, но, какъ я уже говорилъ, дѣло идетъ не только о томъ, какъ рѣшаютъ въ данныхъ случаяхъ, но о томъ, какъ такія рѣшенія обосновываются.

Среди соціалъ-демократіи имѣются люди, которымъ каждое выступленіе въ защиту національныхъ интересовъ кажется шовинизмомъ или измѣною интернаціональности и классовой политикѣ пролетаріата. Подобно тому, какъ Домела Ньювен-

---

*) „Даже цѣлое общество, вся нація—больше, всѣ существующія общества, вмѣстѣ взятыя, не могутъ считаться собственниками земли. Они лишь обладатели ея, имѣющіе право пользованія, и обязаны въ качествѣ boni patres familias, оставить ее улучшенною послѣдующимъ поколѣніямъ“. (Марксъ, „Капиталъ“ III, 2 стр. 309 нѣм. изд.).

гуисъ нѣкогда назвалъ шовинизмомъ извѣстное заявленіе Бебеля, что въ случаѣ нападенія со стороны Россіи соціалъ-демократія выставитъ своихъ людей въ защиту Германіи, такъ и въ недавнее время г. Бельфортъ Баксъ увидѣлъ въ сходномъ заявленіи Г. М. Гайндмана предосудительный джингоизмъ *). Конечно, не всегда легко опредѣлить границы, за которыми защита интересовъ собственной націи перестаетъ быть законною и переходитъ въ ультра-патріотизмъ; но средство противъ преувеличеній подобнаго рода, навѣрное, не заключается въ еще большихъ преувеличеніяхъ другого противоположнаго характера. Скорѣе его надобно искать въ живомъ обмѣнѣ мыслей демократовъ культурныхъ странъ и въ поддержкѣ всѣхъ дѣйствующихъ на пользу мира факторовъ и учрежденій.

Но вернемся къ вопросу о ближайшихъ требованіяхъ программы нашей партіи. Если нѣкоторыя изъ нихъ въ агитаціи и парламентской борьбѣ партіи до сихъ поръ не ставились вовсе на очереди, а если ставились, то лишь въ формѣ частичныхъ реформъ, то по отношенію къ другимъ конечная цѣль уже тамъ и здѣсь поставлена ближе, чѣмъ этого требуетъ программа. Такъ, послѣдняя требуетъ запрещенія дѣтскаго труда до 14-тилѣтняго возраста, между тѣмъ на цюрихскомъ конгрессѣ 1897 г. по вопросу о регламентаціи труда этотъ минимальный предѣлъ былъ повышенъ до 15-тилѣтняго возраста, да и это уже многимъ соціалистамъ кажется недостаточнымъ. Мое же убѣжденіе таково, что при существующихъ условіяхъ это повышеніе не можетъ быть признано за улучшеніе. Если ограничить рабочее время такими предѣлами, при которыхъ молодой организмъ не пострадаетъ и остается достаточно времени для игры, поправки и развитія, то начало производительнаго труда для молодыхъ людей старше 14-тилѣтняго возраста не настолько большая бѣда, чтобы нужно было огульное запрещеніе его. Здѣсь все зависитъ все-

*) Гайндманъ весьма рѣшительно защищаетъ идею, что Англія для охраны подвоза своихъ съѣстныхъ припасовъ нуждается въ военномъ флотѣ, который бы могъ противостоять всевозможнымъ коалиціямъ противниковъ. «Наше существованіе въ качествѣ націи свободныхъ людей зависитъ отъ нашего господства на морѣ. Это нельзя сказать ни про какой другой народъ. Хотя мы, соціалисты, и являемся естественными противниками вооруженій, мы должны однако считаться съ фактами». («Justice», 31 дек. 1898).

цѣло отъ характера и условій труда, какъ это, впрочемъ, принципіально признаетъ уже законодательство тѣмъ, что для отдѣльныхъ отраслей промышленности оно трудъ малолѣтнихъ совершенно запрещаетъ, а для другихъ точно опредѣляетъ время дня, въ теченіе котораго онъ можетъ имѣть мѣсто. Раціональное развитіе охраны малолѣтнихъ я усматриваю въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ правилъ, равно какъ и въ улучшеніи начальнаго образованія, а не въ механическомъ пониженіи предѣльнаго возраста для начатія промышленнаго труда.

Тѣсная связь этого вопроса со школьнымъ признана уже, впрочемъ, всѣми. Чтобы результатъ былъ удовлетворителенъ, необходимо регулировать вопросъ о трудѣ малолѣтнихъ, начиная со школы и въ связи съ нею *). Тамъ, гдѣ фабричный трудъ идетъ въ разрѣзъ съ заботою о здоровьи и духовными и нравственными задачами школы, его надо запретить; всякое

---

*) Въ книгѣ: „Какъ возможно это осуществить?“ англійскій инженеръ Джонъ Ричардсонъ, членъ соціалъ-демократической федераціи, развиваетъ планъ осуществленія соціализма, согласно которому обученіе обязательно до 21 года и соединено съ безплатнымъ содержаніемъ учениковъ. Но начиная съ 14-тилѣтняго возраста должны быть посвящены производительному труду ежедневно четыре часа, а съ 19-тилѣтняго—шесть. По этому и другимъ пунктамъ планъ, хотя и въ весьма недостаточной степени принимаетъ въ расчетъ экономическія трудности вопроса, исходитъ, во всякомъ случаѣ, изъ весьма здравыхъ принциповъ. „Для того, чтобы какая-нибудь соціальная реформа удалась“, говоритъ авторъ, „необходимы слѣдующія предварительныя условія: во-первыхъ, она должна быть возможна, т. е. она должна считаться съ человѣческой натурой какъ она есть, а не какъ она должна была бы быть; во-вторыхъ, она не должна пытаться дѣлать никакихъ насильственныхъ и внезапныхъ измѣненій въ строѣ общества; въ-третихъ, для постепеннаго примѣненія реформъ должны быть принимаемы непосредственныя и вѣрныя мѣры; въ-четвертыхъ, будучи разъ введена, она должна въ своемъ дѣйствіи быть продолжительна и функціонировать автоматически; въ-пятыхъ, должно ея дѣйствіе соотвѣтствовать требованіямъ справедливости, а ея осуществленіе—требованіямъ разумности, и въ-шестыхъ, она должна быть эластична, т. е. допускать постоянныя расширенія, видоизмѣненія и усовершенствованія“. („How it can be done, or Constructive Socialism“. London, „The Twentieth Century Press“).

же огульное запрещеніе, падающее не на одни только школьные возрасты, должно быть рѣшительно отвергнуто. Совершенно безсмысленно впутывать въ этотъ вопросъ такія экономическія соображенія, какъ ограниченіе производства или рабочей конкурренціи. Напротивъ, всегда полезно будетъ обращать вниманіе на то, что производительный или, употребляя менѣе двусмысленное выраженіе, общественно-полезный трудъ имѣетъ высокое воспитательное значеніе и ужъ потому одному не долженъ разсматриваться, какъ нѣчто, само по себѣ заслуживающее осужденія.

Еще большее значеніе, нежели вопросъ о расширеніи намѣченныхъ уже въ программѣ требованій, имѣетъ въ настоящее время вопросъ о дополненіи программы. Въ этомъ отношеніи практика поставила на очередь цѣлый рядъ вопросовъ, которые при составленіи программы отчасти разсматривались еще какъ слишкомъ отдаленные, чтобы соціалъ-демократія спеціально занималась ими, отчасти же не оцѣнивались еще во всемъ своемъ значеніи. Сюда принадлежатъ вопросъ аграрный, вопросы коммунальной политики, вопросъ о кооперативномъ движеніи и различные вопросы промысловаго права. Большой ростъ соціалъ-демократіи за 8 лѣтъ, истекшихъ со времени составленія Эрфуртской программы, вліяніе этого роста на внутреннюю политику Германіи, ровно какъ и опытъ другихъ странъ сдѣлали болѣе серьезную разработку всѣхъ этихъ вопросовъ дѣломъ неотложнымъ, и къ тому еще нѣкоторые взгляды, которые тогда господствовали по поводу нихъ, подверглись существенной поправкѣ.

Что касается до аграрнаго вопроса, то даже тѣ, которые считали крестьянское хозяйство осужденнымъ на гибель, замѣтно измѣнили свои взгляды относительно продолжительности періода, въ теченіе котораго произойдетъ эта гибель. При недавнемъ обсужденіи аграрной политики, которой должна держаться соціалъ-демократія, обнаружились, правда, большія разногласія по этому поводу, но они принципіально вертѣлись вокругъ вопроса, должна ли соціалъ-демократія, а если должна, то въ какой степени—помогать крестьянину, какъ таковому, т. е. какъ самостоятельному сельско-хозяйственному предпринимателю, противъ капитализма.

Этотъ вопросъ легче поставить, нежели разрѣшить. То

обстоятельство, что подавляющая масса крестьянъ, хотя они и не наемные работники, принадлежитъ все-таки къ трудящимся классамъ, т. е. черпаетъ свои средства къ жизни не въ одномъ лишь правѣ собственности или привилегированномъ происхожденіи, ставитъ ихъ близко къ классу наемныхъ рабочихъ. Съ другой же стороны, они въ Германіи составляютъ такую значительную долю населенія, что во многихъ выборныхъ округахъ ихъ голоса являются рѣшающими между капиталистическими и соціалистическими партіями. Если соціалъ-демократія не имѣетъ въ виду ограничиваться ролью рабочей партіи, составляющей, собственно говоря, лишь политическое дополненіе трэдъ-юніонистическаго движенія, то она должна стараться хоть значительную часть крестьянъ заинтересовать въ побѣдѣ своихъ кандидатовъ. Это можетъ въ мелко-крестьянской массѣ удасться лишь тогда, когда кандидаты выступятъ защитниками мѣропріятій, которыя обѣщаютъ ей улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ и поведутъ за собою непосредственное облегченіе. Но въ большинствѣ такихъ случаевъ законодательство не можетъ проводить различія между мелкимъ и среднимъ крестьяниномъ, а съ другой стороны, оно не можетъ помогать ему, какъ гражданину и работнику, не поддерживая его вмѣстѣ съ тѣмъ—по крайней мѣрѣ, косвенно—какъ „предпринимателя“.

Это видно, между прочимъ, изъ программы соціалистической аграрной политики, которую Каутскій набрасываетъ въ концѣ своей книги объ аграрномъ вопросѣ подъ рубрикой: „Нейтрализація крестьянства“. Каутскій убѣдительно показываетъ, что даже послѣ побѣды соціалъ-демократіи ей нѣтъ никакого резона насильно упразднять крестьянскія помѣстья, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ такихъ мѣропріятій или требованій, которыя стремятся создать „охрану крестьянства“ въ смыслѣ искусственной поддержки его въ качествѣ предпринимателей. Онъ предлагаетъ затѣмъ или, скорѣе, объявляетъ допустимую поддержку цѣлаго ряда реформъ, которыя сводятся къ уменьшенію бремени сельскихъ обществъ и увеличенію числа источниковъ ихъ доходовъ. Какому классу, однако, помогутъ эти мѣропріятія прежде всего? По словамъ самого Каутскаго,—крестьянамъ. Ибо, какъ онъ подчеркиваетъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, о замѣтномъ воздѣйствіи пролетаріата на дѣла сельскихъ общинъ не можетъ

быть и рѣчи даже при господствѣ всеобщаго избирательнаго права: для этого онѣ слишкомъ изолированы, отсталы и зависимы отъ немногихъ работодателей, контролирующихъ ихъ. „О другой общинной политикѣ, кромѣ какъ въ интересахъ поземельнаго владѣнія, нельзя и думать". Такъ же мало можно думать въ настоящее время „объ общинномъ веденіи сельскаго хозяйства на современныхъ началахъ, о кооперативномъ веденіи сельскими обществами крупнаго сельскаго хозяйства". („Die Agrarfrage" стр. 337 и 338). Но по скольку и до тѣхъ поръ, пока это вѣрно, мѣропріятія въ родѣ „включенія охотничьихъ полей крупнаго землевладѣнія въ сельскія общества", „перенесенія на государство школьнаго налога, налога въ пользу бѣдныхъ и дорожныхъ повинностей", очевидно, содѣйствовали бы усиленію экономическаго положенія крестьянъ, а слѣд., укрѣпленію владѣнія ихъ, т. е. фактически сводились бы къ охранѣ крестьянства.

Требовать подобной „охраны крестьянства" кажется мнѣ позволительнымъ при двухъ допущеніяхъ, а именно, что на ряду съ ней существуетъ энергическая охрана сельскихъ рабочихъ и что, въ качествѣ предварительнаго условія ея осуществленія, въ государствѣ и общинѣ царитъ демократія *). И то, и другое предполагается и у Каутскаго. Но Каутскій недостаточно оцѣниваетъ вѣсъ сельскихъ рабочихъ въ демократической сельской общинѣ. Въ такой степени безсильными, въ какой онъ это описываетъ въ цитированномъ мѣстѣ, сельскіе рабочіе являются лишь въ такихъ общинахъ, которыя совершенно обособлены, а ихъ число постоянно уменьшается.

*) Я не касаюсь здѣсь связанныхъ съ этими вопросами техническихъ вопросовъ управленія. Очевидно, было бы нелѣпостью возложить на одно учрежденіе—государство—обязанность доставлять средства, а другому—общинамъ—предоставить неограниченное право распоряжаться этими средствами. Одно изъ двухъ: либо государству, какъ органу, доставляющему средства, должно быть предоставлено широкое право финансоваго контроля надъ тратами общинъ, либо же послѣднія сами обязаны нести часть издержекъ для тѣхъ или другихъ цѣлей, такъ чтобы и на нихъ падали своей тяжестью нецѣлесообразныя затраты. Что касается личнаго мнѣнія, то я полагаю, что въ этихъ вещахъ государство должно составлять подчиненное, а не главное финансовое вѣдомство.

Въ общемъ же сельскій рабочій, какъ самъ Каутскій подтверждаетъ многими фактами, въ настоящее время довольно хорошо уже сознаетъ свои интересы и, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, будетъ все больше и больше сознавать ихъ. Кромѣ того, въ большинствѣ общинъ среди самихъ крестьянъ существуетъ разнообразнѣйшая противоположность интересовъ, и въ лицѣ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ деревенская община насчитываетъ элементы, которые во многихъ вещахъ имѣютъ больше общихъ интересовъ съ сельскими рабочими, нежели съ крестьянской аристократіей. Все это лишь въ весьма немногихъ случаяхъ можетъ привести къ тому, чтобы сельскіе рабочіе одни противостояли сплошной „реакціонной массѣ". Скорѣе, напротивъ, и въ сельской общинѣ демократія въ концѣ концовъ должна будетъ вліять въ соціалистическомъ направленіи. Я считаю демократію въ связи съ вліяніемъ большихъ переворотовъ въ средствахъ сообщенія за болѣе могучій рычагъ эмансипаціи сельскихъ рабочихъ, нежели техническія измѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Фактически, впрочемъ, программа Каутскаго является по существу и, именно, въ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ онъ особенно сильно настаиваетъ, лишь примѣненіемъ требованій буржуазной демократіи къ аграрнымъ условіямъ,—требованій, подкрѣпляемыхъ широкой охраной сельскихъ рабочихъ. Изъ предыдущаго явствуетъ, что это нисколько не составляетъ въ моихъ глазахъ чего-либо опорочивающаго. И этимъ я не говорю ничего такого, чего бы весьма ясно не выражалъ самъ Каутскій. Онъ даже полагаетъ, что обязанъ отказать своей программѣ въ названіи соціалъ-демократической аграрной программы, потому что ея требованія относительно участія сельскихъ рабочихъ въ сельскомъ самоуправленіи отчасти содержатся уже въ требованіяхъ относительно защиты труда въ ближайшихъ политическихъ требованіяхъ соціалъ-демократіи, а отчасти, кромѣ требованія обобществленія лѣсовъ и водъ, заключаютъ въ себѣ лишь „мелкія средства", которыя въ другихъ мѣстахъ отчасти уже осуществлены и по отношенію къ которымъ соціалъ-демократія отличается отъ другихъ партій лишь послѣдовательностью, съ какой она защищаетъ всеобщіе интересы противъ частной собственности. Между тѣмъ, не отъ значенія отдѣльныхъ требованій зависитъ право называть какую-нибудь программу соціалистическою, а отъ характера и значенія всей

совокупности требованій, вмѣстѣ взятыхъ. Соціалъ-демократія можетъ въ качествѣ ближайшихъ требованій выставить лишь такія, которыя подходятъ къ условіямъ настоящаго, причемъ они обязаны носить лишь въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго развитія въ сторону преслѣдуемаго ими общественнаго строя. Но нѣтъ ни одного требованія подобнаго рода, въ защиту котораго не могла бы выступить или не выступила бы та или другая не соціалъ-демократическая партія. Требованіе, которое необходимо имѣло бы своими принципіальными противниками всѣ буржуазныя партіи, тѣмъ самымъ было бы отмѣчено какъ утопическое. Съ другой же стороны, соціалъ-демократія не можетъ предъявлять требованія, которыя при данныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ и существующемъ соотношеніи силъ вели бы скорѣе къ укрѣпленію существующихъ отношеній собственности и господства, нежели къ ихъ разстройству, на томъ лишь основаніи, что при другихъ условіяхъ, на болѣе высокой ступени развитія данныя мѣропріятія могли бы сдѣлаться рычагомъ къ соціалистическому перевороту. Подобнаго рода требованіемъ, отъ котораго Каутскій послѣ внимательнаго разсмотрѣнія отказался, является, напр., перенесеніе на государство ипотекъ. Это въ настоящее время не есть дѣло соціалъ-демократіи.

Я не имѣю въ виду разобрать во всѣхъ деталяхъ программу Каутскаго, съ которою, какъ я уже замѣтилъ, я принципіально совершенно согласенъ; я считаю однако нужнымъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія Какъ сказано было выше, главныя задачи, которыя соціалъ демократія имѣетъ въ настоящее время выполнить по отношенію къ сельскому населенію, можно разбить на три группы. Во-первыхъ, борьба противъ всѣхъ существующихъ еще остатковъ и опоръ феодалистическаго поземельнаго владѣнія и борьба за демократію въ общинѣ и области,—слѣд., требованіе уничтоженія фидеикомиссовъ, усадебныхъ округовъ, привилегій охоты и пр., какъ у Каутскаго. Въ формулировкѣ Каутскаго: „Осуществленіе полнѣйшаго самоуправленія въ общинѣ и провинціи“, слово „полнѣйшій“ кажется мнѣ неудачнымъ, и я бы взамѣнъ его поставилъ „демократическій“. Превосходныя степени всегда вводятъ въ заблужденіе. „Полнѣйшее самоуправленіе“ можетъ относиться къ кругу участниковъ, причемъ то, что оно имѣетъ въ

виду выразить, можетъ быть, невѣрное, лучше выражено словомъ: „демократическое самоуправленіе". Но оно можетъ также относиться къ полномочіямъ и правамъ, и въ такомъ случаѣ оно обозначало бы абсолютизмъ общины, который ни необходимъ, ни согласуемъ съ требованіями здоровой демократіи. Надъ общиною стоитъ, удѣляя ей опредѣленныя функціи и защищая совокупные интересы противъ ея частныхъ, общее законодательство націи. Во-вторыхъ, охрана и облегченіе налоговаго бремени трудящихся классовъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Къ этой рубрикѣ относится рабочее законодательство въ тѣсномъ смыслѣ: уничтоженіе системы домашней службы, ограниченіе рабочаго времени различныхъ категорій наемныхъ работниковъ, санитарная полиція, образованіе, равно какъ и такія мѣры, которыя облегчаютъ податное бремя мелкаго крестьянства. Въ области рабочаго законодательства кажется мнѣ предложеніе Каутскаго запретить трудъ малолѣтнихъ между 7 час. вечера и 7 час. утра нецѣлесообразнымъ. Въ лѣтніе мѣсяцы это означало бы перенесеніе работъ съ утреннихъ часовъ на самое жаркое время дня, когда работа въ настоящее время обыкновенно прекращается. Въ деревнѣ, вообще, лѣтомъ встаютъ рано и для извѣстныхъ работъ въ урожайную пору заблаговременное приступленіе къ работѣ необходимо *). Нормальный рабочій день невозможно провести въ деревнѣ такимъ же образомъ, какъ его проводятъ въ промышленности. Его осуществленіе, какъ показываетъ самъ Каутскій, возможно лишь при помощи распланировки всего порядка работъ на цѣлый годъ, въ зависимости отъ природы различныхъ, соотвѣтствующихъ погодѣ и пр. требованій, временъ года и на принципѣ средняго минимально-допустимаго рабочаго времени, какъ для малолѣтнихъ, такъ и взрослыхъ. Нормальному, восьмичасовому рабочему дню для взрослыхъ соотвѣтствовалъ бы тогда нормальный, шестичасовой день для

*) Такъ оно, напр., въ выгонномъ хозяйствѣ при косьбѣ, гдѣ малолѣтніе занимаются раскладываніемъ скошенной травы, дабы она черезъ день высохла на солнцѣ. Если не желать имъ воспретить эту работу, равно какъ и связанныя съ ней переворачиваніе и собираніе въ кучи, то само собою понятно, что имъ надобно разрѣшить ихъ въ самые жаркіе мѣсяцы приблизительно между 6 и 10 часами утра и 4 и 8 часами вечера.

малолѣтнихъ. Въ-третьихъ, борьба противъ абсолютизма собственности и поощреніе коопераций. Сюда принадлежатъ такія требованія какъ, напр., „ограниченіе правъ собственности въ землѣ въ видахъ содѣйствія: 1) размежеванію, устраненію черезполосицы, 2) обработкѣ земли, 3) предупрежденію эпидемій“ (Каутскій); „пониженіе чрезмѣрныхъ арендныхъ платежей при содѣйствіи спеціальныхъ судовъ“ (Каутскій); устройство общинами здоровыхъ и удобныхъ рабочихъ жилищъ; „облегченіе объединенія кооперативныхъ обществъ путемъ законодательства“ (Каутскій); предоставленіе общинамъ права пріобрѣтать покупкою или экспропріацией землю и сдавать за умѣренную арендную плату рабочимъ и рабочимъ товариществамъ, и т. д. *).

Это послѣднее требованіе ведетъ насъ къ коопераціи. Послѣ того, что сказано было въ отдѣлѣ объ экономическомъ значеніи кооперативныхъ обществъ, мнѣ нѣтъ нужды распространяться. Въ настоящее время рѣчь уже не идетъ больше о томъ, быть ли коопераціямъ или нѣтъ. Онѣ существуютъ и будутъ существовать независимо отъ того, хочетъ ли этого соціалъ-демократія или нѣтъ. Конечно, вѣсомъ своего вліянія на рабочій классъ она могла бы или можетъ замедлить распространеніе ихъ; но этимъ она не окажетъ услуги ни себѣ, ни рабочему классу. Столь же мало можно рекомендовать непріязненное манчестерство, часто обнаруживающееся въ партіи по отношенію къ кооперативному движенію и мотивируемое заявленіемъ, что въ средѣ капиталистическаго общества невозможны никакія соціалистическія товарищества. Скорѣе бы слѣдовало занять разъ навсегда опредѣленное положеніе и рѣшить, какія товарищества соціалъ-демократія можетъ рекомендовать и по мѣрѣ силъ нравственно поддерживать и какія нѣтъ. Резолюція, принятая на берлинскомъ партейтагѣ 1892 г. относительно коопераціи, поэтому уже недостаточна, такъ какъ она имѣетъ въ виду лишь одну форму ея — промышленное производительное общество, по отношенію къ которой, поскольку

*) Подобный пунктъ, хотя и обставленный большими ограниченіями, содержитъ новый англійскій законъ мѣстнаго самоуправленія. Въ своей первоначальной формѣ, въ какой предложило его либеральное правительство въ 1894 г., онъ былъ гораздо радикальнѣе, но былъ ослабленъ въ виду оппозиціи консерваторовъ, за которыми стояла палата лордовъ.

ее рисуютъ себѣ какъ самостоятельное предпріятіе, конкуррирующее съ капиталистическими фабриками, дѣйствительно, умѣстна величайшая непріязненность. Но что справедливо относительно ея хозяйственнаго значенія, еще несправедливо относительно другихъ формъ кооперативнаго предпріятія. Оно несправедливо относительно потребительныхъ обществъ и связанныхъ съ ними производительныхъ заведеній, и еще вопросъ, не неумѣстно ли оно по отношенію къ сельской кооперации.

Мы видѣли, какой необычайный успѣхъ имѣютъ у сельскаго населенія всѣхъ современныхъ государствъ кредитныя, покупательныя, молочныя и рабочія товарищества. Но въ Германіи они являются исключительно крестьянскими товариществами, представителями „движенія средняго сословія“ въ деревнѣ. Что они въ связи съ пониженіемъ высоты процента, которое все растущее накопленіе капитала ведетъ за собою, могутъ весьма значительно содѣйствовать поддержанію въ крестьянскихъ хозяйствахъ способности выдерживать конкурренцію крупныхъ предпріятій, я считаю неопровержимымъ. Эти крестьянскія товарищества являются также, большею частью, ареною для противосоціалистическихъ элементовъ— мелко-буржуазныхъ либераловъ, клерикаловъ, антисемитовъ. Для соціалъ-демократіи они въ настоящее время почти нигдѣ не имѣютъ значенія, хотя бы въ ихъ рядахъ и были койкакіе мелкіе крестьяне, къ которымъ соціалъ-демократія стоитъ ближе, нежели къ другимъ партіямъ. Тонъ задаетъ въ нихъ среднее крестьянство. Если соціалъ-демократія когда-нибудь имѣла шансы пріобрѣсти при посредствѣ товариществъ болѣе сильное вліяніе на соотвѣтствующій слой сельскаго населенія, то она этотъ случай уже упустила. Для нея можетъ или могло бы въ настоящее время имѣть значеніе лишь товарищество сельскихъ рабочихъ и „карликовыхъ“ крестьянъ, котораго форма еще не найдена или, во всякомъ случаѣ, еще не испробована на практикѣ. Но если принять во вниманіе, что прочныя трэдъ-юніонистическія организаціи сельскихъ рабочихъ не были возможны до сихъ поръ даже въ Англіи, гдѣ имъ не мѣшаютъ никакія положенія о сельскихъ рабочихъ и никакія запрещенія коалицій, и что поэтому ихъ шансы также и у насъ весьма незначительны, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны пускаются въ ходъ всевозможныя средства прикрѣплять

къ землѣ сельскаго работника при помощи рентныхъ имѣній и подобныхъ институтовъ,—если принять это во вниманіе, то мы вынуждены будемъ сознаться, что на соціалъ-демократіи лежитъ задача, по крайней мѣрѣ, указать путь, который далъ бы возможность сельскимъ рабочимъ использовать кооперативное начало на свой собственный ладъ. Важнѣйшими условіями къ этому являются: достаточное количество земли и достаточная возможность сбыта. Что касается до земли, то формулированное выше требованіе относительно предоставленія общинамъ права пріобрѣтать экспропріаціей землю и сдавать рабочимъ товариществамъ на выгодныхъ условіяхъ кажется мнѣ такимъ, которое стоитъ ближе всего на пути демократическаго развитія. Возможность сбыта будетъ предоставлена товариществамъ сельскихъ рабочихъ, по скольку имъ предстоитъ бороться съ бойкотомъ капиталистическаго коммерческаго міра, рабочими потребительными обществами въ городахъ.

За всѣмъ тѣмъ сельскія кооперативныя общества существуютъ покамѣстъ лишь на бумагѣ, такъ какъ прежде всего должна быть завоевана демократія. Могутъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь основанныя на началахъ самопомощи или на частныя средства товарищества, какія предлагаетъ Оппенгеймеръ. Но это, подобно основанію потребительныхъ обществъ, представляетъ задачу, лежащую внѣ сферы дѣятельности соціалъ-демократіи, какъ партіи. Въ качествѣ политической боевой партіи она не можетъ пуститься на хозяйственные эксперименты. Ея задача заключается въ томъ, чтобы смести съ пути законодательныя препятствія, мѣшающія кооперативному движенію рабочихъ, и бороться за цѣлесообразное преобразованіе тѣхъ административныхъ органовъ, которые въ послѣднемъ счетѣ призваны способствовать этому движенію.

Но если соціалъ-демократія, какъ партія, не призвана основывать потребительныя общества, то это еще не значитъ, что она не должна вовсе интересоваться ими. Излюбленное заявленіе, что потребительныя общества не суть соціалистическія предпріятія, покоится на томъ же самомъ формализмѣ, который долгое время непріязненно относился къ профессіональнымъ союзамъ и теперь начинаетъ уступать мѣсто противоположной крайности. Представляетъ ли профессіональный или рабочій потребительный союзъ соціалистическую организацію или нѣтъ, зависитъ не отъ формы его, а отъ его сущ-

ности, отъ проникающаго его духа. Онъ, конечно, никогда не составляетъ лѣса, но онъ, такъ сказать, деревья, которыя составляютъ весьма полезныя части и истинное украшеніе лѣса. Выражаясь безъ метафоръ, подобные союзы еще не соціализмъ, но они, въ качествѣ рабочихъ организацій, содержатъ въ себѣ достаточно соціалистическаго элемента, чтобы развиться въ цѣнные и необходимые рычаги соціалистическаго освобожденія. Они, безъ сомнѣнія, наилучше осуществятъ свои хозяйственныя задачи, если представлены будутъ въ своей организаціи и своемъ управленіи всецѣло себѣ. Но подобно тому, какъ отрицательное и даже враждебное чувство, которое многіе соціалисты раньше питали къ трэдъ-юніонистическому движенію, мало-по-мало перешло въ дружественный нейтралитетъ, а затѣмъ въ чувство солидарности, такъ оно постепенно произойдетъ съ потребительными обществами, да уже отчасти и произошло. И здѣсь практика является самой сильной руководительницей.

Тѣ элементы, которые враждебны не только революціонному, но и всякому освободительному движенію рабочихъ, своимъ походомъ противъ потребительныхъ обществъ вынудили соціалъ-демократію выступить, въ качествѣ партіи, въ защиту ихъ. Точно такъ же показалъ опытъ, что опасенія, какъ бы кооперативныя общества не отвлекли умственныхъ и другихъ силъ отъ политическаго рабочаго движенія, совершенно лишены основанія. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ и временно это можетъ случиться, но, какъ правило, вѣроятно скорѣе обратное. Соціалъ-демократія можетъ безъ опаски смотрѣть на возникновеніе рабочихъ потребительныхъ обществъ тамъ, гдѣ этому благопріятствуютъ хозяйственныя и правовыя условія, и она поступитъ хорошо, если заявитъ имъ свои искреннія пожеланія всего лучшаго и будетъ всячески содѣйствовать имъ *).

Съ одной только точки зрѣнія могъ-бы рабочій потребительный союзъ явиться принципіально нежелательнымъ, а именно, какъ хорошее, стоящее поперекъ пути лучшаго, причемъ подъ „лучшимъ“ понималась бы организація производства и распредѣленія цѣлыми обществами, какъ это предполагается почти

*) Каковое содѣйствіе, однако, не должно заключаться въ томъ, чтобы позволять потребительнымъ союзамъ заводить малогодные товары и пр.

всѣми соціалистическими системами. Но, во-первыхъ, демократическій рабочій союзъ для того, чтобы охватить всѣхъ членовъ общины, въ которой онъ находится, вовсе не нуждается въ принципіальномъ преобразованіи, а лишь въ дальнѣйшемъ расширеніи своей конституціи, совершенно согласующемся съ его естественными тенденціями (въ нѣкоторыхъ небольшихъ мѣстечкахъ потребительныя общества уже теперь насчитываютъ среди своихъ членовъ почти-что всѣхъ жителей общины), а во-вторыхъ, осуществленіе этой мысли лежитъ въ такомъ отдаленномъ будущемъ и предполагаетъ столько политическихъ и экономическихъ измѣненій и промежуточныхъ стадій, что было бы безмысленно въ виду него отказываться отъ выгодъ, которыхъ рабочіе могутъ добиться въ настоящее время при посредствѣ потребительныхъ союзовъ. Въ настоящее время, по скольку политическія общины вообще имѣютъ значеніе, можетъ идти рѣчь объ удовлетвореніи черезъ ихъ посредство лишь самыхъ общихъ и опредѣленныхъ потребностей.

Здѣсь мы подходимъ, наконецъ, къ коммунальной политикѣ соціалъ-демократіи. И эта политика была долгое время пасынкомъ соціалистическаго движенія. Не очень ужъ такъ далеко, напр., то время, когда въ одной, нынѣ не существующей уже, заграничной соціалистической газетѣ, которая редактировалась весьма талантливыми людьми, жестоко осмѣивалась, какъ мелко-буржуазная, идея о томъ, чтобы уже сейчасъ использовать муниципалитеты, какъ рычаги соціалистически-реформаторской дѣятельности, и, нисколько не отказываясь отъ парламентской борьбы, брать общины, какъ исходные пункты осуществленія соціалистическихъ требованій. Насмѣшливой судьбѣ угодно было, чтобы главный редакторъ этой газеты сумѣлъ попасть въ парламентъ своей страны лишь при посредствѣ муниципальнаго соціализма. Подобнымъ же образомъ въ Англіи соціалъ-демократія нашла въ общинахъ благодарное поле для плодотворной дѣятельности, прежде чѣмъ ей удалось послать въ парламентъ собственныхъ представителей. Въ Германіи ходъ развитія былъ иной: въ ней соціалъ-демократія добилась парламентскаго гражданскаго права задолго до того, какъ она заняла въ муниципальныхъ представительныхъ собраніяхъ сколько-нибудь видное мѣсто. Но съ ея ростомъ умножались вмѣстѣ съ тѣмъ и ея успѣхи въ муниципальныхъ выборахъ, такъ что все больше и больше

выдвигалась необходимость выработать обще-соціалистическую муниципальную программу, какъ подобныя уже были выработаны для отдѣльныхъ государствъ и провинцій. Такъ, совсѣмъ еще недавно, 27 и 28 декабря 1898 г. собрались на конференцію соціалистическіе муниципальные представители провинціи Брандербургъ для составленія программы для муниципальныхъ выборовъ, которая въ общемъ отлично отвѣчаетъ своимъ цѣлямъ и ни въ одномъ пунктѣ не требуетъ принципіальной критики. Но она ограничивается, какъ и нельзя иначе ожидать отъ программы дѣйствія, требованіями не выходящими за предѣлы предоставленныхъ нынѣ общинамъ правъ, и не занимается принципіальнымъ обсужденіемъ того, каковы, по соціалистическому воззрѣнію, имѣютъ быть права и задачи общинъ. Этого вопроса должна, напротивъ, коснуться въ нѣсколькихъ словахъ обще-соціалистическая муниципальная программа. Чего соціалъ-демократія требуетъ, для общинъ и чего она ждетъ отъ общинъ?

Эрфуртская программа гласитъ по этому пункту лишь слѣдующее: „самоопредѣленіе и самоуправленіе народа въ имперіи, государствѣ, провинціи и общинѣ, выборъ чиновниковъ народомъ" и требуетъ для всѣхъ выборовъ всеобщаго, одинаковаго и прямого избирательнаго права всѣхъ взрослыхъ. Относительно правовыхъ отношеній перечисленныхъ административныхъ учрежденій между собою она не говоритъ ничего. Безъ сомнѣнія, большинство делегатовъ, какъ и пишущій эти строки, въ то время понимали дѣло такъ, что порядокъ, въ которомъ перечислены учрежденія, долженъ указывать ихъ различную юридическую компетенцію, такъ что въ случаѣ столкновенія имперскій законъ имѣетъ преобладаніе надъ государственнымъ, и т. д. Но этимъ самоопредѣленіе народа, напр., въ общинахъ было бы отчасти опять упразднено или, точнѣе, ограничено. Какъ упомянуто было выше, я еще и теперь стою за то, чтобы законъ или постановленіе націи составляло высшую правовую инстанцію общества. Но это еще не значитъ, что разграниченіе правъ полномочій между государствомъ и общинами должно остаться такимъ же, какъ и теперь.

Въ настоящее время, напр., право экспропріаціи, которымъ располагаютъ общины, весьма ограничено, такъ что цѣлый рядъ мѣропріятій экономическаго характера нашелъ бы въ оппозиціи или чрезмѣрной требовательности поземельныхъ

владѣльцевъ совершенно непреодолимую преграду. Расширеніе права экспропріаціи было бы поэтому однимъ изъ ближайшихъ требованій муниципальнаго соціализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ необходимости требовать абсолютнаго, совершенно неограниченнаго права экспропріаціи. Общину надобно будетъ обязать держаться при экспропріаціи нормъ всеобщаго права, оберегающихъ отдѣльныхъ лицъ отъ произвола случайнаго большинства. Имущественныя права, допускаемыя общими законами, должны быть въ каждой общинѣ неприкосновенны, покуда и въ той мѣрѣ, въ какой ихъ допускаетъ законъ. Отнимать легальную собственность иначе, какъ за вознагражденіе, значитъ конфисковать, а это можетъ быть оправдано лишь при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ (война, эпидемія *).

Соціалъ-демократіи, такимъ образомъ, придется потребовать для общины, на ряду съ демократизаціей избирательнаго права, расширенія ея все еще значительно ограниченнаго въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ права экспропріаціи, чтобы сдѣлать возможною соціалистическую коммунальную политику. Затѣмъ она должна потребовать еще совершенной не-

---

*) Я весьма энергично выразилъ эту мысль уже года три назадъ въ предисловіи къ извлеченію изъ „Системы пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаля,—сочиненія, которое, самъ авторъ говоритъ, посвящено было примиренію революціоннаго права съ положительнымъ, т. е. тому, какъ и въ революціонномъ правѣ удовлетворить требованіямъ положительнаго права. Рискуя подвергнуться обвиненію въ буржуазномъ образѣ мыслей, я не колеблюсь заявить, что мысль или представленіе объ экспропріаціи, которая была бы лишь облеченнымъ въ правовую форму отнятіемъ,—не говоря уже объ экспропріаціи по рецепту Барера, кажется мнѣ вполнѣ предосудительной, независимо отъ того, что подобная конфискація имущества была бы предосудительна и по чисто хозяйственно-утилитарнымъ причинамъ. „Какъ бы широко ни представляли себѣ при этомъ—въ эпоху перехода къ соціалистической организаціи общества—вторженія въ область до сихъ поръ существующихъ привилегій, но они никогда не смогутъ быть безсмысленно бушующимъ грубымъ насиліемъ, а будутъ выраженіемъ опредѣленной, хотя бы и новой и осуществляющейся со стихійною силою правовой идеи“. (Полное собраніе сочиненій Лассаля, III, стр. 791). Форма экспропріаціи экспропріаторовъ, наиболѣе соотвѣтствующая коренному правовому принципу соціализма, есть форма упраздненія черезъ организаціи и учрежденія.

зависимости отъ государственной власти ихъ управленія, и, въ особенности, общей полиціи. Чего она должна требовать отъ общинъ, было уже относительно податной и школьной политики установлено въ существенномъ общей программой партіи, но подверглось въ бранденбургской программѣ нѣкоторымъ цѣннымъ дополненіямъ (устройство школьныхъ столовыхъ, назначеніе школьныхъ врачей и т. д.). Далѣе, въ настоящее время весьма резонно выдвигать на первый планъ требованія, касающіяся развитія коммунальнаго предпринимательства, и именно публичныхъ службъ, и рабочей политики. Что касается до перваго, то надобно поставить принципіальное требованіе, чтобы всѣ предпріятія, разсчитанныя на всеобщія нужды членовъ общины и имѣющія монопольный характеръ, были переняты общинами въ с бственное вѣдѣніе, и чтобы общины вообще стремились къ постоянному расширенію круга функцій, имѣющихъ своей публикой принадлежащихъ къ ней членовъ. Что же до рабочей политики, то надобно отъ общинъ требовать, чтобы онѣ, въ качествѣ хозяевъ,—идетъ ли рѣчь о работахъ, производимыхъ экономическими способами или сданныхъ на откупъ,—держались той нормы платы и рабочаго времени, какая признается, въ качествѣ минимальнаго условія, организаціями соотвѣтствующихъ рабочихъ, и затѣмъ предоставляли послѣднимъ право коалицій. Нужно при этомъ однако замѣтить, что если и правильно стремиться къ тому, чтобы общины, въ качествѣ хозяевъ, давали хорошій примѣръ частнымъ предпринимателямъ во всемъ, что касается условій труда и гигіенической обстановки, то было бы все-таки близорукой политикой требовать для коммунальныхъ рабочихъ такихъ высокихъ условій, чтобы они по сравненію со своими товарищами по занятію занимали положеніе привилегированнаго слоя и община производила намного дороже, нежели частные предприниматели Это въ концѣ концовъ повело бы къ деморализаціи и ослабленію общественнаго смысла.

Современное развитіе возложило на муниципалитеты еще другія задачи: устройство и надзоръ надъ мѣстными больничными кассами, къ которымъ, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ присоединится завѣдываніе инвалиднымъ страхованіемъ; затѣмъ, учрежденіе рабочихъ регистровъ (для безработныхъ) и промышленныхъ судовъ. Что до первыхъ, то соціалъ-демократія

настаиваетъ, въ качествѣ минимальнаго требованія, на обезпеченіи ихъ паритативнаго характера, а что до вторыхъ, то она требуетъ ихъ обязательнаго введенія и расширенія ихъ полномочій. Скептически, если не непріязненно относится она къ попыткамъ коммунальнаго страхованія на случай безработицы, такъ какъ на этотъ счетъ существуетъ мнѣніе, будто подобное страхованіе служитъ одною изъ законныхъ задачъ профессіональныхъ союзовъ и можетъ наилучше выполняться ими. Но это можетъ быть справедливо лишь для организованныхъ промысловъ, которые, къ сожалѣнію, составляютъ лишь незначительное меньшинство рабочаго класса. Большая масса рабочихъ еще не организована и является вопросъ, не можетъ ли коммунальное страхованіе на случай безработицы, съ привлеченіемъ къ дѣлу профессіональныхъ союзовъ, быть организовано такъ, чтобъ оно не только не составляло акта присвоенія законныхъ функцій послѣднихъ, но, напротивъ, стало средствомъ споспѣшествованія имъ. Во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ предпринимается подобное страхованіе, должно быть задачею соціалъ-демократическихъ членовъ коммунальнаго правленія со всей энергіей настаивать на привлеченіи къ дѣлу профессіональныхъ союзовъ.

По всему существу своему, муниципальный соціализмъ является необходимымъ рычагомъ къ развитію или полному осуществленію того, что мы назвали въ предыдущемъ отдѣлѣ *демократическимъ правомъ труда*. Но онъ остается и долженъ остаться частичнымъ дѣломъ тамъ, гдѣ избирательное право общины есть классовое избирательное право. Но такъ именно обстоитъ больше, чѣмъ въ трехъ четвертяхъ Германіи. И вотъ, мы опять, какъ по отношенію къ ландтагамъ, отъ которыхъ общины, вѣдь, въ высокой степени зависятъ, и другимъ органамъ самоуправленія (области, провинціи), стоимъ лицомъ къ лицу передъ вопросомъ, какъ соціалъ-демократіи добиться того, чтобъ упразднить господствующую въ нихъ классовую избирательную систему, т. е. демократизировать ее?

Соціалъ-демократія имѣетъ въ Германіи, на ряду съ устными и письменными средствами пропаганды, еще и избирательное право въ рейхстагъ, которое она можетъ использовать какъ дѣйствительнѣйшее средство осуществленія своихъ требованій. Вліяніе его такъ значительно, что распространяется даже на такія учрежденія, которыя недоступны рабочему классу бла-

годаря цензовой или классной системѣ выборовъ, ибо партіи и тамъ должны принимать во вниманіе избирателей въ рейхстагъ. Если бы избирательное право въ рейхстагъ было обезпечено противъ всякихъ посягательствъ, то было бы до извѣстной степени еще позволительно третировать вопросъ о правѣ выбора въ другія учрежденія, какъ второстепенный, хотя и тогда было бы ошибочно относиться къ нему слегка. Но избирательное право въ рейхстагъ далеко не обезпечено. Правда, правительство и правительственныя партіи не легко рѣшатся на измѣненіе его, потому что они знаютъ хорошо, что подобный шагъ обязательно вызоветъ въ массѣ нѣмецкихъ рабочихъ ненависть и озлобленность, которыя при случаѣ въ той или другой формѣ весьма непріятно дадутъ о себѣ знать. Соціалистическое движеніе слишкомъ сильно, политическое самосознаніе нѣмецкихъ рабочихъ слишкомъ развито, чтобы можно было обращаться съ ними такъ безцеремонно. Кромѣ того, надобно предполагать у большой части даже принципіальныхъ противниковъ всеобщаго избирательнаго права нѣкоторую нравственную стыдливость и колебаніе отнять это право у народа. Но если при нормальныхъ условіяхъ сокращеніе избирательнаго права представляло бы революціонный шагъ со всѣми своими опасностями для правящихъ, то относительно серьезныхъ техническихъ затрудненій такого измѣненія избирательнаго права, которое допускало бы успѣхъ независимыхъ соціалистическихъ кандидатуръ лишь въ видѣ исключенія, не можетъ быть и рѣчи. Рѣшающій голосъ въ этомъ имѣютъ исключительно политическія соображенія. Но что бываютъ положенія, когда покоящіяся на нихъ сомнѣнія разсѣеваются подобно соломѣ передъ вѣтромъ, не нуждается ни въ такихъ подробныхъ доказательствахъ, равно какъ и то, что не во власти соціалъ-демократіи помѣшать имъ. Она, со своей стороны, можетъ доводить рѣшеніе не поддаваться ни на какія провокаціи къ насильственнымъ столкновеніямъ до крайнихъ предѣловъ, но она не всегда властна удержать отъ таковыхъ политически неорганизованную массу.

Въ силу такихъ и другихъ подобныхъ соображеній кажется мнѣ неразумнымъ ставить политику соціалъ-демократіи въ одностороннюю зависимость отъ условій и возможностей избирательнаго права въ рейхстагъ. Выше мы видѣли, что и съ этимъ правомъ дѣло не такъ быстро подвигается впередъ, какъ можно было ожидать, судя по успѣхамъ 1890 и 93 г.г. Въ то

время какъ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, возросло въ трехлѣтніе періоды 1887—1890 на 87%, а 1890—1893 на 25%, въ пятилѣтіе 1893—1898 г.г. оно возросло лишь на 18%,—величину, самое по себѣ еще значительную, но не такую, какая могла бы дать право ожидать отъ ближайшаго будущаго чего-нибудь необычайнаго.

Но поле дѣятельности соціалъ-демократіи не ограничено однимъ избирательнымъ правомъ и парламентомъ. Для нея и внѣ парламента имѣется обширное и богатое поле дѣйствій. Соціалистическое рабочее движеніе существовало бы, если бы даже парламенты были для него закрыты. Ничто отчетливѣе не показываетъ это, чѣмъ отрадное пробужденіе русскаго рабочаго міра. Но съ исключеніемъ его изъ представительныхъ учрежденій нѣмецкое рабочее движеніе въ значительной степени потеряло бы внутреннюю связь, соединяющую нынче его различныхъ членовъ, оно получило бы хаотическій характеръ, и на мѣсто спокойнаго, непрерывнаго движенія твердымъ шагомъ впередъ наступили бы движенія порывистыя, съ непремѣнными пораженіями и утратами.

Подобное развитіе не соотвѣтствуетъ интересамъ рабочаго класса и не можетъ казаться желательнымъ тѣмъ противникамъ соціалъ-демократіи, которые сознаютъ уже, что современный общественный строй не созданъ на вѣчныя времена, а подчиненъ закону измѣненія, и что развитіе черезъ катастрофы съ ихъ ужасами и опустошеніями можетъ быть избѣгнуто лишь тѣмъ, что измѣненіямъ въ отношеніяхъ производства и обмѣна и въ классовомъ развитіи будутъ давать выраженія и въ политическомъ правѣ. И число тѣхъ, которые видятъ это, постоянно увеличивается. Ихъ вліяніе было бы значительно сильнѣе, чѣмъ теперь, если бы соціалъ-демократія нашла въ себѣ мужество освободиться отъ фразеологіи, фактически уже пережитой, и захотѣла казаться тѣмъ, что она въ дѣйствительности есть: демократически-соціалистической партіей реформъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы отказаться отъ такъ называемаго права на революцію—этого чисто умозрительнаго права, котораго ни одна конституція не можетъ внести въ свои параграфы и никакой сводъ законовъ въ мірѣ запретить: оно будетъ существовать, пока законъ природы велитъ намъ умирать, когда мы отказываемся отъ права дышать. Это не-

писанное и непрописуемое право столь же мало умаляется тѣмъ, что люди становятся на почву реформъ, какъ упраздняется право самозащиты тѣмъ, что мы создаемъ законы для упорядоченія личныхъ и имущественныхъ споровъ. Но развѣ соціалъ-демократія въ настоящее время есть нѣчто другое, чѣмъ партія, стремящаяся къ соціалистическому переустройству общества путемъ демократической и хозяйственной реформы? Судя по немногимъ заявленіямъ, которыя были направлены противъ меня на штутгартскомъ партейтагѣ, можно было бы полагать, что да. Но на штутгартскомъ партейтагѣ мое заявленіе поняли, какъ жалобу противъ партіи, что она будто бы направляется къ бланкизму, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно было направлено лишь противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, которыя напустились на меня съ аргументами и фразами бланкистскаго характера и имѣли въ виду добиться противъ меня постановленія конгресса. И если нѣкоторые, въ общемъ спокойные и объективно мыслящіе люди дали на время увлечь себя шумомъ, вызваннымъ совершенно противъ моей воли и ожиданія моими статьями, и выступили противъ меня, какъ бы тѣмъ присоединяясь къ предающимъ меня анаѳемѣ, то я ни на минуту не сомнѣвался въ скоропреходящемъ характерѣ такой солидарности. Какъ, напр., могъ я разсматривать возраженіе Кунова противъ моихъ статей относительно теоріи катастрофы иначе, какъ продуктъ временной солидарности, когда онъ же весною 1897 г. писалъ:

„Мы все еще находимся далеко отъ конечной цѣли капиталистическаго развитія. Живя въ главныхъ центрахъ торговли и промышленности, наблюдая своими же собственными глазами огромное усиленіе производства и распаденіе либеральной буржуазіи, мы слишкомъ охотно умаляемъ отдаленность и затрудненія, которыя отдѣляютъ насъ отъ нашей цѣли. Гдѣ, въ какой странѣ, самоупраздненіе капитализма дошло до такихъ предѣловъ, что можетъ считаться созрѣлымъ для соціалистической формы хозяйства? Не въ Англіи, и не, еще меньше, въ Германіи и Франціи“. (Г. Куновъ, „Unsere Interessen in Ostasien“, „Neue Zeit“, XV, 1, стр. 806).

Даже положительный приговоръ штутгартскаго партейтага противъ моего заявленія не могъ бы измѣнить моего убѣжденія, что большая масса нѣмецкой соціалъ-демократіи весьма отдалена отъ бланкистскихъ фантазій. Послѣ эйнгаузенской

рѣчи я уже зналъ, что другого отношенія партейтага къ вопросу, чѣмъ то, въ какое онъ фактически сталъ, нельзя было ожидать, и я самъ это совершенно опредѣленно высказалъ въ письмахъ.

Эйнгаузенская рѣчь съ тѣхъ поръ раздѣлила участь многихъ другихъ рѣчей, произнесенныхъ необыкновенными людьми: въ нее внесли оффиціальную поправку и облако признано за ласточку. И въ какомъ смыслѣ выражалась со времени штутгартскаго съѣзда партія? Бебель въ своихъ рѣчахъ о покушеніяхъ съ величайшей энергіей протестовалъ противъ того, что соціалъ-демократія будто бы защищаетъ политику насилія, и всѣ органы партіи одобрительно отмѣтили эти рѣчи, не выражая нигдѣ протеста. Каутскій въ своей книгѣ по аграрному вопросу развиваетъ положенія аграрной политики соціалъ-демократіи, которыя всецѣло принадлежатъ къ демократической реформѣ, а коммунальная программа, составленная въ Бранденбургѣ, представляетъ демократическую программу реформы. Въ рейхстагѣ партія выступила за расширеніе полномочій и обязательное введеніе промышленныхъ судовъ, этихъ органовъ къ поспѣшествованію промышленнаго мира. Рѣчи всѣхъ защитниковъ ихъ дышутъ реформою. Въ томъ же Штутгартѣ, гдѣ, по словамъ Клары Цеткинъ, „Бернштейніадѣ" положенъ былъ конецъ, соціалъ-демократы вскорѣ послѣ съѣзда заключили съ буржуазной демократіей избирательный союзъ для муниципальныхъ выборовъ, и въ другихъ вюртембергскихъ городахъ послѣдовали ихъ примѣру. Въ трэдъ-юніонистскомъ движеніи одинъ союзъ за другимъ вводятъ поддержку безработныхъ, что фактически означаетъ отрицаніе характера чистыхъ коалицій, и объявляютъ себя за паритативныя городскія бюро для пріисканія работы, обнимающія хозяевъ и рабочихъ, между тѣмъ какъ въ различныхъ большихъ партійныхъ центрахъ—въ Гамбургѣ, Эльберфельдѣ—соціалисты и члены профессіональныхъ союзовъ занимаются основаніемъ потребительныхъ обществъ. Повсюду—борьба за реформу, борьба за соціальный прогрессъ, борьба за осуществленіе демократіи— „люди изучаютъ въ деталяхъ запросы дня и ищутъ рычаговъ и точекъ опоры для того, чтобы при ихъ помощи подвинуть впередъ развитіе общества въ духѣ соціализма". Такъ писалъ я какъ разъ годъ тому назадъ *), и я не вижу ни одного

*) „Der Kampf der Sozialdemokratie und die Revolution der Gesellschaft", „Neue Zeit", XVI, 1, стр. 451.

факта, который позволилъ бы мнѣ взять назадъ хоть единое слово.

Въ общемъ же я повторяю, чѣмъ больше соціалъ-демократія рѣшится казаться тѣмъ, что она есть на дѣлѣ, тѣмъ больше увеличатся ея шансы провести политическія реформы. Страхъ, конечно, большой факторъ въ политикѣ, но люди ошибаются, когда думаютъ, что страхъ можетъ все сдѣлать. Не тогда, когда чартистское движеніе вело себя наиболѣе революціонно, достигли англійскіе рабочіе права голоса, а когда революціонные лозунги были заброшены и они соединились съ радикальной буржуазіей для завоеванія реформъ. И кто возразитъ мнѣ, что подобное въ Германіи невозможно, того я попрошу почитать, какъ еще 15 и 20 лѣтъ тому назадъ либеральная пресса писала относительно трэдъ-юніонистской борьбы и рабочаго законодательства, и какъ представители этихъ партій говорили и голосовали въ рейхстагѣ, когда рѣшались относящіеся къ нимъ вопросы. Онъ, быть можетъ, тогда согласится, что политическая реакція далеко не представляетъ еще характернѣйшаго явленія въ буржуазной Германіи.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

КОНЕЧНАЯ ЦѢЛЬ И ДВИЖЕНІЕ.

Кантъ противъ cant'a.

Мы уже указывали въ различныхъ мѣстахъ нашей работы на большое вліяніе, которое традиція имѣетъ и въ соціалъ-демократіи при оцѣнкѣ фактовъ и идей. Я намѣренно говорю: „*и* въ соціалъ-демократіи“, потому что эта власть традиціи—весьма распространенное явленіе, отъ котораго не свободна ни одна партія, никакая литературная или художественная дѣятельность и которое играетъ большую роль даже въ большинствѣ наукъ. Оно и врядъ ли когда-нибудь исчезнетъ вполнѣ. Всегда долженъ будетъ пройти извѣстный промежутокъ времени, пока люди настолько сознаютъ несоотвѣтствіе между традиціей и существующимъ, чтобъ быть въ состояніи всецѣло сдавать первую въ архивъ. До тѣхъ же поръ или пока этого нельзя сдѣлать безъ ущерба для даннаго дѣла, традиція образуетъ обыкновенно могучее средство держать вмѣстѣ тѣхъ, которыхъ не связываетъ никакой сильный, непрерывно дѣйствующій интересъ либо внѣшнее давленіе. Отсюда интуитивное пристрастіе всѣхъ людей дѣла, какъ бы они революціонны ни были въ своихъ цѣляхъ, къ традиціи. „Never swop horses whilst crossing a stream“—никогда не перепрягай лошадей при переправѣ черезъ рѣку—этотъ девизъ стараго Линкольна коренится въ той же мысли, что и всѣмъ извѣстная анаѳема Лассаля противъ „безпокойнаго духа либерализма“, противъ „болѣзни индивидуальнаго мнѣнія и жажды знать лучше“. Въ

то время, какъ традиція, по существу, консервативна, критика прежде всего разрушительна. Оттого въ моментъ какого-нибудь важнаго дѣйствія даже справедливая, по существу, критика можетъ принести вредъ, а потому должна быть отвергнута.

Признавать это не значитъ еще, конечно, канонизировать традицію и презирать критику. Партіи не всегда стоятъ посреди потока, гдѣ все вниманіе направлено на одну цѣль. Для партіи, которая хочетъ идти въ уровень съ фактическимъ развитіемъ, критика необходима и традиція изъ двигательной силы можетъ превратиться въ тяжелую ношу, въ стѣсняющія узы.

Между тѣмъ люди лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ охотно даютъ себѣ полный отчетъ въ значеніи измѣненій, происшедшихъ въ основоположеніяхъ ихъ традицій. Обыкновенно они предпочитаютъ принимать ихъ въ соображеніе лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о признаніи неопровержимыхъ фактовъ, и согласовать ихъ, насколько могутъ, съ традиціонными лозунгами. Средствомъ къ этому служитъ крючкотворство, и результатъ для фразеологіи есть, въ большинствѣ случаевъ, cant.

Cant — англійское слово, и появилось оно въ XVI-мъ вѣкѣ для обозначенія ханжескаго и монотоннаго пѣнія пуританъ. Въ своемъ болѣе широкомъ смыслѣ оно обозначаетъ неискреннюю, либо безсмысленно повторяемую, либо съ полнымъ сознаніемъ неискренности употребляемую для извѣстныхъ цѣлей манеру говорить, будетъ ли то въ области религіи или политики, сѣрой теоріи или веселой жизни. Въ этомъ смыслѣ cant существуетъ споконъ вѣка—не было худшихъ болтуновъ cant'а, нежели, напр., греки послѣ классическаго періода—и проникаетъ подъ безчисленными формами всю нашу культурную жизнь. Каждая нація, каждый классъ и каждая группа, связанная доктриной или интересами, имѣютъ свой cant. Отчасти онъ настолько уже сталъ дѣломъ условности, простой формальности, что никто уже больше не обманываетъ себя на счетъ его безсодержательности, и бороться противъ него значило бы съ досуга стрѣлять въ воробьевъ. Но не такъ обстоитъ съ cant'омъ, который выступаетъ въ одѣяніи научности, и съ политическими лозунгами, превратившимися въ cant.

Мое выраженіе: „то, что обыкновенно называютъ конечной цѣлью соціализма, для меня ничего, а движеніе—все“ много-

кратно истолковывалось, какъ отрицаніе всякой опредѣленной цѣли соціалистическаго движенія, а г. Плехановъ даже сдѣлалъ открытіе, что эту „знаменитую фразу“ я заимствовалъ изъ книги Гергарда фонъ-Шульце-Геверница: „Соціальный миръ“ *). Тамъ, въ одномъ мѣстѣ, говорится, что хотя для

*) Въ рядѣ статей: „За что мы должны быть ему благодарны. Открытое письмо къ Карлу Каутскому“, напечатанныхъ въ №№ 253—255 „Sächsische Arbeiter-Zeitung“ за 1898 г. Каутскій на штутгартскомъ партейтагѣ выразился, что если соціалъ-демократія и не можетъ примкнуть къ моимъ взглядамъ, то она все-таки можетъ мнѣ быть благодарна за импульсъ, который я далъ своими статьями. Это составляло въ глазахъ г. Плеханова слишкомъ снисходительную критику. Ему мало было, что я, какъ онъ упоминаетъ, не былъ признанъ подавляющимъ большинствомъ делегатовъ на партейтагѣ; я долженъ былъ, въ качествѣ невѣжды съ „поразительной бѣдностью мысли“ и „некритическаго приверженца“ буржуазныхъ реформъ, который „наноситъ удары въ лицо соціалистической теоріи и—сознательно или безсознательно, что безразлично здѣсь—стремится похоронить эту теорію къ утѣхѣ сплошной реакціонной массы“, быть съ позоромъ выгнанъ изъ общества праведныхъ или, какъ это говорится у г. Плеханова, „быть похороненъ соціалъ-демократіей“.

Я отказываюсь употребить здѣсь выраженіе, какимъ пословица характеризуетъ этого рода запоздалые приговоры. Каждый слѣдуетъ своей натурѣ и отъ павы никто не ждетъ мелодичныхъ звуковъ. Но фраза, что я занимаюсь своимъ убійственнымъ дѣломъ къ „утѣхѣ сплошной реакціонной массы“, вынуждаетъ меня сдѣлать небольшое замѣчаніе.

Я въ другомъ мѣстѣ этой работы привелъ нѣсколько соціалистическихъ газетъ, которыя приняли мои выводы или сами выражались въ подобномъ же духѣ. Этотъ списокъ можно было бы удлинить; но я не имѣю желанія подкрѣплять свои аргументы вѣсомъ численности и уваженія симпатизирующихъ. Все же, чтобы выставить полемическіе пріемы г. Плеханова въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, я долженъ упомянуть, что большая, если не большая часть работающихъ въ Россіи русскихъ соціалъ-демократовъ также рѣшительно присоединились къ точкѣ зрѣнія, близкой къ моей, и что въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя мои „безсодержательныя“ статьи были переведены по-русски и распространены въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Быть можетъ, это и не „къ утѣхѣ“ Плеханова. Но какая некрасивая манера говорить при такихъ, ему весьма извѣстныхъ обстоятельствахъ о „сплошной“ реакціонной массѣ, — выраженіе, мимоходомъ говоря, въ десять разъ безсмысленнѣе фразы о реакціонной массѣ, которую Марксъ и Энгельсъ постоянно отвергали!

революціоннаго соціализма обязательно ставить своей конечной цѣлью обобществленіе всѣхъ орудій производства, для практически-политическаго соціализма, предпочитающаго ближайшія цѣли отдаленнымъ, это необязательно. Такъ какъ поэтому та или другая конечная цѣль считается здѣсь для практической дѣятельности необязательною, а я, съ своей стороны, также обнаружилъ малый интересъ къ конечнымъ цѣлямъ, то я являюсь „не-критическимъ послѣдователемъ“ Шульце-Геверница. Надобно признать, что подобный аргументъ доказываетъ поразительную умственную силу.

Когда я восемь лѣтъ тому назадъ реферировалъ книгу Шульце-Геверница на страницахъ „Neue Zeit“, я хотя еще и находился въ своей критикѣ подъ вліяніемъ предвзятыхъ теорій, которыхъ теперь уже не придерживаюсь, все же оставилъ въ сторонѣ, какъ несущественное, подобное принципіальное противоположеніе конечной цѣли практической реформаторской дѣятельности и призналъ, не навлекая ни откуда протеста, что для Англіи такое дальнѣйшее мирное развитіе, какое изображалъ Шульце-Геверницъ, по крайней мѣрѣ, не невѣроятно. Я выразилъ свое убѣжденіе, что при свободномъ развитіи также и въ будущемъ, англійскій рабочій классъ хотя и увеличитъ свои требованія, но никогда не пожелаетъ того, что не окажется всякій разъ несомнѣнно необходимымъ и осуществимымъ. Это, въ сущности, то же самое, что я и теперь говорю. И если мнѣ укажутъ на успѣхъ, который за это время сдѣлала въ Англіи соціалъ-демократія, то я отвѣчу, что съ этимъ ростомъ шло паралельно развитіе англійской соціалъ-демократіи изъ утопически-революціонной секты, какъ Энгельсъ самъ многократно изображалъ ее, въ партію политической реформы, которое и сдѣлало этотъ ростъ возможнымъ. Никакой разсудительный соціалистъ въ Англіи не мечтаетъ уже о близкой побѣдѣ соціализма, благодаря крупной катастрофѣ, и никто не мечтаетъ о быстромъ завоеваніи парламента революціоннымъ пролетаріатомъ. За то тамъ все больше и больше налегаютъ на работу въ муниципалитетахъ и другихъ органахъ самоуправленія и отказываются отъ прежней презрительной оцѣнки трэдъ-юніонистическаго движенія, которому—равно какъ, тамъ и здѣсь, уже и кооперативному—начинаютъ все замѣтнѣе сочувствовать.

Ну, а конечная цѣль? Что-жъ, она и остается конеч-

ной цѣлью. „Рабочій классъ не имѣетъ провести никакихъ готовыхъ утопій при помощи народныхъ постановленій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы добиться своего освобожденія, а вмѣстѣ съ нимъ выработать ту высшую форму общежитія, которой современное общество неудержимо идетъ на встрѣчу всѣмъ своимъ экономическимъ развитіемъ, ему предстоитъ пройти черезъ долгую борьбу, черезъ цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, благодаря которымъ люди, равно какъ и обстоятельства, совершенно преобразуются. Онъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ, онъ имѣетъ лишь освободить элементы новаго общества, которые уже развились въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества". Такъ говоритъ Марксъ въ „Гражданской войнѣ во Франціи". Это-то и есть въ существенномъ, если и не во всѣхъ пунктахъ, та мысль, которую я имѣлъ въ виду, когда писалъ свою фразу о конечной цѣли. Ибо что она въ концѣ концовъ гласитъ, какъ не то, что движеніе, рядъ процессовъ—все, а всякая заранѣе намѣчаемая и ближе опредѣляемая цѣль—по сравненію съ нимъ, неважна? Я уже въ свое время заявлялъ, что охотно отказываюсь отъ такой формулировки положенія о конечной цѣли, которая допускаетъ толкованіе, будто всякая формулируемая какъ принципъ общая цѣль рабочаго движенія должна быть признана ничего не стоящей. Но то, что въ господствующихъ теоріяхъ относительно исхода движенія идетъ дальше такой въ общихъ чертахъ намѣчаемой цѣли, опредѣляющей принципіальное направленіе и характеръ движенія, должно непремѣнно закончиться утопистикою и когда-нибудь стать помѣхою и стѣсненіемъ для дѣйствительнаго теоретическаго и практическаго преуспѣянія движенія.

Кто лишь немного знакомъ съ исторіей соціалъ-демократіи, тотъ знаетъ, что партія стала великою, благодаря постоянной оппозиціи подобнымъ теоріямъ и борьбѣ съ дѣлаемыми изъ нихъ выводами. То, что Энгельсъ въ предисловіи къ новому изданію „Гражданской войны" говоритъ относительно поведенія бланкистовъ и прудонистовъ во время коммуны, а именно, что практика вынудила и тѣхъ и другихъ дѣйствовать противъ своихъ собственныхъ догмъ, повторялось въ иной формѣ не разъ. Теорія или принципіальное заявленіе, которое не настолько широко, чтобы позволять намъ на каждой ступени развитія примѣчать ближайшіе интересы рабочаго класса, по-

стоянно будетъ нарушаться, подобно тому какъ всѣ чуранія „малыхъ дѣлъ“ реформы и отказъ поддерживать близко стоящія къ намъ буржуазныя партіи всегда будутъ забываться. И постоянно будутъ раздаваться жалобы на партейтагахъ, что тамъ или здѣсь, во время избирательной борьбы, конечная цѣль соціализма недостаточно выдвинута была на первый планъ.

Въ цитатѣ изъ Шульце-Геверница, которою г. Плехановъ попрекаетъ меня, говорится, что тѣмъ самымъ, что соціалъ-демократія отказалась отъ тезиса, будто положеніе рабочаго (въ современномъ обществѣ) безнадежно, она отказалась также и отъ революціоннаго дѣйствія и стала на почву законодательныхъ требованій. Изъ этого противоположенія явствуетъ, что Шульце-Геверницъ все еще употребляетъ понятіе „революціонный“ въ смыслѣ стремленія, имѣющаго въ виду насильственный переворотъ. Г. Плехановъ перетасовываетъ карты и причисляетъ меня къ „противникамъ научнаго соціализма“, потому что я не изображаю положеніе рабочаго безнадежнымъ и признаю это положеніе способнымъ къ улучшенію, равно какъ и другіе факты, которые констатировали буржуазные экономисты.

„Научный соціализмъ“—еще бы! Если слово: „наука“ когда-нибудь превращалась въ чистѣйшій cant, такъ это въ настоящемъ случаѣ. Фраза о „безнадежности“ положенія рабочаго класса находится въ обращеніи уже больше 50-ти лѣтъ. Она проникаетъ всю радикально-соціалистическую литературу 30-хъ и 40-хъ г.г. и многіе констатированные факты, повидимому, оправдывали ее. Такъ оно, напр., когда Марксъ въ „Нищетѣ философіи“ провозглашаетъ минимальныя средства къ жизни за естественную заработную плату, когда Коммунистическій Манифестъ категорически заявляетъ, что „современный рабочій вмѣсто того, чтобы подниматься съ развитіемъ индустріи, опускается все ниже и ниже условій существованія своего класса. Рабочій становится пауперомъ и пауперизмъ развивается еще быстрѣе, нежели населеніе и богатство“, и когда въ „Гражданской войнѣ“ говорится, что малѣйшее улучшеніе въ положеніи рабочаго „остается въ буржуазной республикѣ утопіей“. Если положеніе рабочаго еще и понынѣ безнадежно, то фразы эти, естественно, и понынѣ еще справедливы. Упрекъ г. Плеханова подразумѣваетъ

это. Безнадежность положенія рабочаго класса есть поэтому неопровержимая аксіома „научнаго соціализма“. Признавать факты, говорящіе противъ нея, значитъ, по его мнѣнію, слѣдовать по стопамъ буржуазныхъ экономистовъ, которые констатировали эти факты. Имъ поэтому принадлежитъ благодарность, которую Каутскій выразилъ мнѣ. „Отошлемъ его вообще ко всѣмъ приверженцамъ и поборникамъ „хозяйственныхъ гармоній“, а, главное, само собою разумѣется къ безсмертному Бастіа!“.

Великій англійскій юмористъ Диккенсъ весьма удачно охарактеризовалъ въ одномъ изъ своихъ романовъ этотъ родъ аргументаціи. „Твоя дочь вышла замужъ за нищаго“, сказала своему мужу барыня, жившая въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но отличавшаяся большими претензіями, и когда тотъ возразилъ, что молодой ихъ зять не совсѣмъ, вѣдь, нищій, онъ получилъ уничтожающе-саркастическій отвѣтъ: „Вотъ какъ? Я и не знала, что у него большія помѣстья“. Возразить на преувеличеніе значитъ утверждать противоположное преувеличеніе,

Повсюду имѣются наивныя натуры, на которыя подобные маневры оказываютъ дѣйствіе. Согласиться съ чѣмъ-либо такимъ, что буржуазные экономисты выставили противъ соціалъ-демократическихъ предвзятыхъ людей,—какое это великое заблужденіе! Я однако достаточно нечувствителенъ, чтобы просто признавать сарказмы мистрисъ Вильферъ за младенческіе. Ошибка еще не стоитъ того, чтобы ее поддерживали, потому лишь, что ее раздѣляли нѣкогда Марксъ и Энгельсъ, и истина нисколько не теряетъ въ значеніи оттого, что ее впервые нашелъ или сформулировалъ антисоціалистическій или нечистопробный соціалистическій экономистъ. Въ области науки тенденціозность не даетъ никакихъ привилегій и не издаетъ никакихъ декретовъ къ остракизму. Односторонности въ изображеніи исторіи развитія современной Англіи, которыя я въ свое время достаточно рѣзко отмѣтилъ, не помѣшали г. Шульце-Геверницу установить какъ въ „Соціальномъ мирѣ“, такъ и въ монографіи „Крупное производство“ рядъ фактовъ, которые въ высшей степени важны для ознакомленія съ хозяйственнымъ развитіемъ настоящаго времени, и я не только не стыжусь этого, но даже охотно признаю, что благодаря Шульце-Геверницу, равно какъ и другимъ экономистамъ, вы-

шеднимъ изъ школы Брентано (Геркнеръ, Цинцгеймеръ), я обратилъ вниманіе на множество фактовъ, которые я раньше видѣлъ лишь отчасти или даже вовсе не замѣчалъ. Я не стѣсняюсь даже признаваться, что кое-что узналъ и изъ книги Юліуса Вольфа: „Sozialismus und sozialistische Gesellschaftsordnung".

Г. Плехановъ называетъ это „эклектическимъ сочетаніемъ (научнаго соціализма) съ ученіемъ буржуазныхъ экономистовъ". Какъ будто девять десятыхъ элементовъ научнаго соціализма не заимствовано изъ сочиненій „буржуазныхъ экономистовъ" и какъ будто вообще существуетъ партійная наука! *)

---

*) Близко стоящій къ моимъ взглядамъ русскій соціалистъ С. Прокоповичъ упрекаетъ меня въ весьма умной статьѣ, напечатанной въ журналѣ бельгійской соціалъ-демократіи, въ томъ, что я не послѣдователенъ въ моемъ протестѣ противъ вреднаго стремленія сдѣлать науку дѣломъ партіи. Тѣмъ, что я приписываю теоріи вліяніе на тактику партіи, я самъ содѣйствую неясности, царящей въ этомъ отношеніи въ соціалъ-демократіи. „Тактика партіи, говоритъ онъ, опредѣляется фактическими соціальными условіями въ гораздо большей степени, нежели теоретическое знаніе. Не теоретическое знаніе оказываетъ вліяніе на тактику партіи, а напротивъ. Тактика партіи несомнѣнно вліяетъ на доктрины, обращающіяся въ партіи. Въ современныхъ массовыхъ движеніяхъ Фольмары всегда предшествуютъ Бернштейнамъ... наука всегда будетъ партійнымъ дѣломъ, если люди дѣйствія будутъ придерживаться мнѣнія, что то или другое представленіе объ экономическомъ развитіи можетъ вліять на тактику партіи. Наука станетъ свободною лишь съ того момента, когда признаютъ, что она имѣетъ с л у ж и т ь цѣлямъ партіи, а не о п р е д ѣ л я т ь ихъ". Вмѣсто того, чтобы протестовать противъ того, что тактику партіи ставятъ въ зависимость отъ доктрины, которую я считаю ложною, я долженъ былъ протестовать противъ того, что ее ставятъ вообще въ зависимость отъ той или другой теоріи соціальнаго развитія". (Avenir Social, 1899, I стр. 15—16).

Съ большею частью сказаннаго здѣсь я могу, не колеблясь, согласиться, какъ я уже указалъ это въ первой главѣ при разъясненіи роли эклектики,—главѣ, которая была уже напечатана, когда я увидѣлъ статью Прокоповича. Тамъ, гдѣ доктрина дѣлаетъ себя госпожею, мятежная эклектика пробиваетъ брешь во имя свободной науки. Но я не могу представить себѣ продолжительнаго коллективнаго хотѣнія безъ коллективной вѣры, которая, какъ ни содѣйствуетъ интересъ ея образованію, все же одновременно зависитъ отъ того или другого распространеннаго взгляда или знанія того,

Къ несчастію для научнаго соціализма г. Плеханова, вышеприведенныя фразы относительно безнадежности положенія рабочаго класса подверглись измѣненію въ книгѣ, озаглавленной: „Капиталъ. Критика политической экономіи". Тамъ читаемъ мы относительно совершеннаго фабричнымъ закономъ 1847 г. „физическаго и нравственнаго возрожденія" текстильныхъ рабочихъ въ Ланкаширѣ, которое бросалось въ глаза самымъ близорукимъ".

Не нужно было даже, слѣд., буржуазной республики, чтобы произвести нѣкоторое улучшеніе въ положеніи значительной категоріи рабочихъ. Въ той же книгѣ значится, что современное общество „не есть какой-нибудь неизмѣнный кристалъ, а организмъ, способный къ развитію и постоянно находящійся въ процессѣ измѣненія", что даже въ отношеніи къ хозяйственнымъ вопросамъ „замѣчается несомнѣнный шагъ впередъ" со стороны оффиціальныхъ представителей этого общества. Дальше говорится, что авторъ отвелъ результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства такъ много мѣста въ своей книгѣ для того, чтобы дать импульсъ подражанію на континентѣ и содѣйствовать тому, чтобы процессъ преобразованія общества совершался въ болѣе гуманныхъ формахъ. (Предисловіе). Это все означаетъ не безнадежность положенія рабочаго класса, а способность его къ улучшенію. А такъ какъ съ 1866 г., когда это писано было, названное законодательство не ослабло, а усилилось, распространилось и восполнилось рядомъ законовъ и учрежденій, дѣйствующихъ въ

что желательно и осуществимо. Оттого безъ такого коллективнаго убѣжденія не можетъ быть никакого энергичнаго коллективнаго дѣйствія. Это и есть тотъ фактъ, который констатируетъ опровергаемое Прокоповичемъ положеніе. „Второй моментъ (при опредѣленіи тактическихъ вопросовъ) интеллектуальнаго характера: близость знакомства съ состояніемъ общества, достигнутое знаніе природы и законовъ развитія общественаго организма и его элементовъ" („Neue Zeit", XVI, I, стр. 485). Исходя изъ убѣжденія, что это такъ я не могу не вносить теоретическаго знанія при обсужденіи тактическихъ вопросовъ; я долженъ лишь бороться противъ того, что съ наукою, какъ таковою, обращаются какъ съ вещью, не стоящею внѣ партіи. Въ послѣднемъ счетѣ служить вещи, вѣдь, значитъ вліять на нее. „Въ концѣ концовъ мы все-таки зависимъ отъ созданій, которымъ мы сами же дали жизнь", говорилъ уже Мефистофель.

томъ же направленіи, то въ настоящее время еще меньше можетъ быть рѣчи о безнадежности положенія рабочаго, нежели прежде. Если констатировать подобные факты значитъ идти по слѣдамъ „безсмертнаго Бастіа“, то къ послѣдователямъ этого либеральнаго экономиста принадлежитъ въ первомъ счетѣ... Карлъ Марксъ.

Г. Плехановъ съ восторгомъ цитируетъ слова Либкнехта на штутгартскомъ партейтагѣ: „Человѣкъ въ родѣ Маркса долженъ былъ жить въ Англіи, чтобы написать свой „Капиталъ“; Бернштейну же импонируетъ колоссальное развитіе англійской буржуазіи. Онъ находитъ ихъ, однако, слишкомъ мягкими. Не надобно быть Марксомъ, чтобы въ Англіи оставаться вѣрнымъ научному соціализму (въ смыслѣ Маркса и Энгельса); мое же отпаденіе происходитъ скорѣе отъ того, что я съ этомъ соціализмомъ „мало знакомъ“.

У меня, конечно, не можетъ быть охоты спорить о послѣднемъ съ человѣкомъ, наука котораго требуетъ, чтобы мы вплоть до великаго переворота признавали положеніе рабочаго при всѣхъ обстоятельствахъ безнадежнымъ. Иначе обстоитъ съ Либкнехтомъ. Если я правильно его понялъ, то его слова имѣютъ въ виду представить смягчающія мою вину обстоятельства. Какъ ни пріятно это мнѣ признавать, я долженъ однако заявить, что я смягчающія обстоятельства принять не могу. Конечно, я далекъ отъ того, чтобы сравнивать себя съ мыслителемъ Марксомъ. Но здѣсь дѣло не въ томъ, выше ли я Маркса или нѣтъ. Всякій можетъ быть правъ по отношенію къ Марксу, кто даже приблизительно не можетъ сравниться съ нимъ по занятіямъ и талантамъ. Дѣло лишь въ томъ, правильны ли констатируемые факты или нѣтъ и оправдываютъ ли они выводы, которые я изъ нихъ сдѣлалъ. Какъ это видно изъ предыдущаго, даже такой геній, какъ Марксъ, не въ состояніи былъ избѣжать необходимости значительно видоизмѣнить въ Англіи свои предвзятыя мнѣнія; стало быть, и онъ былъ вынужденъ въ Англіи отказаться отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, которые онъ съ собою туда привезъ.

Мнѣ могутъ возразить, что Марксъ, конечно, признавалъ эти улучшенія; но какъ мало имѣли эти частности вліянія на его основныя воззрѣнія, видно уже изъ главы объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія въ заключеніи перваго тома „Капитала“. На это я могу отвѣтить, что по

скольку это вѣрно, оно говоритъ противъ этой главы, а не противъ меня.

Эту многократно цитируемую главу можно понимать весьма различнымъ образомъ. Я думаю, что я былъ первый, кто истолковалъ ее, и при томъ не разъ, какъ суммарное описаніе тенденціи развитія, которая присуща капиталистическому накопленію, но которая на практикѣ не осуществляется въ чистомъ видѣ и потому можетъ и не вести къ описанному тамъ обостренію противоположностей. Энгельсъ ни разу не возставалъ противъ этого истолкованія и ни устно, ни въ печати не называлъ его ложнымъ. Онъ не возразилъ также ни единымъ словомъ, когда я въ 1891 г., при реферированіи работы Шульце-Геверница, писалъ по поводу затрагиваемыхъ тамъ вопросовъ: „Очевидно, что тамъ, гдѣ вмѣшивается соотвѣтствующимъ образомъ законодательство, планомѣрное и сознательное дѣйствіе общества, вліяніе тенденцій хозяйственнаго развитія можетъ быть видоизмѣнено, а при случаѣ даже парализовано. Марксъ и Энгельсъ не только никогда не оспаривали это, но, напротивъ, постоянно подчеркивали". („Neue Zeit", IX, 1, стр. 736). Если мы вышеупомянутую главу будемъ читать съ этой точки зрѣнія, то мы всегда, даже при отдѣльныхъ положеніяхъ, подразумѣвать будемъ слово „тенденція" и тѣмъ избавимся отъ необходимости примирять ихъ съ дѣйствительностью при помощи пріемовъ толкованія, совершенно противорѣчащихъ здравому смыслу. Но тогда глава сама, по мѣрѣ того, какъ фактическое развитіе будетъ идти впередъ, будетъ лишаться все больше и больше своего значенія, ибо ея теоретическое значеніе заключается не въ установленіи всеобщей тенденціи къ капиталистической централизаціи и накопленію, которая, вѣдь, еще за долго до Маркса констатирована была буржуазными экономистами и соціалистами, а въ самостоятельномъ изложеніи Марксомъ обстоятельствъ и формъ, подъ которыми она осуществляется на болѣе высокой ступени, и результатовъ, къ которымъ она имѣетъ повести. Но въ этомъ отношеніи фактическое развитіе вызываетъ къ жизни все новыя и новыя учрежденія и силы, все новые и новые факты, въ виду которыхъ изображеніе Маркса становится недостаточнымъ и въ соотвѣтствующей степени перестаетъ служить картиною грядущаго развитія. Таково мое мнѣніе.

Можно, впрочемъ, главу эту и иначе понимать. Можно

ее понимать такъ, что всѣ упомянутыя и нѣкоторыя, имѣющія еще произойти улучшенія являются лишь временными средствами противъ давящихъ внизъ тенденцій капитализма, что они составляютъ незначительныя видоизмѣненія, которыя принципіально не могутъ оказать продолжительное противодѣйствіе констатируемому Марксомъ обостренію противоположностей, и что эти противоположности, въ концѣ концовъ, если и не буквально, то по существу наступятъ, какъ тамъ описано было, и приведутъ къ указанному катастрофо-образному перевороту. Это пониманіе могло бы сослаться на категорическую формулировку заключительныхъ положеній главы и до нѣкоторой степени подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ концѣ дѣлается все-таки опять указаніе на Коммунистическій Манифестъ, послѣ того какъ незадолго до этого на сценѣ фигурировалъ Гегель со своимъ отрицаніемъ отрицанія, т. е. возстановленіемъ индивидуальной собственности, которую капиталистическій способъ производства отрицаетъ.

По моему, нельзя категорически объявить одно пониманіе вѣрнымъ, а другое—ложнымъ. Для меня эта глава скорѣе являетъ наглядный примѣръ того дуализма, который проходитъ черезъ весь капитальный трудъ Маркса и въ менѣе яркой формѣ выступаетъ въ другихъ мѣстахъ. Этотъ дуализмъ заключается въ томъ, что трудъ этотъ долженъ былъ быть научнымъ изслѣдованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать тезисъ, выработанный еще до того, какъ сочиненіе было задумано,—другими словами, что въ его основѣ лежитъ схема, заключавшая въ себѣ съ самаго начала тотъ результатъ, къ которому ея развитіе имѣло привести. Возвращеніе къ Коммунистическому Манифесту указываетъ здѣсь на фактическій остатокъ утопизма въ Марксовой системѣ. Марксъ въ принципѣ принялъ разрѣшеніе утопистовъ, но призналъ ихъ средства и доводы негодными. Онъ взялся поэтому за пересмотръ ихъ, внося въ дѣло все прилежаніе, критическую проницательность и любовь къ истинѣ, какія характеризуютъ научнаго генія. Онъ не замолчалъ никакихъ важныхъ фактовъ и не старался, пока предметъ изслѣдованія не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ конечной цѣли аргументаціонной схемы, насильно умалять значеніе этихъ фактовъ. До этого момента его трудъ свободенъ отъ всякой тенденціи, необходимо противорѣчащей научности, ибо общее сочувствіе освободительнымъ стремленіямъ рабочаго

класса само по себѣ не стоитъ научности на пути *). Но какъ только Марксъ приближается къ такимъ пунктамъ, гдѣ эта конечная цѣль подвергается серьезному риску, онъ становится нерѣшительнымъ и ненадежнымъ, онъ приходитъ къ такимъ противорѣчіямъ, какія указаны были въ настоящемъ сочиненіи въ отдѣлѣ, напр., о движеніи доходовъ въ современномъ обществѣ, и тогда обнаруживается, что этотъ великій научный геній былъ все-таки, такъ или иначе, въ плѣну у доктрины. Онъ воздвигъ, выражаясь образно, въ предѣлахъ найденныхъ имъ лѣсовъ могучее зданіе, при постройкѣ котораго онъ до сихъ поръ строго держался законовъ научнаго строительства, пока они не сталкивались съ условіями, предписанными ему конструкціей лѣсовъ, но покидалъ ихъ или обходилъ тамъ, гдѣ лѣса были слишкомъ тѣсны, чтобы позволять соблюденіе ихъ. Вмѣсто того, чтобы разрушать самые лѣса тамъ, гдѣ они стѣсняли строеніе, онъ вносилъ измѣненія въ самое строеніе въ ущербъ соразмѣрности его и этимъ какъ разъ и поставилъ его въ зависимости отъ лѣсовъ. Было-ли то сознаніе этого ирраціональнаго положенія, что мѣшало ему окончить свой трудъ и все толкало его къ отдѣлкѣ частностей? Какъ бы то ни было, мое убѣжденіе таково, что гдѣ только обнаруживается этотъ дуализмъ, тамъ лѣса должны пасть, чтобы дать зданію утвердить свои права. Въ послѣднемъ, а не въ первыхъ заключается то, что достойно жить послѣ смерти Маркса.

Ничто такъ не укрѣпляетъ меня въ этомъ убѣжденіи, какъ то безпокойство, съ какимъ именно наиболѣе серьезные изъ марксистовъ, которые не смогли еще отрѣшиться отъ діалектической схемы сочиненія — отъ лѣсовъ, — стараются цѣпляться за тѣ мысли въ „Капиталѣ“, которыя обогнала дѣйствительность. Лишь такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, я могу объяснить себѣ, какъ это человѣкъ, въ прочихъ отношеніяхъ столь трезво относящійся къ фактамъ, какъ Каутскій, могъ мнѣ въ Штутгартѣ возразить на замѣчаніе, что число имущихъ съ каждымъ годомъ и днемъ не уменьшается, а увеличивается: „если бы это было такъ, то моментъ нашей побѣды не только не отодвинулся бы на весьма отдаленное время: мы

*) Я не касаюсь здѣсь, конечно, тенденціи, которая выражается въ отношеніи къ лицамъ и въ изображеніи событій и которая не имѣетъ никакой необходимой связи съ экономическимъ развитіемъ.

вообще никогда не достигли бы цѣли. Если увеличиваются капиталисты, а не неимущіе, то мы удаляемся все больше и больше отъ цѣли, по мѣрѣ того, какъ развитіе идетъ впередъ,—то укрѣпляется капитализмъ, а не соціализмъ.

Внѣ связи съ схемой аргументаціи Маркса эта фраза, подъ которой г. Плехановъ, конечно, вполнѣ подпишется, была бы мнѣ въ устахъ Каутскаго непонятна. Въ этомъ же смыслѣ возразила мнѣ уже г-жа Люксембургъ въ вышеупомянутыхъ своихъ статьяхъ, въ общемъ, впрочемъ, что касается метода, принадлежащихъ къ лучшимъ, какія писались противъ меня,—говоря, что при моемъ способѣ пониманія соціализмъ перестаетъ быть объективно-историческою необходимостью и получаетъ идеалистическое обоснованіе. Несмотря на то, что ея аргументація страдаетъ казуистикой и логическими сальто-мортале и сводится къ совершенно произвольному отожествленію идеализма и утопизма, она однако попадаетъ въ цѣль въ томъ смыслѣ, что я, дѣйствительно, не ставлю побѣды соціализма въ зависимость отъ его „имманентной экономической необходимости“ и не считаю ни возможнымъ, ни нужнымъ придавать ему чисто матеріалистическое обоснованіе.

Что число имущихъ увеличивается, а не уменьшается, не есть изобрѣтеніе буржуазныхъ экономистовъ-гармонистовъ, а фактъ, констатируемый податными чиновниками—весьма часто къ досадѣ того или иного лица—фактъ, который въ настоящее время нѣтъ никакой возможности поколебать. Но что можетъ этотъ фактъ говорить относительно побѣды соціализма? Почему должно зависѣть отъ него, или, точнѣе, отъ его опроверженія, осуществленіе соціализма? А просто потому, что такъ, повидимому, предписываетъ діалектическая схема, что изъ лѣсовъ грозитъ выпасть брусъ, если согласиться, что общественный прибавочный продуктъ присваивается не уменьшающимся, а все увеличивающимся числомъ имущихъ. Но этотъ вопросъ затрагиваетъ лишь умозрительную доктрину; для фактическихъ же стремленій рабочихъ онъ играетъ вполнѣ второстепенную роль. Имъ не затрагивается ни борьба за политическую демократію, ни борьба за демократію въ промышленности. Шансы этой борьбы зависятъ не отъ бруса концентраціи капитала въ рукахъ уменьшающагося числа магнатовъ, не отъ всѣхъ діалектическихъ лѣсовъ, къ которымъ этотъ брусъ принадлежитъ, а отъ роста общественнаго богатства и, именно, обществен-

ныхъ производительныхъ силъ въ связи съ общимъ соціальнымъ развитіемъ и, въ частности, умственной и нравственной зрѣлости самого рабочаго класса.

Если бы побѣда соціализма зависѣла отъ непремѣннаго уменьшенія числа магнатовъ капитала, соціалъ-демократія, если бы хотѣла быть послѣдовательною, должна была бы если не прямо-таки поддерживать всячески накопленіе капиталовъ во все меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, не дѣлать ничего такого, что могло бы это уменьшеніе пріостановить. Между тѣмъ фактически она часто-таки дѣлаетъ совершенно обратное, какъ, напр., въ вопросахъ фискальной политики, гдѣ дѣло касается ея голосовъ. Съ точки зрѣнія теоріи катастрофы большая часть ея практической дѣятельности, вообще, была бы работой Пенелопы. Но не она въ этомъ отношеніи неправа. Ошибка—на сторонѣ доктрины, поскольку послѣдняя даетъ мѣсто представленію, будто прогрессъ зависитъ отъ ухудшенія обстоятельствъ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ Каутскій нападаетъ на тѣхъ, которые говорятъ о необходимости пойти дальше марксизма. Онъ замѣчаетъ, дескать, возникновеніе сомнѣній и раздумій, но они сами по себѣ еще не означаютъ развитія дальше достигнутаго пункта.

Это—вѣрно въ томъ смыслѣ, что сомнѣніе и раздумье не есть еще положительное опроверженіе. Но они могутъ быть первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, развѣ рѣчь идетъ объ оставленіи марксизма вообще, а не о томъ, скорѣе, чтобъ отбросить извѣстный остатокъ утопизма, который марксизмъ все еще тащитъ за собою и въ которомъ надлежитъ искать первоначальный источникъ противорѣчій въ теоріи и практикѣ, въ которыхъ упрекаютъ марксизмъ его критики? Настоящая работа разрослась уже больше, чѣмъ ей надлежало, и потому мнѣ приходится отказаться отъ разсмотрѣнія всѣхъ относящихся сюда пунктовъ. Тѣмъ болѣе, однако, я считаю своей обязанностью заявить, что я признаю цѣлый рядъ исходящихъ изъ другого лагеря возраженій противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ марксистскаго ученія неопровергнутыми, а иныя—даже неопровержимыми. И я могу это сдѣлать тѣмъ съ большей готовностью, что эти возраженія совершенно неважны для стремленій соціалъ-демократіи.

Мы должны въ этомъ отношеніи быть немного менѣе

чувствительны. Многократно уже случалось, что марксисты горячо спорили по поводу тѣхъ или другихъ воззрѣній, о которыхъ думали, что они діаметрально противорѣчатъ ученіямъ Маркса, между тѣмъ какъ впослѣдствіи оказывалось, что такого предполагаемаго противорѣчія въ дѣйствительности вовсе не было. Я имѣю, между прочимъ, въ виду здѣсь полемику, которая шла по поводу изслѣдованій покойнаго д-ра Штибелинга относительно вліянія сосредоточенія капитала на норму эксплуатаціи. Какъ въ способѣ выраженія, такъ и въ деталяхъ своихъ расчетовъ Штибелингъ повиненъ былъ во многихъ ошибкахъ, раскрытіе которыхъ составило заслугу, главнымъ образомъ, Каутскаго. За то третій томъ „Капитала" обнаружилъ, что основная мысль Штибелинговыхъ изслѣдованій—уменьшеніе нормы эксплуатаціи съ увеличеніемъ сосредоточенія капитала—не стояло въ такомъ противорѣчіи съ ученіемъ Маркса, какъ это тогда большинству изъ насъ казалось, хотя и обоснованіе самаго явленія у него иное, нежели у Маркса. Въ свое же время, однако, Штибелингъ долженъ былъ выслушивать, что если то, что онъ доказываетъ, правильно, то теоретическая основа современнаго рабочаго движенія—ученіе Маркса—невѣрна. И дѣйствительно тѣ, которые говорили такъ, могли ссылаться на различныя мѣста у Маркса. Анализъ полемики, которая шла по поводу Штибелинговыхъ работъ, вообще могъ бы отлично послужить для иллюстраціи противорѣчій ученія о цѣнности *)

---

*) Я хотѣлъ бы въ связи съ этимъ обратить вниманіе на замѣчательныя статьи по поводу Штибелинговыхъ работъ за подписью „Lxbg" въ „Neue Zeit" за 1887 г., гдѣ, между прочимъ, предваряется рѣшеніе проблемы о нормѣ прибыли. Неизвѣстный мнѣ авторъ говоритъ по поводу прибавочной цѣнности фактически то же, что и я говорилъ въ отдѣлѣ о теоріи цѣнности. „Норма прибавочной цѣнности, т. е. отношеніе между всей суммой прибыли и всей суммою заработной платы, есть понятіе, которое не можетъ быть примѣнено къ отдѣльнымъ отраслямъ производства" (стр. 129). То, что Каутскій тогда на это возражалъ, было, конечно, наилучшее, что вообще можно было сказать на основаніи вышедшихъ тогда томовъ „Капитала", и удачно раскритиковало также форму, въ которую Lxbg облекъ свои мысли. Ибо понятіе нормы прибавочной цѣнности, безъ сомнѣнія, допускаетъ примѣненіе къ отдѣльнымъ отраслямъ производства. Но то, что Lxbg имѣлъ въ виду сказать, было все-таки вѣрно.

Подобныя же противорѣчія существуютъ и при оцѣнкѣ отношенія экономики и силы въ исторіи и они имѣютъ своимъ pendant противорѣчія въ опредѣленіи практическихъ задачъ и возможностей рабочаго движенія, о которыхъ говорено уже было въ другомъ мѣстѣ. Однако, это—такой пунктъ, къ которому необходимо вернуться еще разъ. Я не имѣю, впрочемъ, въ виду изслѣдовать вопросъ, въ какой степени опредѣляла, въ первобытныя и послѣдующія эпохи исторіи, сила экономику или обратно, а лишь исключительно вопросъ о творческой способности силы въ данномъ обществѣ. Въ то время, какъ раньше марксисты иной разъ удѣляли въ немъ силѣ чисто отрицательную роль, въ настоящее время замѣчается склонность къ преувеличенію въ противоположную сторону: силѣ приписывается почти всемогущее творчество и подчеркиваніе политической дѣятельности является какъ бы квинтъ-эссенціей „научнаго соціализма“, или даже „научнаго коммунизма“, какъ новая мода измѣнила это выраженіе не совсѣмъ къ выгодѣ его смысла.

Нынче было бы неумѣстно возвращаться къ предвзятымъ сужденіямъ прежнихъ поколѣній относительно ничтожнаго значенія политической власти, ибо здѣсь оно значило бы пойти назадъ еще дальше ихъ. Предвзятыя мнѣнія, которыя раздѣляли на этотъ счетъ, напр., утописты, имѣли свое основаніе,—даже больше, можно сказать, что они едва ли были предвзятыя мнѣнія, такъ какъ они основывались на фактической незрѣлости рабочихъ классовъ того времени, въ виду которой только и возможно было временное господство черни, съ одной стороны, и возвращеніе къ классовой олигархіи—съ другой. При такихъ обстоятельствахъ обращеніе къ политикѣ должно было казаться уклоненіемъ отъ болѣе настоятельныхъ задачъ. Въ настоящее время эти условія отчасти уже исчезли, такъ что ни одному разумному человѣку не придетъ въ голову захотѣть критиковать политическую борьбу аргументами той эпохи.

Норма прибавочной цѣнности есть измѣримая величина лишь для всего совокупнаго хозяйства, взятаго какъ единое цѣлое, и потому не можетъ быть констатирована для отдѣльныхъ отраслей производства, пока такое хозяйство еще не осуществлено или, по крайней мѣрѣ, пока трудовая цѣнность не ставится въ прямое отношеніе къ заработной платѣ. Другими словами, для отдѣльныхъ отраслей производства не существуетъ въ дѣйствительности никакого мѣрила.

Марксизмъ, какъ мы видѣли, прежде всего повернулъ дѣло наизнанку и проповѣдывалъ, указывая на потенціальныя способности индустріальнаго пролетаріата, политическую борьбу, какъ самую важную задачу движенія. Но онъ при этомъ вращался въ цѣломъ рядѣ противорѣчій. И онъ признавалъ— чѣмъ и отличался отъ демагогическихъ партій, — что рабочій классъ не достигъ еще зрѣлости, потребной для его освобожденія, и что экономическія условія недостаточно еще подготовлены къ этому. Вопреки этому, однако, онъ постоянно прибѣгалъ къ тактикѣ, которая принимала оба эти условія почти за данныя. Мы наталкиваемся въ литературѣ его на мѣста, гдѣ незрѣлость рабочихъ подчеркивается съ рѣзкостью, которая мало чѣмъ отличается отъ доктринерства первыхъ соціалистовъ, а вслѣдъ за ними сейчасъ—на такія, изъ которыхъ можно было заключить, что вся культура, вся интеллигентность, всѣ добродѣтели находятся только у рабочаго класса и которыя дѣлали непонятнымъ, почему, въ самомъ дѣлѣ, не правы крайніе соціалъ-революціонеры и анархисты насилія. Соотвѣтственно съ этимъ политическое дѣйствіе всякій разъ перекраивалось въ зависимости отъ ежеминутно ожидаемой революціонной катастрофы, по сравненію съ которой законодательная работа долгое время казалась лишь какимъ-то pis aller, какимъ-то временнымъ ресурсомъ. И мы никогда не останавливались на принципіальномъ обсужденіи вопроса, чего можно ожидать отъ законодательной работы, и чего—отъ революціонной.

Что между той и другой работой существуетъ большая разница, ясно на первый же взглядъ. Но ее находятъ обыкновенно лишь въ томъ, что законъ или путь законодательной реформы—болѣе медленный, а путь революціоннаго насилія— болѣе быстрый и радикальный *). Это вѣрно лишь до извѣстной степени: отъ природы мѣропріятій, отъ ихъ отношенія къ различнымъ классамъ и привычкамъ народа зависитъ всецѣло, будетъ ли законодательный путь болѣе многообѣщающъ, или революціонный.

---

*) Въ этомъ смыслѣ говоритъ Марксъ въ главѣ о рабочемъ днѣ относительно „характерныхъ чертъ французской революціонной методы“, которыя проявились во французскомъ законѣ 48 г. о 12-часовомъ днѣ. Онъ предписывалъ одинаковый рабочій день для всѣхъ рабочихъ и всѣхъ фабрикъ безъ исключенія. Это вѣрно. Но констатировано было, что этотъ радикальный законъ въ одно поколѣніе сталъ мертвой буквой.

Въ общемъ можно сказать, что революціонный путь (всегда въ смыслѣ революціоннаго насилія) даетъ болѣе быстрые результаты, поскольку рѣчь идетъ отъ устраненіи препятствій, которыя привилегированное меньшинство ставитъ поперекъ пути соціальнаго прогресса: его сила лежитъ на сторонѣ отрицательной.

Конституціонное законодательство работаетъ въ этомъ отношеніи, въ общемъ, медленнѣе. Его путь обыкновенно—путь компромисса, не упраздненія, а примиренія пріобрѣтенныхъ правъ. Но онъ сильнѣе революціи тамъ, гдѣ соціальному прогрессу мѣшаютъ предубѣжденія, ограниченный горизонтъ большой массы, и онъ представляетъ большія преимущества тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о созданіи прочныхъ жизнеспособныхъ экономическихъ порядковъ,—другими словами, въ дѣлѣ положительной соціалъ-политической работы.

Въ законодательствѣ въ мирныя эпохи господствуетъ умъ надъ чувствомъ, въ революціи же—чувство подъ умомъ. Если, однако, чувство часто является плохимъ руководителемъ, то умъ является нерѣдко громоздкимъ двигателемъ. Тамъ, гдѣ революція страдаетъ излишней поспѣшностью, будничное законодательство страдаетъ мѣшкотностью. Законодательство дѣйствуетъ какъ планомѣрная сила, а революція—какъ стихійная.

Когда нація достигаетъ такого политическаго состоянія, при которомъ права имущаго меньшинства перестаютъ быть серьезнымъ препятствіемъ къ соціальному прогрессу и отрицательныя задачи политической борьбы отступаютъ позади положительныхъ, взываніе къ насильственной революціи превращается въ пустую фразу *). Можно свергнуть правительство, какое-нибудь привилегированное меньшинство, но не народъ.

Законъ самъ, при всемъ вліяніи своего авторитета, подкрѣпляемаго вооруженной властью, часто безсиленъ противъ укоренившихся обычаевъ и предразсудковъ народа. Неудовлетворительное хозяйство въ современной Италіи нисколько не имѣетъ основной причиной злую или недостаточно добрую волю савойскаго дома. Противъ перешедшей въ традицію испорчен-

---

*) „Къ счастью, революціонность перестала у насъ быть чѣмъ-либо другимъ, кромѣ какъ аффектированной фразой“. Ежемѣсячный отчетъ независимой рабочей партіи Англіи. Январь 1899.

ности чиновничества и безпечности народной массы часто умолкаютъ самые благіе законы и учрежденія. Точно такъ же обстоитъ и въ Испаніи, Греціи и, еще въ болѣе сильной степени, на Востокѣ. Даже во Франціи, гдѣ республика много сдѣлала для прогресса націи, она не только не излѣчила нѣкоторыхъ язвъ національной жизни, но еще болѣе усилила. То, что при буржуазной монархіи казалось неслыханной испорченностью, кажется теперь невинной игрой. Нація, народъ—есть лишь въ представленіи нѣчто единое и провозглашенный закономъ суверенитетъ народа не дѣлаетъ еще это единство и въ дѣйствительности опредѣляющимъ факторомъ. Онъ можетъ поставить правительство въ зависимость какъ разъ отъ тѣхъ, противъ которыхъ оно должно было быть сильнѣе,—отъ чиновниковъ, дѣльцовъ, собственниковъ періодической печати. И это справедливо относительно революціонныхъ правительствъ не меньше, чѣмъ относительно конституціонныхъ.

Тамъ, гдѣ рабочій классъ не имѣетъ еще собственныхъ весьма сильныхъ организацій хозяйственнаго характера и не достигъ еще, при помощи практики въ органахъ самоуправленія, высокой степени духовной самостоятельности, диктатура пролетаріата означаетъ диктатуру клубныхъ ораторовъ и литераторовъ. Я бы не желалъ тѣмъ, которые въ подавленіи и обманываніи рабочихъ организацій и въ исключеніи рабочихъ изъ законодательства и администраціи видятъ послѣднее слово искусства правленія, испытать эту разницу на практикѣ. Столь же мало я бы желалъ это испытать самому рабочему движенію.

Вопреки великому прогрессу, который рабочій классъ сдѣлалъ въ умственномъ, политическомъ и индустріальномъ отношеніи съ того времени, какъ писали Марксъ и Энгельсъ, я еще и теперь считаю его недостаточно развитымъ, чтобы взять на себя политическую власть. Я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ откровенно заявить это, что именно въ этомъ отношеніи господствуетъ въ соціалистической литературѣ cant, который грозитъ подавить всякое благоразумное сужденіе, и я знаю, что нигдѣ я такъ не могу быть увѣренъ встрѣтить объективное подтвержденіе своихъ взглядовъ, какъ со стороны рабочихъ, которые стоятъ въ авангардѣ освободительнаго движенія своего класса. Я еще ни отъ одного рабочаго, съ которымъ я говорилъ о соціалистическихъ вопросахъ, не слыхалъ въ этомъ отношеніи существенно отличающагося мнѣнія.

Лишь литераторы, которые никогда не стояли въ интимныхъ сношеніяхъ съ дѣйствительнымъ рабочимъ движеніемъ, могутъ въ этомъ отношеніи думать иначе. Отсюда—не употребляя болѣе сильнаго выраженія—комическая ярость г. Плеханова противъ всѣхъ соціалистовъ, которые не приписываютъ заранѣе всему классу пролетаріата того, что должно быть ихъ историческимъ призваніемъ, и видятъ еще проблемы тамъ, гдѣ онъ имѣетъ уже рѣшеніе. Ибо пролетаріатъ—это я! Кто относительно движенія не думаетъ такъ, какъ я, тотъ кабинетный ученый и буржуй. Это—старая пѣсня, которая, однако, за давностью своей нисколько не выиграла въ мелодичности.

Еще не значитъ освободиться отъ утопизма, если то, что имѣетъ стать въ будущемъ, переносить въ настоящее и приписывать ему. Мы должны брать рабочихъ, какъ они есть, а они не настолько всѣ пауперизованны, какъ это предвидѣлъ Коммунистическій Манифестъ, не настолько свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ томъ хотятъ завѣрить насъ ихъ почтительные приверженцы. Они отличаются добродѣтелями и пороками экономическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ они живутъ. И ни эти условія, ни ихъ дѣйствіе не могутъ быть устранены за одну ночь.

Самая сильная революція можетъ измѣнить общій уровень значительнаго большинства націи лишь весьма медленно. Легко отвѣчать противникамъ соціализма на ихъ пресловутые расчеты относительно того, какъ мало измѣнила бы доходы большой массы равномѣрность распредѣленія ихъ, что эта равномѣрность составляетъ лишь самую малую часть того, что соціализмъ думаетъ осуществить. Но не слѣдуетъ забывать того, что другая сторона—повышеніе производства—далеко не такъ легко осуществляется экспромптомъ. „Лишь на извѣстной, даже для н а ш е г о в р е м е н и весьма высокой ступени развитія общественныхъ производительныхъ средствъ можно настолько повысить производство, чтобы упраздненіе классовыхъ различій могло быть дѣйствительнымъ и прочнымъ шагомъ впередъ, не вносящимъ пріостановки или даже регресса въ способѣ производства общества". Какой буржуй, какой кабинетный ученый писалъ это, г. Плехановъ? Никто другой, какъ Фридрихъ Энгельсъ *).

---

*) Ср. „Soziales aus Russland", изд. „Vorwärts", стр. 50.

Развѣ достигли мы уже той высоты развитія производственныхъ средствъ, какая нужна для упраздненія классовъ? Вмѣсто фантастическихъ цифръ, которыя приводились въ этомъ отношеніи раньше и которыя покоились на обобщеніяхъ развитія особенно благопріятно поставленныхъ индустрій, соціалистическіе писатели послѣдняго времени начали дѣлать попытки получить при помощи старательныхъ и детальныхъ расчетовъ трезвую оцѣнку возможной производительности соціалистическаго общества, и ихъ результаты говорятъ совершено иное, чѣмъ прежнія цифры *). Относительно общаго сокращенія рабочаго времени до пяти и четырехъ или даже трехъ и двухъ часовъ ежедневно, какъ это раньше предполагали возможнымъ, не можетъ въ близкомъ будущемъ быть даже и рѣчи, если не понизить въ значительной степени также и общаго уровня жизни. Даже при коллективистической организаціи труда нужно будетъ приступать къ работѣ въ весьма молодые годы и оканчивать лишь въ довольно преклонный возрастъ, если при одинаковой массѣ продуктовъ и услугъ захотѣть понизить рабочій день ниже восьмичасового.

Словомъ, въ два-три года нельзя поставить весь рабочій классъ въ условія, которыя бы въ значительной степени отличались отъ теперешнихъ. Это, въ сущности, должны были бы увидѣть прежде всего тѣ именно, которые весьма охотно пускаются на преувеличенія въ дѣлѣ оцѣнки численнаго отношенія между имущими и неимущими классами. Но кто по одному пункту мыслитъ нераціонально, мыслитъ обыкновенно точно такъ же и по другимъ. Оттого меня таки нисколько не удивляетъ, если тотъ же Плехановъ, который возмущается, видя, что положеніе рабочаго рисуется небезнадежнымъ, не находитъ иного приговора для моихъ доводовъ относительно невозможности отказаться въ предвидимомъ будущемъ отъ прин-

*) Ср. Атлантикусъ „Ein Blick in den Zukunftstaat, Produktion und Konsum im Sozialstaat“ (Штутгартъ, Дицъ), равно какъ и статьи „Etwas über Kollektivismus“ д-ра Іосифа Риттера фонъ-Нейпауера въ „Deutsche Worte“ Пернерсторфера за 1897/8 г. Обѣ работы не свободны отъ недостатковъ, но ихъ можно настоятельно рекомендовать тѣмъ, которые желаютъ ознакомиться съ соотвѣтствующими вопросами. Нейпауеръ думаетъ, что если высчитать въ среднемъ работу всѣхъ машинъ, то окажется, что онѣ едва сберегаютъ треть человѣческой рабочей силы.

ципа хозяйственной личной отвѣтственности работоспособныхъ, какъ уничтожающее: „буржуазно". Не напрасно человѣкъ раздѣляетъ философію неотвѣтственности.

Но тотъ, кто всматривается въ дѣйствительное рабочее движеніе, находитъ также, что отсутствіе тѣхъ качествъ, которыя пролетарію по симпатіи, вышедшему изъ буржуазіи, кажутся буржуазными, цѣнится тамъ весьма мало, и что тамъ съ нравственнымъ пролетаріатствомъ нисколько не носятся, а напротивъ стараются изъ пролетарія сдѣлать „буржуа". Съ неосѣдлымъ, лишеннымъ родины и семьи пролетаріемъ было бы невозможно никакое прочное, солидное трэдъ-юніонистическое движеніе: не буржуазный предразсудокъ, а убѣжденіе, пріобрѣтенное десятками лѣтъ опыта въ организаціонной работѣ, превратило столько англійскихъ рабочихъ вожаковъ—соціалистовъ и несоціалистовъ—въ пламенныхъ приверженцевъ движенія трезвости *). Соціалисты-рабочіе знаютъ недостатки своего класса и наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ не только не идеализируютъ, но, напротивъ, стараются всѣми силами искоренить ихъ.

Я долженъ опять вернуться къ словамъ Либкнехта, будто мнѣ импонировало колоссальное развитіе англійской буржуазіи. Это лишь вѣрно въ томъ смыслѣ, что я убѣдился въ неправильности обращавшихся раньше въ нашей литературѣ и покоившихся на недостаточныхъ статистическихъ данныхъ взглядовъ относительно исчезновенія средниxъ классовъ. Но этого одного недостаточно было, чтобъ заставить меня пересмотрѣть мои воззрѣнія на скорость и характеръ развитія соціализма. Гораздо важнѣе было то, чему научило меня болѣе близкое знакомство съ классическимъ рабочимъ движеніемъ новаго времени. И нисколько не вдаваясь въ излишне смѣлыя обобщенія, я убѣдился и съ различныхъ сторонъ получилъ тому подтвержденіе, что нѣтъ принципіальной разницы между континентомъ и Англіей. Рѣчь идетъ не о національныхъ, а о соціальныхъ явленіяхъ.

Мы не можемъ требовать отъ класса, значительное

*) И комитетъ независимой соціалистической рабочей партіи недавно выразилъ желаніе въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ къ секціямъ, чтобы въ клубахъ не потреблялилъ спиртные напитки.

большинство котораго живетъ въ скверныхъ квартирныхъ условіяхъ, плохо воспитано и не имѣетъ постояннаго и достаточнаго занятія, того высокаго умственнаго и нравственнаго состоянія, которое предполагаетъ введеніе и существованіе соціалистическаго общежитія. Поэтому мы не желаемъ ему и приписывать его Будемъ радоваться тому запасу интеллигентности, самоотверженности и активности, который современное рабочее движеніе отчасти уже обнаружило, отчасти носитъ въ себѣ; но не будемъ безъ критики переносить того, что справедливо относительно избранныхъ—пусть даже сотенъ тысячъ,—на массу, на милліоны. Я не хочу передавать мнѣній, которыя сообщались мнѣ по этому поводу рабочими устно и письменно; мнѣ нѣтъ надобности также защищаться передъ людьми знающими отъ подозрѣнія въ фарисействѣ и самодовольномъ педантизмѣ Но я охотно сознаюсь, что здѣсь я мѣрю двумя мѣрами. Именно потому, что я жду многаго отъ рабочаго класса, я осуждаю все, что касается порчи его нравственнаго сознанія, гораздо сильнѣе, нежели то, что въ этомъ отношеніи происходитъ въ высшихъ классахъ, и я съ величайшимъ прискорбіемъ смотрю, какъ въ рабочей прессѣ тамъ и сямъ даетъ о себѣ знать литературное декадентство, которое можетъ вліять лишь смущающимъ и въ концѣ концовъ деморализующимъ образомъ. Классъ, восходящій въ исторіи, долженъ обладать здоровой нравственностью. Рисуетъ ли онъ себѣ какую-нибудь конечную цѣль, имѣетъ въ концѣ концовъ второстепенное значеніе, разъ онъ съ энергіей преслѣдуетъ свои ближайшія цѣли. Важно лишь то, чтобы его цѣли проникнуты были опредѣленнымъ принципомъ, выражающимъ болѣе высокую ступень хозяйства и всей общественной жизни, чтобъ онѣ пропитаны были соціальнымъ міросозерцаніемъ. обозначающимъ въ развитіи культуры шагъ впередъ, болѣе высокую мораль и болѣе высокое пониманіе права.

Съ этой точки зрѣнія я не могу подписаться подъ фразою: „рабочій классъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ“; я скорѣе вижу въ ней лишь продуктъ самообольщенія, если не простую игру словъ со стороны автора ея. И въ этомъ смыслѣ я въ свое время апеллировалъ противъ cant'а, который старается протиснуться въ рабочее движеніе и которому гегелевская діалектика даетъ широкій просторъ, къ

духу великаго кенигсбергскаго философа, критика „Чистаго Разума“. Яростныя нападки, которыя я навлекъ на себя этимъ со стороны г. Плеханова, лишь укрѣпили меня въ убѣжденіи, что соціалъ демократіи нуженъ Кантъ, который призвалъ бы традиціонныя доктрины на судъ своей острой критики и показалъ бы, гдѣ ея видимый матеріализмъ составляетъ высшую, а потому и наиболѣе легко смущающую идеологію, и затѣмъ, что пренебреженіе идеаломъ, поднятіе матеріальныхъ факторовъ на степень всемогущихъ силъ развитія есть самообманъ, который сами исповѣдующіе его при каждомъ удобномъ случаѣ вскрывали и будутъ вскрывать на практикѣ. Такой человѣкъ, который съ убѣдительной силою логики показалъ бы, что въ произведеніяхъ нашихъ великихъ первыхъ бойцовъ цѣнно и имѣетъ жить и что должно и можетъ пасть, далъ бы намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность составитъ болѣе безпристрастное мнѣніе относительно работъ, хотя и не исходящихъ изъ пунктовъ, кажущихся намъ теперь единственно законными, но все же, опредѣляющихся тѣми же цѣлями, за которыя борется соціалъ-демократія. Что соціалъ-демократическая критика въ этомъ дѣлѣ заставляетъ иной разъ желать многаго еще и обнаруживаетъ всѣ тѣневыя стороны, свойственныя эпигонству, не станетъ отрицать ни одинъ непартійно мыслящій человѣкъ Я самъ уплатилъ въ этомъ отношеніи свою дань и потому ни въ кого не бросаю камень. Но именно потому, что я выхожу изъ этой школы, считаю я себя въ правѣ провозгласить необходимость реформы. Если бы я не опасался быть дурно понятымъ (быть ложно истолкованнымъ—я, конечно, заранѣе ожидаю), я бы вмѣсто: „назадъ къ Канту“ говорилъ: „назадъ къ Ланге“. Ибо подобно тому, какъ для философовъ и естествоиспытателей, придерживающихся этого девиза, рѣчь идетъ о возвращеніи не къ буквѣ того, что писалъ кенигсбергскій мыслитель, а лишь къ основному принципу его критики, точно такъ же не можетъ быть и у соціалъ-демократіи рѣчи о возвращеніи ко всѣмъ соціалъ-политическимъ воззрѣніямъ и сужденіямъ Фридриха-Альберта Ланге. Что я имѣю въ виду,— такъ это отличающее Ланге сочетаніе честнаго и безстрашнаго выступленія въ защиту освободительныхъ стремленій рабочаго класса съ высокимъ научнымъ отсутствіемъ предвзятыхъ мнѣній, которое всегда готово сознаваться въ ошибкахъ и признавать новыя истины. Быть можетъ, такая всеобъем-

лющая ширина мысли. какая вѣетъ со страницъ Ланге, возможна лишь у такихъ людей, которымъ недостаетъ пронизывающей остроты анализа, свойственной титанамъ, открывающимъ новые пути, въ родѣ Маркса. Но не всякая эпоха создаетъ Маркса, и даже для человѣка одинаковой геніальности современное рабочее движеніе было бы слишкомъ велико, чтобы отводить ему то мѣсто, какое занимаетъ въ его исторіи Карлъ Марксъ. Въ настоящее время рабочее движеніе нуждается, на ряду съ воинствующими, еще и въ синтетическихъ и обобщающихъ умахъ, которые стоятъ достаточно высоко, чтобъ умѣть отдѣлять пшеницу отъ плевеловъ, и достаточно широко мыслятъ, чтобъ признавать также и то растеньице, которое выросло на чужой грядкѣ, и которые, быть можетъ, не цари, но за то горячіе республиканцы въ области соціалистической мысли.